ISSN 2072–7607

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 1 (20)

Рязань 2012

ISSN 2072–7607

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Регистрационный номер
ПИ №ФС 77–26636

Редакционная коллегия

Главный редактор
Я.М. Колкер, канд. пед. наук, проф. (Рязанский гос. ун–т им. С.А. Есенина)

Научный редактор
Е.С. Устинова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун–т им. С.А. Есенина)

Члены редакционной коллегии

В. Н. Бабаян, д–р филол. наук (Ярославль, филиал ВУНЦ ВВС)
А. Г. Голодов, д–р филол. наук, проф. ((Рязанский гос. ун–т им. С.А. Есенина)
В.И. Жельвис, д–р филол. наук, проф. **(**Ярославский гос. пед. ун–т им. К.Д. Ушинского)
Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун–т им. С.А. Есенина)
Т. Я. Кузнецова, д–р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун–т)
С.С. Куклина, д–р пед. наук, проф. (Вятский гос. гуманит. ун–т)
А.М. Поликарпов, д–р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун–т)
С.Ю. Потапова, д–р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)
Т.С. Серова, д–р пед. наук, проф. (Пермский гос. технический ун–т)
Е. Н. Соловова – д–р пед. наук, проф. (МГУ им. М.В.Ломоносова)
В.Н. Степанов, д–р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)

Редакторы иностранного текста

Е.С. Устинова (английский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Т.П. Карпакова (французский язык)
Нина Шань (китайский язык)
А.В. Николаенко (испанский язык)

По вопросам публикации обращаться по адресу:
e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год.

Адрес и телефон редакции: 390000, Рязань, ул. Свободы, 46. Тел.: (4912) 21–57–23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2012
© Коллектив авторов, 2012
© «Иностранные языки в высшей школе, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Пути и средства воздействия на получателя сообщения: дискурсивный анализ

Голодов А.Г.

Межотраслевое заимствование как средство создания позитивной оценочности 5

Степанов В.Н.

К вопросу об эмоциогенной коммуникации 11

Товмасян Г.Ж. (Tovmasyan H.)

Дейксис как анафора и активатор пресуппозиций:
функциональный подход
Deixis as Text/Discourse Anaphora and Presupposition Trigger:
a Functional Approach 32

Раздел II
Исследование художественного дискурса в когнитивном и филологическом аспектах

Бойко Г.И.

Художественный дискурс: когнитивные и концептуальные аспекты
(на материале немецкого языка) 39

Матвеева Н.А.

Воссоздание логической подоплеки ассоциативно созданного образа в поэзии 43

Смоленцева М.В.

Синонимический ряд эмоции «любовь» в немецком песенном дискурсе 48

Раздел III
Системный анализ языковых и лингвокультурных единиц

Каримова Р.Х.

К вопросу о содержании слова «faul» в немецком языке 56

Карпакова Т.П.

Территориальные диалекты как источник пополнения сниженной лексики
французского языка 61

Кутьева М.В.

Фразеологизмы, восходящие к библейским персоналиям, в испанской
и русской языковых картинах мира 68

Раздел IV

Формирование коммуникативной и переводческой компетенции у студентов языкового вуза

Королькова С.А.
Переводческие ошибки: классификация и критерии оценивания в дидактике письменного перевода 78

Устинова Е.С.
Роль и место парафраза в формировании коммуникативной компетенции у студентов языкового вуза 86

Раздел V

Институт Конфуция – лингвокультурологии и лингводидактике

Ван Синьтон
Символика цвета в российской и китайской культуре 94

Лю Цзюань
Китайский иероглиф как языковой знак 99

Лян Миньянь
Методика обучения коммерческому и юридическому китайскому языку 104

Чжу Лицюнь
Сопоставительное изучение утверждения и отрицания в русском и китайском языках 108

Table of contents and abstracts 112

Сведения об авторах 116

List of authors 117

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 118

Раздел I

Пути и средства воздействия на получателя сообщения: дискурсивный анализ

УДК 81–25
ББК 81.432.4
Г 614

А.Г. Голодов, д–р филол. наук
(РГУ им.С.А.Есенина, Рязань)

Межотраслевое заимствование как средство создания позитивной оценочности

В предлагаемой статье рассматривается межотраслевое заимствование как средство создания позитивной оценочности. В качестве материала использован разговорный вариант немецкого языка футбола, который богат заимствованиями из других отраслевых лексических систем. Однако основная масса заимствований из других терминосистем представлена в нем военными терминами и жаргонизмами. Анализируются причины этого явления и функции, выполняемые в языке футбола заимствованными из военной лексики глаголами.

межотраслевое заимствование, разговорный язык футбола, разноуровневые заимствования, позитивная оценочность, военные термины, глаголы

В отличие от иноязычного заимствования, когда заимствуется целое значение с его звуковой оболочкой, при межтерминологическом (межотраслевом) заимствуется лишь интегральный семантический признак, то есть часть значения, на базе которого образуется новое – переносное (вторичное). «Распространенным является «заимствование из одной сферы знания в другую…» [1]; при этом, «являясь атрибутом одной области науки и техники и попадая в другую область, термины претерпевают смысловую модификацию, хотя семантический стержень термина остается прежним...» [2].

В предлагаемой статье рассматривается разговорный вариант немецкого языка футбола (в дальнейшем – РЯФ), который богат заимствованиями из различных отраслевых лексических систем (в частности из гастрономической, автомобильной и пр.). Однако основная масса заимствований из других терминосистем представлена в РЯФ военными терминами и жаргонизмами. Одной из причин этого можно считать тот факт, что футбол стал в современном западноевропейском обществе (в частности в немецком), которое, к счастью, 60 лет не знало войны, своего рода ее заменой (появился даже соответствующий термин *Ersatzkrieg = замена войны*). Фан попадает в зависимость от футбола, так как футбольное событие (Fußballereignis) на несколько часов делает мир проще. «Это «упрощение мира» (Vereinfachung der Welt) находит свое выражение в следующем:

1) с помощью футбола фанат освобождается от индивидуализма и одиночества (большинство фанов люди неженатые);

2) футбол дарит ему «упрощение» географической картины мира до 18 городов (где есть команды бундеслиги). Случалось, что фанаты в кассе требовали, например, билет не «nach Hamburg»

---

[1] Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. С. 71.

[2] Калмыкова И.Е. О динамике метафоры в научном стиле // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1974. С. 87.

(в Гамбург), а «nach HSV» (название гамбургского клуба). Однако настоящая цель многих фанов – «возвышенное переживание войны» (das erhabene Erlebnis des Krieges).

3) к третьему варианту «упрощения мира» относится возможность деления мира на друзей и врагов (Freund und Feind). Юрист Карл Шмидт распознал в противостоянии «друг и враг» ядро политики. Сегодня, как известно, политики представляют собой группу лиц, связанную групповой порукой (geschworene Gemeinschaft) партийных чиновников, которые используют дебаты и конфликты для эффектной подачи себя телевизионной общественности (TV–Öffentlichkeit). Настоящая враждебность существует, вероятно, только в мире фанов и хулиганов… Клуб занимает в душе хулигана то место, где раньше было отечество (Vaterland)» [3].

В комментарии игр бундеслиги в газете BILD находим объяснение, в чем состоит главное преимущество футбольного противостояния перед военным: «Nichts anderes als Fußball interessierte mich. Wie sie...allen Bällen hinterherrannten, sich dem Gegner in die Beine warfen, Tritte kassierten, gelbe Karten kassierten. «Schieß, Schieß», schrie ich auf meiner Couch. «Worauf wartest du, schieß endlich!» Das ist das schöne am Fußball. Der Fußball schießt nicht mit tödlicher Munition. Der Fußball schießt mit dem Ball» (Меня ничто так не интересует как футбол. Как они носятся за мячами, бросаются сопернику в ноги, получают удары ногой, желтые карточки. «Бей, бей», – кричу я с моего дивана. Чего ты ждешь, бей!». Футбол наносит удары (стреляет) не смертельными боеприпасами. Футбол наносит удары (стреляет) мячом» [Bild. 30.01.2006. S. 2].

Итак, главное преимущество футбола перед войной – *в футболе «стреляют» не «смертельными» боеприпасами, а мячом.*

Существенное влияние военной лексики на спортивную в целом (и футбольную в частности) неоднократно отмечали исследователи. Так Г. Гартман пишет: «…в сообщениях о футбольных и гандбольных матчах выбираются предпочтительно сравнения из военной области. Это, несомненно, следствие внешнего сходства между мирной спортивной борьбой и некоторыми военными основными понятиями». Сравнивая задачи обороны военной и спортивной, автор отмечает: «И та и другая имеют задачей отражение атак противника. Солдат защищает доверенную ему и его подразделению позицию… игрок и его команда защищают ворота» [4]. С. Фоллмерт–Шписки подчеркивает закономерность сильного влияния военной терминологии на язык футбола, вытекающую из сходства этих двух отраслей: «Ein Sport, in dem die Taktik des Angriffs und der Verteidigung eine große Rolle spielt, und der eine eher verlaufsbezogene als ergebnisorientierte Berichterstattung erfordert, lässt sich mit einer militärischen Auseinandersetzung vergleichen. Daher ist kein Zufall, dass wir einen hohen Anteil von militärsprachlicher Lexik in der Fußballsprache vorfinden» (Вид спорта, в котором тактика атаки и обороны играет большую роль и который требует репортажей скорее ориентированных на описание самого процесса, а не его результата, можно сравнить с военным противостоянием. Поэтому не случайно доля военной лексики в языке футбола велика»). Далее автор отмечает особое влияние военной лексики (Militärlexik) именно на футбольный жаргон (Fußballfachjargon) [5].

Глаголы из области военного дела – *abdrücken, abfeuern, abziehen* (= нажимать на спусковой крючок, что приводит к выстрелу), которые сравнивают мяч с пулей и подразумевают момент вылета пули, обозначают в РЯФ неожиданный, мощный удар» [6]. Еще больший эффект достигается за счет того, что указанные глаголы обычно употребляются без упоминания смыслового объекта, которым в этом случае является мяч.

Практически все заимствованные из военной лексики глаголы обозначают тот или иной вид удара. Это обусловлено тем, что футбольный вариант агрессивного действия (к которому относит-

---

[3] Schneider M. Leben und Sterben für den Verein – Krieg der Fußballfans // Der Deutschunterricht. 1998. H. 2. S. 40–42.

[4] Hartmann H.W. Zum Gebrauch des Bildes in Sportberichten // Sprachpflege, 1964. H. 1. S. 4.

[5] Vollmert–Spiesky, S. Vergleichende Untersuchung der Lexik des Fußballspiels im Russischen, Polnischen und Deutschen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996. S. 3, 51.

[6] Dankert H. Sportsprache und Kommunikation : Diss. Tübingen, 1969. S. 32.

ся и нанесение удара) ассоциируется у носителей немецкого языка с выстрелом, поэтому не случайно глагол *schießen* (= стрелять) является основным термином в лексике спортивных игр, служащим для обозначения удара. Здесь ощущается сильное влияние немецкой военной терминологии, высокий уровень развития которой объясняется самой бурной немецкой историей, где войны (и соответственно военное дело) всегда играли существенную, часто решающую роль. Не исключено, что именно под влиянием немецкого языка футбола в последнее десятилетие русский стал также интенсивно применять для обозначения мощного атакующего удара военный термин *стрелять.*

Чрезмерное увлечение метафорами и сравнениями, прямо проводящими параллели между футболом и войной, нередко подвергается критике. При этом подчеркивается, что «немалая часть населения после катастрофической Второй мировой войны чувствительно реагирует на подобные языковые картины…» [7].

Особенно остро критикуется истерия, раздуваемая спортивными журналистами вокруг международных игр: «Bedauerlich und Besorgnis erregend ist es allerdings, wenn Sportveranstaltungen gelegentlich dazu mißbraucht werden, verbale «Ersatzkriege» zu inszenieren, vor allem bei sogenannten Nationalspielen. Erfolg oder Mißerfolg, Sieg oder Niederlage sind dann Auslöser für gefürchtete Vorurteile vergangener Zeiten, die Menschen und Völker zu widerwärtigen und unausstehlichen Italienern, Holländern, Engländern, Franzosen, Russen... Deutschen herabsetzen» (Конечно, вызывают сожаление и озабоченность факты, когда спортивные состязания временами используются для инсценировки «вербальных войн», прежде всего если речь идет о так называемых международных играх. Удача или неудача, победа или поражение становятся в таких случаях причиной опасных предрассудков прошедших времен, когда людей деградировали до уровня отвратительных и несносных итальянцев, голландцев, англичан, французов, русских… немцев» [8].

Военные термины при вхождении в новое для них лексическое поле для образного обозначения предметов и явлений подвергаются за счет этого перехода детерминологизации, то есть перестают быть нейтральными обозначениями специальных понятий в своей отрасли.

Все жаргонизмы, вошедшие из военной лексики в РЯФ с помощью метафорического (редко – метонимического) переосмысления, можно подразделить на следующие группы:

а) Одноуровневые узуальные заимствования. К таковым относятся заимствованные из какой–либо специальной лексики профессиональные жаргонизмы, сохранившие в новом терминологическом поле свой «жаргонный» статус: *военный жаргонизм* → (становится) *футбольным жаргонизмом.*

б) Разноуровневые узуальные заимствования. В этом случае речь идет о заимствованных из какой–либо специальной лексической системы терминах, изменивших (формально понизивших) в новом для них специальном лексическом поле свой статус: военный *термин* → (становится) футбольным *жаргонизмом.*

С целью создания позитивной оценочности в РЯФ заимствуются военные жаргонизмы–глаголы, которые придают обозначаемому футбольному понятию определенную агрессивность и жесткость. Последние характеристики являются основными признаками военной отрасли, из терминологии которой происходит заимствование.

Все разноуровневые глагольные заимствования из военной лексики в РЯФ входят в лексико–семантическую группу (ЛСГ) «наименование видов футбольных действий». Большинство из них служит для обозначения понятия «нанесение мощного атакующего удара». Конституенты этой группы выражают дополнительный позитивный оттенок обозначаемого понятия за счет наличия в их значениях семы «неожиданность»: *abdrücken = abfeuern = abziehen* (мощно и неожиданно ударить по воротам). Это представляется логичным, так как именно в военном деле (и, соответственно, в футболе) необычайно высока цена такого качества, как неожиданность:

● ***Abdrücken*** – пришел из военной терминологии, где он употребляется в значении: «производить выстрел; открыть огонь…» [ВНРС]. В общеязыковой лексике военно–терминологическое

[7] Brandt W. Sprache des Sports. Frankfurt am Main : Verlag Moritz Diesterweg, 1988. S. 106.

[8] Braun P. Annäherung an die Fußballsprache // Muttersprache. 1998. H. 2. 1998. S. 145.

значение занимает в системе значений данного глагола скромное третье место: «3. den Abzug einer Schusswaffe betätigen, um den Schuss auszulösen…» [Universalwörterbuch]. В РЯФ abdrücken вошел в значении: «plötzlich wuchtig schießen…» [Regeln 1]. При вхождении в новое специальное лексическое поле глагол подвергся метафорическому переосмыслению на основе сходства результата действия, который, в свою очередь, также является действием – логическим продолжением первого. Это значит, что первое из двух действий (в военном деле – нажатие пальцем на спусковой крючок, в футболе – касание мяча ногой) может рассматриваться как причина, то есть процесс, а второе (в военном деле – выстрел, сопровождаемый вылетом из ствола пули с большой скоростью, в футболе – полет мяча с большой скоростью после нанесенного удара) – как следствие, то есть результат.

Первое действие (нажатие на спусковой крючок оружия – *abdrücken*) вызывает второе – выстрел (более интенсивное и динамичное), при котором определенному предмету (в данном случае пуле) придается высокая скорость движения. При этом обозначение первого действия становится наименованием всего понятия в целом, включающего в себя оба действия. Эта схема была перенесена в РЯФ, где первое действие (удар ногой по мячу) также является причиной второго (интенсивно–динамичного), в результате чего уже более мирный предмет (мяч) получает высокую скорость движения. И в военном, и в футбольном значении присутствует общая сема «намерение поразить цель».

● ***Abziehen*** – в военной лексике представлен двумя омонимами, один из которых полисемантичен [ВНРС]: 1) abziehen–1 = спускать (курок); 2) abziehen–2 = отходить, уходить (без боя); отводить войска. В общем языке abziehen насчитывает около полутора десятка значений, среди которых оба военных приводятся под разными цифрами, что представляется логичным: «…5...den Abzug einer Waffe o.Ä. betätigen...: die Handgranate a. …12. (Milit.) Truppen, Waffen) zurückziehen...: Truppen a...» [Universalwörterbuch]. Судя по наличию пометки «Milit.» только у значения «12», авторы посчитали этот вариант «более военизированным», чем «5».

В РЯФ был заимствован abziehen–1, который выступает в качестве дублета к рассмотренному выше жаргонизму abdrücken, полностью совпадая с ним по значению: «plötzlich wuchtig schießen…» [Regeln 1]. Как и в случае с abdrücken, здесь произошло метафорическое переосмысление значения на основе сходства результата действия, который, в свою очередь, также является действием – логическим продолжением первого.

● ***Abfeuern*** – третий жаргонизм в дублетном ряду (abdrücken = abziehen = abfeuern) обозначений мощного и неожиданного удара: «plötzlich wuchtig schießen…» [Regeln 1]. Этот глагол также пришел из военной терминологии, где употреблялся в значении: «производить выстрел; открывать огонь…» [ВНРС]. В отличие от рассмотренных выше abdrücken и abziehen, глагол abfeuern является «чисто» военным термином, то есть образовался в рамках военной терминологии, а не был заимствован в нее путем метафорического переосмысления значения из общеязыковой лексики как два других дублета, поэтому в общем словаре как основные (два) приводятся военные значения, а футбольное дано с пометой переносное: «1. (eine Feuerwaffe) abschießen: eine Kanone a. 2. ein Geschoss abschießen: eine Rakete, Salutschüsse a.; Ü einen Schuss aufs Tor a. (Fußball; einen Ball mit Wucht aufs Tor schießen). Если сравнить три рассмотренных жаргонизма: *abdrücken, abziehen* и *abfeuern* с эмоционально нейтральным термином *schießen*, то можно выделить три семантических дифференцирующих компонента, которые «эмоционализируют» эти дублеты, делая их профессиональными жаргонизмами:

1) мощность, интенсивность действия (wuchtig);

2) неожиданность, резкое начало действия (plötzlich); в значении этих глаголов содержится и дифференцирующий семантический компонент «спонтанность, неожиданность» (выраженный прилагательным plötzlich), отличающий этот глагол от ряда других единиц ЛСГ «нанесение мощного удара»;

3) данные жаргонизмы обозначают интенсивное действие (выстрел), сопровождаемое сильным звуковым эффектом, то есть и здесь подтверждается тенденция, отмеченная у большинства глаголов, служащих для выражения понятия «нанесение мощного удара» и пришедших в язык фут-

бола в результате метафорического или метонимического переосмысления из общеязыковой лексики, где они также обозначали действия, связанные с интенсивным звуковым сопровождением.

Употребление всех трех жаргонных дублетов без смыслового объекта (Ball) позволяет добиться в соответствующих эпизодах еще большего эмоционального эффекта.

● ***Kanonieren*** – в отличие от трех рассмотренных выше дублетов не содержит в футбольном значении семы «неожиданность», поэтому может рассматриваться как их синоним. В современной немецкой военной терминологии не применяется, так как является ярко выраженным военно–терминологическим архаизмом: « «mit Kanonen schießen» (17. Jh; .., in diesem Sinne heute veraltet, aber umg. noch übertragen gebraucht für «kraftvoll aufs Tor schießen» (Fuß–, Handball usw.)» [Herkunftswörterbuch]. Соответствует в русском РЯФ словосочетанию «как из пушки выстрелил». В РЯФ этот устаревший военный термин пришел, как и многие другие обозначения мощного удара, в результате метафорического переосмысления по сходству интенсивности действия: ударил так мощно, как будто из пушки выстрелил: «besonders wuchtig aufs Tor schießen» [Regeln 1].

● ***Belagern*** – осаждать ворота противника (непрерывное атакующее действие, направленное на ворота противника). В качестве военного термина этот глагол выступал в значении: «осаждать, блокировать» [ВНРС]. Футбольным узуальным жаргонизмом стал в результате метафорического переосмысления на основе сходства вида действия, включающего в себя такие компоненты, как «окружение» + «непрерывность действия» (атаки). В РЯФ этот военный термин стал футбольным жаргонизмом, употребляясь в значении: «ständig angreifen und gegen das gegnerische Tor stürmen…» [Regeln 1]. В русском языке соответствует также заимствованному из военной терминологии глаголу *осаждать* или сочетанию *вести осаду.*

● ***Entschärfen*** *(eine Bombe)* – отразить мощный удар (о вратаре). Употребление в качестве жаргонизма этого военного термина скорее всего было спровоцировано его «военной» сочетаемостью с другим ключевым военным термином и одновременно популярным футбольным жаргонизмом *Bombe*, который при вхождении в РЯФ как бы «захватил с собой» и трансформировал «военно–глагольную» сочетаемость. Военный термин, ставший вследствие усиления терроризма и соответственно борьбы с ним особенно популярным в последние годы, употребляется в значении: «снимать с боевого взвода; ставить на предохранитель; обезвреживать (мины); удалять взрыватель (из мин)». В РЯФ глагол *entschärfen* пришел путем метафорического переосмысления на основании принципиального сходства результата военного и футбольного действий: «eine Bombe, einen Schuss entschärfen...» [Regeln 1]: «Direkt vorher hatte FCK–Keeper Koch noch einen Lantz–Kracher entschärft» [Bild. 26.02.2001. S. 15]. В данной ситуации в сочетании с военным термином entschärfen употреблен придающий ему еще большую эмоциональную оценочность окказионализм Kracher: «2. Knallkörper... [Universalwörterbuch], который заменяет здесь не термин Schuss, а скорее узуальный жаргонизм Bombe в значении «мощный удар по воротам» («wuchtiger Schuss aufs Tor...» [Regeln 1]).

● ***Explodieren*** *(am Gegner)* – жесткие атакующие действия против игрока–противника (плотно «взять» соперника). Военное значение: «взрываться» [ВНРС]. Общий словарь приводит военное значение среди прочих, менее «милитаристских», предлагая и переносное: «1. durch heftigen inneren [Gas]druck plötzlich auseinander getrieben werden, krachend [zer]platzen, [zer]bersten: die Bombe, der Kessel, das Gasgemisch ist explodiert; Ü die Kosten explodieren (steigen rapide an)...» [Universalwörterbuch]. Данный жаргонизм обозначает опять–таки интенсивное действие, которое ценится в футболе – умение и желание жестко, на пределе бороться, что и позволяет также отнести его к лексическим единицам, создающим в РЯФ эмоционально–положительную оценочность. Футбольное значение развилось в результате метафорической трансформации, вероятно, не из переносного – разговорного, а из военного, поскольку:

1) определяющим семантическим компонентом военного и футбольного значений является высокая (жесткая) интенсивность действия;

2) РЯФ часто использует для обозначения интенсивных действий именно такие глаголы, в исходном значении которых (здесь это есть в наличии у explodieren именно как военного термина)

содержится указание на мощный звуковой (шумовой) эффект: «...am Gegner, Mann e. (im harten, aber fairem körperlichen Einsatz mit dem Gegner um den Ballbesitz kämpfen)…» [Regeln 1].

● ***Erschießen*** – разгромить противника (результативное игровое действие нанести крупное поражение противнику). В РЯФ этот жаргонизм имеет четкую положительную оценочность, поскольку обозначает очень удачный результат игры: «eine Vielzahl von Toren schießen und so den Gegner eindeutig besiegen...» [Regeln 1]. В военной терминологии *erschießen*, как и многие другие термины, обозначающие физическое уничтожение противника в ходе военных действий также имеет позитивную оценочность. В общеразговорной лексике этот глагол употребляется как носитель негативной оценочности, поскольку для современной западно–либеральной ментальности характерно неприятие физического уничтожения даже в тех случаях, когда оно в общем оправдано.

Итак, значительное место среди заимствований из других терминосистем занимают в РЯФ военные термины и жаргонизмы. Одной из причин этого можно считать тот факт, что футбол стал в современном немецком обществе, которое много лет не знало войны, своего рода ее заменой. Футбол дарит болельщикам возможность упрощенного деления мира на друзей и врагов. Клуб занимает в душе фанов то место, где раньше было отечество.

Другой причиной интенсивного заимствования в РЯФ терминов и жаргонизмов из военной лексики является внешнее сходство между мирной спортивной борьбой и многими военными основными действиями.

В отличие от иноязычного заимствования целого значения (вместе с его звуковой оболочкой), при межтерминологическом (межсистемном) заимствуется лишь интегральный семантический признак, то есть часть значения, на базе которого образуется новое – переносное (вторичное). Фактически процесс такого заимствования обязательно включает в себя в той или иной степени переосмысление значения.

Трансформация специального военного значения в футбольное сопровождается приобретением эмоциональной оценочной окраски и часто переходом терминов в разряд жаргонизмов. При вхождении в РЯФ значения заимствований из военной лексики подвергаются, как правило, метафорическому переосмыслению. В большей степени этому подвержены военные термины, поскольку в своей «родной» лексической системе они были нейтральны, в меньшей − военные жаргонизмы, поскольку они, в отличие от терминов, содержат эмоционально–оценочную характеристику.

Особенно часто базой для переосмысления служат общие семантические компоненты военного и спортивного значения – «интенсивность действия и его продолжительность», поскольку данные характеристики типичны и для военных, и для футбольных действий.

Футбольные жаргонизмы, возникшие за счет заимствования из военной лексики, представляют собой единственную группу заимствований из других отраслевых лексических систем, в составе которой доминирует позитивная оценочность, то есть *мелиорация,* что противоречит общей картине в РЯФ, где доминируют пейоративы. Преобладание среди заимствованных из военной лексики жаргонизмов, служащих для выражения эмоционально–позитивной оценочности, объясняется в первую очередь «позитивностью» самих основных понятий футбольной отрасли, таких как интенсивное атакующее действие, мощный результативный удар, удачно организованная оборона и др.

Список использованной литературы

1. Калмыкова, И.Е. О динамике метафоры в научном стиле // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1974. С. 83–88.

2. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. С. 65–77.

3. Brandt, W. Sprache des Sports. – Frankfurt am Main : Verlag Moritz Diesterweg, 1988. – S. 105–108.

4. Braun, P. Annäherung an die Fußballsprache // Muttersprache. – 1998. H. 2. 1998. S. 134–145.

5. Dankert, H. Sportsprache und Kommunikation : Diss. – Tübingen, 1969. – 175 s.

6. Hartmann, H.W. Zum Gebrauch des Bildes in Sportberichten // Sprachpflege, 1964. H. 1. S. 4–7.

7. Schneider, M. Leben und Sterben für den Verein – Krieg der Fußballfans // Der Deutschunterricht. 1998. H. 2. S. 40–47.

8. Vollmert–Spiesky, S. Vergleichende Untersuchung der Lexik des Fußballspiels im Russischen, Polnischen und Deutschen. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1996. 482 s.

Список использованных словарей

1. Немецко–русский военный словарь. – М. : Воениздат МО СССР, 1964. – 1224 с. – НРВС.

2. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 1996. – 1816 s. – Universalwörterbuch.

3. Das Herkunftswörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache. Bibliographisches Institut. – Mannheim/Wien/Zürich; Dudenverlag, 1963. – 816 S. Herkunftswörterbuch.

4. Regeln und Sprache des Sports von Rainer Wehlen. Band 1. – Mannheim / Wien/Zürich. : Dudenverlag, 1976. – 377 s. – Regeln 1.

Периодика

Die Bildzeitung (Hamburg)

BamS /Bild am Sonntag/ (Hamburg)

УДК 808
ББК 81.411.2 + 81.432.1
С 794

В.Н. Степанов, д–р филол. наук
(МУБиНТ, Ярославль)

К вопросу об эмоциогенной коммуникации

Автор вводит в научный оборот новое социокультурное речевое понятие эмоциогенной коммуникации, использует для его анализа комплексный понятийный аппарат и обращается для его обоснования к относительно устоявшимся явлениям: речевое поведение, речевой жанр, провоцирование, провокативный дискурс.

эмоциогенная коммуникация, провоцирование, провокативный жанр, провокативный дискурс

Эмоциогенность и провоцирование как коммуникативные феномены

Изучению современной, динамично развивающейся и радикально меняющейся языковой среды (в том числе виртуальной) отводится чрезвычайно важное место: речевой поток и речевая среда оказывают нормативное влияние на речь рядового носителя языка, формируют стереотипы речевого поведения отдельного человека и общества в целом и способны генерировать новые форматы текстов [1].

[1] См.: Шилина М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. М. : ООО «РИЦ – Северо–Восток», 2012.

В относительно короткий период в филологии, философии и психологии появился ряд работ, в которых рассматриваются нетрадиционные (с точки зрения «традиционных» наук) культурные и речевые явления, играющие важную роль в формировании речевой среды и психологического климата социума [2].

Эмоциогенность общения как способность некоторого содержания через речь оказывать эмоциональное воздействие на реципиента и корректировать его эмоциональное состояние приобрела суверенный статус релевантного предмета лингвистических исследований [3]. Тем не менее распространенным остается представление о том, что эмоциогенность проявляется независимо от языковых средств, ее воздействующая сила заключена в характере содержания и в личности реципиента [4]. Приходится согласиться с тем, что эмоциогенность априори присуща речевой коммуникации и проявляется практически во всех сферах общения, но, на наш взгляд, в наиболее полной мере – в провоцировании, ее лингвистическая идентификация и квалификация возможна на материале провокативного дискурса.

Традиционное представление о провоцировании обычно определяется через выстраивание синонимического ряда со словом «подстрекательство». Незаметным для большинства носителей языка остается принцип провоцирования, на который указывает этимологический анализ значения слова «провоцировать»: «вызывать» (эмоции, чувства, состояния – определенного рода психическую активность).

Вот, например, как провоцирование, а также связанный с ним эмоциональный накал и одновременно его противоречивую мотивационную природу на примере отношений в семье описывает Георгий Гачев: «И вот только что «сволочь» я и «гад» и «чтоб сдох» – так проклят и заклеймен дочерью, – и в мановение ока, пока обнял, – все это исчезло и ничего не значит: любим я и унежен, а все эти социумные, с чужого плеча взятые напрокат семейного разговора понятия и слова – лишь провокация, чтоб источить – нежность (выделение наше. – В.С.), что бессловесна и лепечуща» [5].

Приведенный пример позволяет отнести эмоциогенное общение к сфере непрямой коммуникации, исследования которой являются междисциплинарными и ведутся в разных областях научного знания. В.В. Дементьев предлагает называть непрямой коммуникацией «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [6].

Представление о провоцировании, зафиксированное в словарях современного русского литературного языка, наоборот, ярко оценочно. Вот, например, как толкуется провокация и однокоренной глагол: «Провокация [от лат. provocation – вызов] – 1. Подстрекательство, побуждение кого–л. (отдельных лиц, групп, организаций и т.д.) к таким действиям, которые повлекут за собой тяжелые, гибельные для них последствия. *Военная провокация*. // Предательские действия тайных агентов с целью шпионажа и подстрекательства революционных организаций к таким действиям, которые должны привести к ослаблению, к разгрому этих организаций. 2. *Мед*. Искусственное возбуж-

---

[2] См.: Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб. : Изд–во СПбГУ, 2000 ; Степанов В.Н. Провокативный дискурс социально–культурной коммуникации. СПб. : Роза мира, 2003 ; Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб. : Роза мира, 2008 ; Франкфурт Г. К вопросу о брехне: логико–философское исследование. М. : Европа, 2008 ; Щек Г. Зависть: теория социального поведения. М. : Европа, 2008.

[3] См.: Жура В.В. Эмоциогенность общения «пациент–врач» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Известия Рос. гос. пед. ун–та им. А.И. Герцена. 2007. № 9. С. 38–44.

[4] Илинская А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке : Автореф. ...канд. филол.наук. Барнаул, 2007. С. 8.

[5] Гачев Г. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока…). Исповесть. М. : Ди–Дик–ТАНАИС : Мир, 1995. С. 408.

[6] Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд–во СГУ, 2000. С. 4.

дение, усиление каких–либо явлений, признаков болезни. *Провокация приступа малярии* [от лат. provocation – вызов]» [7].

В западной традиции негативная стилистическая коннотация снимается, и цель провоцирования толкуется по–иному, в иной системе ценностей: на первом месте не побуждение к действию (хотя оно тоже присутствует), а возбуждение гнева, других чувств или побуждение к активности, а также уговаривание: «provoke. 1. to stir to anger. 2. To arouse feelings or activity in. 3. To incite to action. 4. To induce or bring about» [8].

В специальной научной литературе глагол «провоцировать» и его формы используются с нейтральными в эмоциональном отношении значением «вызывать», например: «В ситуациях подобного типа всегда есть элемент активного несогласия, протеста против «неправильного», с точки зрения одного из участников общения, поведения собеседника. Это влечет за собой вербальную агрессию, провоцирующую (вызывающую. – *В.С.*) коммуникативный конфликт» [9].

Данная статья посвящена феномену эмоциогенной коммуникации, который рассматривается на примере провоцирования в социальной и массовой коммуникации. В качестве источника используется одновременно материал художественной литературы и средств массовой информации как «духовно–производственных социальных институтов» [10].

Традиционное обращение исследователей к материалам художественной литературы объясняется тем, что, по словам Т.Г. Винокур, «метатекстовые фрагменты художественного текста чрезвычайно поучительны. Они укрупняют причинно–следственные связи внеязыковых составляющих с вербальным отбором, избавляя исследователя от паспортизации явлений, уже получивших социально–психологическое обобщение» [11]. В художественной литературе интересующие нас явления эмоциогенного общения и провокативного воздействия описаны с огромной психологической точностью, вниманием к деталям, механизмам и результатам.

Например, в рассказе «К славе» А.И. Куприн описывает разговор двух старинных знакомых и отмечает психологические механизмы провокативного общения персонажей, при котором демонстрируемое говорящим эмоциогенное состояние оказывает влияние на поведение собеседника: кротость одного человека «передается» другому и «обезоруживает» его (1).

(1) Она отворила калитку и пошла вперед, не оборачиваясь.

– Лидия Михайловна! – воскликнул я, простирая к ней руки. – Неужели мы так и простимся? Вспомните, ведь мы никогда не были врагами.

Она остановилась.

– О чем же нам еще говорить? Разве у вас есть теперь что–нибудь общее с странствующей комедианткой? А впрочем, если уж вы хотите составить целое впечатление, то зайдите. По крайней мере, увидите, как мы живем. Что же вы остановились? Не бойтесь – у меня театрального мужа нет.

Слова ее еще продолжали быть язвительными, но тон смягчился. Должно быть, улеглась острая потребность оскорблять и чувствовать себя оскорбленной, а моя кротость еще более ее обезоружила. (…)

– Вы мне, родной мой, простите, что я вам дорогой наговорила, – просила она, глядя на меня прекрасными, умоляющими глазами. (…)

(*Куприн «К славе»*)

---

[7] Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981–1984. Т. IV. С. 472.

[8] Webster's desk dictionary of the English language. Based on The Random House Dictionary. Classic ed. N.Y., 1990. P. 729.

[9] Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 1998. С. 141.

[10] Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб. : СПбГУП, 1996. С. 4.

[11] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. С. 32.

Понятийный аппарат исследования

На первый план в данном исследовании вынесено уподобление эмоционального состояния провоцируемого эмоциогенному состоянию провоцирующего и создание вследствие этого благоприятной психологической основы для управления психическим состоянием провоцируемого.

I. Ключевое для всего исследования понятие – провоцирование – обозначает символическое представление («показывание») говорящим реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, психологических состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию.

II. Провоцирование мы рассматриваем как проявление эмоциогенности в речи и разновидность психологического заражения. Заражение как вид влияния (воздействия) представляет собой передачу эмоционального состояния или психологического отношения адресанта к человеку или группе людей (адресату), которые определенным образом перенимают это состояние или отношение.

III. Провоцирование относится к системным речевым явлениям, это особый вид речевой деятельности – провокативная деятельность. Провоцирование является деятельностью, которую можно описать, эксплицировав потребности, мотивы, цели и намерения, которые ее порождают, а также действия и операции, которые ее оформляют. Основной потребностью провокативной деятельности является потребность в общении как социальная потребность; основной провокативный мотив – сбалансировать демонстрируемое (эмоциогенное) состояние говорящего и эмоциональное состояние собеседника; провокативное намерение – передать (ретранслировать) демонстрируемое эмоциональное состояние; провокативная цель – вызвать аналогичное демонстрируемому эмоциональное состояние и ожидаемую эмоциональную реакцию собеседника.

IV. Лежащий в основе провоцирования комплекс интенций говорящего составляет определенный программный блок (провокативную стратегию), или макроструктуру (в том значении этого термина, которое предлагал ван Дейк [12]), и последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокативных жанров) до того момента, пока не будет достигнут ожидаемый провокативный эффект.

V. Информация о скрытом провокативном намерении говорящего, которое рассчитано на восприятие реципиентом и может снять неопределенность в сообщении, называется провокативной информацией.

VI. В связи с этим провоцирование в речи – это такое вербальное представление демонстрируемого адресантом эмоциогенного состояния, которое поливалентно, имеет сложную смысловую структуру, реализует стратегии непрямой коммуникации, облечено в жанровую форму и предлагает множественный выбор часто радикально противоположных интерпретаций.

VII. Провокативный дискурс – комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нем психологическое состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента.

Провоцирование и смежные речевые явления

Термин «провоцирование» обладает рядом отличий от близких ему по смыслу терминов, характеризующих смежные явления.

Важно особо отметить акциональный, событийный характер провоцирования, на основе которого появляется возможность сопряжения понятий «провоцирование» и «перформатив» (высказы-

[12] См.: Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.

вание, произнесение которого тождественно действию [13]), или «провоцирование» и «презентема» (мельчайшая информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвосемиотический комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него [14]).

Понятие элицитивных речевых актов учитывает так же, как и понятие провоцирования, перлокутивную цель побудить «адресата выполнить определенное, в том числе речевое, действие» [15], стимулировать некоторое поведение адресата и во многом является синонимичным ему: лат. Ēlĭcĭo – «выманивать, вызывать, призывать, склонять, побуждать» [16]. Но элицитивные речевые акты, в отличие от провоцирования, не относятся к области непрямой коммуникации, как позволяет судить приводимый исследователями материал, они представляют собой прямые речевые действия – призыв, приказ: (упрашивание) *Да уж прости меня, прости, прости!;* (элицитирование признания вины) *Признайся, и тебе сразу станет легче!; Лучше сам скажи, чем другие скажут!; Стыдно? Это и хорошо, что стыдно. Теперь сознавайся* [17].

Понятие эвокации имеет несколько значений: 1) вызывать или извлекать, как воспоминания; 2) вытягивать ответ [18]. Оно во многом синонимично понятию провоцирования, но само слово представляется нам в меньшей степени освоенным русским языком, чем слово «провоцирование», а экстенсионал этого понятия и его соотношение с экстенсионалом понятия «провоцирование» еще предстоит изучить более детально.

Коммуникативная онтология провоцирования

Перейдем к описанию и иллюстрированию сущности провоцирования.

Провоцирование имеет следующие онтологические признаки:

– опосредованно (непрямо, косвенно) выражает коммуникативное (эмоциогенное) намерение говорящего в форме поливалентных высказываний;

– полиадресно, внешне может не иметь адресата;

– опирается на конкретную ситуацию общения;

– носит демонстративный характер, использует наглядность;

– облечено в форму речевых (провокативных) жанров.

Провокативное общение выполняет две основные функции:

– аффективно–коммуникативная функция провокативного общения определяется его эмоциогенным характером: в результате провокативного общения изменяется эмоциональное состояние провоцируемого;

– регуляционно–коммуникативная функция провокативного общения проявляется во взаимной регуляции и коррекции эмоционального состояния и поведения субъектов, участвующих в провокативном общении, и приводит к активности субъекта–адресата, возникающей на основе подражания и заражения активностью субъекта–адресанта.

За актом говорения в провоцировании скрываются реальные или имитируемые эмоциональные состояния говорящих, с помощью которых совершается эмоциогенное воздействие на собеседника по следующей схеме: своим речевым поведением говорящий «показывает», вербализует с помощью принятых в данной культуре речевых жанров реальное или имитируемое эмоциональное

---

[13] См.: Остин Дж. Избранное. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.

[14] Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис, 2007. С. 182.

[15] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече–поведенческих тактик. М. : Гос. ин–т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. С. 37, 46.

[16] Петрученко О. Латинско–русский словарь. М., 1994. С. 215.

[17] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития... С. 37, 46.

[18] Webster's desk dictionary of the English language... P. 310.

состояние с целью вызвать в собеседнике аналогичное; таким образом совершается ретрансляция эмоционального состояния от одного человека к другому, в результате чего возникает психологическая основа для эмоциогенного воздействия одного человека на другого.

Психологическими механизмами провокативной деятельности говорящего являются демонстрация и ретрансляция реального или имитируемого эмоциогенного состояния или психологического отношения провоцирующего реципиенту провоцирования (провоцируемому) в речевом жанре, локализация провокативного намерения в символической форме вербальных знаков и вызывание (синонимы: каузация, эвокация, элицитация) в адресате аналогичного эмоциогенному состояния.

В качестве объекта провоцирования может выступать одна из психических сфер человека – аффективная (отвечающая за чувства, эмоции, настроения) либо когнитивная, отвечающая за познавательные и мыслительные способности человека.

«Мишенью» провоцирования становится преимущественно аффективная сфера психики человека – его чувства и эмоции: радость, страх, жалость, злость и т.д. (см. примеры 1, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 16).

Когнитивная сфера человека, его интеллектуальная активность становится объектом провоцирования в том случае, когда провоцирующий стремится регулировать мышление своей «жертвы», контролировать ее интеллектуальную активность.

Традиционным при провоцировании определенной когнитивной активности человека является стимулирование его интеллектуальной деятельности, регулирование ее этапов. Но даже в этом случае «мишень» двойная: начальным этапом провоцирования остается сфера чувств. Напомним здесь реплику Печорина (3) в ответ на решительное утверждение соперника: «Мы будем стреляться» (2). В задачу Печорина входило вызвать у Грушницкого чувство страха и жалости к себе. Но провокативным стал прием организации одной из форм когнитивной активности человека – мышления. Печорин напомнил Грушницкому об исходе дуэли и предложил подумать (посоветовал) о возможных последствиях.

(3) Я пожал плечами.

– Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит (совет).

(*Лермонтов «Княжна Мери»*)

Провоцирование в примере (4) также направлено на когнитивную активность провоцируемого, вызывает вполне конкретную (в данном случае квазирефлекторную) реакцию: Братец Кролик «заставил» Братца Лиса принять решение и тряхнуть ногой (shake his leg). Собственно провокативными являются размышления вслух Братца Кролика в присутствии якобы мертвого Братца Лиса, другими словами, Братец Кролик использовал провокативный прием демонстрирования собственной мыслительной деятельности.

(4) There was Brer Fox, lying on the bed, with his eyes shut so Brer Rabbit went to the open door.

«Poor Brer Fox», he said aloud, «I wonder if he is really dead? I think he must be for he lies very still; I had better wait here until his friends come».

Then he had another look at Brer Fox. «You can always tell when a fox is dead», he said, «because he keeps shaking his left leg».

When Brer Fox heard this, he thought he had better shake his leg but, of course, as soon as he did this, Brer Rabbit knew that he was just pretending.

(*J. Harris «More Brer Rabbit Stories»*)

Заглянул в дом, а Братец Лис лежит на кровати врастяжку, большой да страшный.

Тут Братец Кролик и говорит потихоньку, будто сам с собой разговаривает:

– Бросили все бедняжку Братца Лиса. Я все–таки верю, что выздоровеет Братец Лис, хотя и боюсь, что он помер. И никто не придет проведать Братца Лиса! Братец Волк и тот его бросил. У меня, правда, дел по горло, но я присмотрю за ним. Так, с виду, он помер. А как подумаешь, так, пожалуй, и не помер он вовсе. Потому что, это всякий знает: если придешь к покойничку, чуть он увидит тебя, сейчас же покойничек подымет кверху лапы и крикнет: «Ого–го!».

Но старый Лис лежал тихо. Тогда Кролик сказал чуть погромче:

– Странное дело! Братец Лис ну совсем мертвый, а ведет себя как покойнички не ведут. Покойник, если придут взглянуть на него, тотчас подымет лапы и крикнет: «Ого–го!».

Тут, конечно, Братец Лис поднял лапы и крикнул: «Ого–го!».

(*Джоэль Харрис «Сказки дядюшки Римуса»*,
пер. с англ. и обработка М. Гершензона)

Очевидно, что при подобного рода провоцировании объектом становится особый тип мышления. Мышление, как известно, существует в разных видах, однако исторически сложилась традиция наиболее пристально рассматривать речевое мышление. Его называют еще словесно–логическим, рассуждающим, оно рассматривается в психологии как один из основных видов мышления, характеризующийся использованием понятий, логических конструкций, функционирующий на базе языка [19].

Провоцирование скрывается под формой размышления вслух, проговаривания, предположения, но самим провоцирующим, как оказывается, она может восприниматься или осмысливаться как речевой жанр с другим коммуникативным содержанием.

Именно такое провоцирование встречается среди близких людей либо в такой ситуации, когда трудно ошибиться в адресате (например, если в комнате двое людей). В примере (5) приводится именно такой случай. Женщина лежит на диване и смотрит телевизор, а мужчина читает книгу. Телевизор стал плохо показывать, мужчина этого не замечает, и женщина «размышляет» вслух, она, как оказывается, просит:

(5) Женщина: Может быть, антенну поправить… (вопрос/просьба)

Мужчина: Ты хочешь, чтобы я поправил антенну? (вопрос)

Женщина: Я попросила. (признание)

Взаимодействие людей определяет структуру межличностного восприятия, которая включает в себя субъект межличностного восприятия, объект межличностного восприятия и сам процесс межличностного восприятия. Психологическая характеристика такого взаимодействия субъекта и объекта межличностного восприятия заключается в построении образа другого. В психологии отмечается важная черта межличностного восприятия: «[…] в процесс включены два человека, каждый из которых является активным субъектом, и по существу осуществляется одновременно как бы «двойной» процесс – взаимного восприятия и познания (поэтому само противопоставление субъекта и объекта здесь не вполне корректно)». Двумя сторонами акта взаимного познания людьми друг друга являются процессы идентификации и рефлексии, которые позволяют каждому из партнеров принимать в расчет не только свои собственные потребности, мотивы, установки, но и потребности, мотивы, установки другого.

Специфика восприятия человека человеком (социальной перцепции) скрыта в феномене так называемой каузальной атрибуции**,** суть которого заключается в том, что люди, познавая друг друга, стремятся к познанию причин поведения и вообще причинных зависимостей окружающего их мира. Такое стремление обусловлено специфической потребностью человека сделать причинный вывод, которая при недостатке информации о такого рода причинных зависимостях побуждает человека «не столько искать истинные причины, сколько приписывать их интересующему его социальному объекту». В том случае, если поведение объекта восприятия нуждается в особом объяснении, субъект восприятия вынужден апеллировать (один из синонимов слова «провоцировать» – вызывать с опорой на собственный опыт) «к интенциям и диспозициям воспринимаемого, а это и порождает простор для различных форм приписывания» [20]. Этот прием выстраивания общения на домыслах активно используется, например, в рекламных текстах «Росгосстраха» (6, 7):

---

[19] См.: Цветкова Л.С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М. : Просвещение, 1995.

[20] Андреева Г.М., Донцов А.И. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания. Исследования феномена каузальной атрибуции // Хрестоматия по социальной психологии. М**.** : Междунар. пед. акад., 1994. С. 106–120.

(6) – Гараж нам дом родной, а машина не застрахована (укор)

(имитация разговора мужа с женой, где «сварливая жена» «пилит» мужа «по привычке» и укоряет его, забывая просто спросить, застраховал ли он машину; данный сценарий поведения людей в семейных ссорах является типическим и узнаваемым).

(7) – Василич, а ты машину застраховал или все резину тянешь? (вопрос / укор) – Застраховал. И резину не тяну. Резину я новую поставил (признание)

(в инициирующей реплике диалога использован домысел «резину тянешь», который выражен в форме провокативного вопроса с коммуникативным содержанием укора).

Действие механизма каузальной атрибуции обусловлено узнаваемостью коммуникативных ситуаций, высокой степенью их повторяемости в речевом общении и, как следствие, их прогнозируемостью в процессе коммуникации. Этот характерный признак человеческого общения – типизированные ситуации – и соотносимые с ними типизированные, а в отдельных случаях даже клишированные речевые формы – составляет основу коммуникативного и речевого опыта человека, его тезаурус [21], его память, которая представляет собой комплекс семантических моделей типических ситуаций и их вербальных репрезентаций, и в том числе определяет восприятие и понимание многозначных, поливалентных высказываний [22].

Повторяемость и типизированность ситуаций провокативного общения способствует тому, что способность и навыки провоцирования функционируют и развиваются в социальной среде, носят социальный характер. Акты провоцирования в речи обусловлены предшествующим опытом речевой деятельности человека, его коммуникативным опытом и сформировавшейся на этой основе социальной памятью. Они могут быть охарактеризованы в полной мере как «социальный продукт» [23] и рассматриваться как социальные явления.

Взаимосвязь языка и культуры, как показывает анализ «примитивных» языков, обусловлена социальной и биологической природой человека и видна преимущественно в фатической форме поведения, а «мотивы, генерирующие фатическое речевое поведение, можно было бы назвать символикой социального бытия» [24].

Содержание провокативной деятельности и эмоциогенного общения в целом можно охарактеризовать как квазирефлекторное и аффективное. Развитие мысли, в понимании И.М. Сеченова, представляет собой переработку «исходного чувственного или умственного материала в идейном направлении» [25]. И.М. Сеченов и В.М. Бехтерев называли этот процесс *символизацией*, или превращением объекта мысли в символ или знак для группы родственных предметов. Провоцирование представляет собой «вторичную» символизацию, то есть превращение вербального знака в эмоциогенный символ, знак эмоционального состояния, восприятие которого реципиентом обусловлено его собственным коммуникативным опытом, его коммуникативной (и шире – прагматической) компетенцией.

Провоцирование как социальное, коммуникативное явление институциализируется в процессе творческой деятельности социально–культурных институтов, к которым относятся массовая коммуникация, образование, литература, искусство, религия, философия и наука.

Родовыми признаками провоцирования как социального феномена являются следующие:

---

[21] См.: Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М. : Высшая школа, 1974 ; Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996.

[22] См.: Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. 12. С. 228–271.

[23] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 25.

[24] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий.. . С. 137.

[25] Сеченов И.М. Психология поведения. М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1995. С. 222.

– онтологический – провоцирование относится к разновидности социальной коммуникации, которая является движением «эмоций, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве» [26], и рассматривается как эмоциогенное общение;

– функциональный – провоцирование выполняет культурообразующую функцию, аккумулирует и передает культурный опыт от одного члена социума к другому с помощью языка и характеризуется как смысловая коммуникация;

– формальный – провоцирование совершается в общении, актором и реципиентом которого является человек, группа людей или общество в целом (как в массовой коммуникации), и относится к внешней смысловой коммуникации.

Семиозис провоцирования

Процесс преобразования внешнего во внутреннее получил название «интериоризация» и помогает объяснить то, как возникает внутренний план поведения из внешних действий. В провокативной деятельности, как мы уже отмечали, наблюдается особый признак – демонстративность**,** точнее, «экстериоризация» и символизация внутренних состояний с использованием вербальных знаков – конвенциональных, опирающихся на конситуацию символов психологических состояний – эмоций, чувств, отношений.

Вербальное символическое представление психологических состояний говорящего в лингвистике получило терминологическое наименование «речевое поведение», которое понимается в духе теории деятельности как «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой стороны – социально–психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [27].

Провоцирование опирается на «оживление» внутренней речи, это своеобразное отражение символических следов личного психического и социального опыта, внутренних переживаний во внешней речи. Провоцирование, как часть речевой коммуникации, наследует ее знаковый характер, а каждый акт общения является одновременно актом семиозиса. Согласно теории двойного означивания Бенвениста [28], язык обладает уникальной способностью к семиотическому и семантическому означиванию, то есть к означиванию языковых единиц как членов виртуальной языковой системы либо как операциональных сущностей в актуальной речевой деятельности. Двуплановость знаковых единиц языка косвенно свидетельствует о гетерогенности семиотических процессов, ведущих к их образованию, и позволяет говорить о двух процессах семиозиса – первичном и вторичном. Первичный семиозис ведет к образованию виртуального языкового знака – слова или предложения. Под вторичным семиозисом понимается семиотический процесс переосмысления знака, созданного в результате первичного семиозиса и получившего в ходе вторичного семиозиса коммуникативный статус, – это высказывания, способные употребляться в непрямых, переносных значениях. Провоцирование с полным правом относится к артефактам вторичного семиозиса.

В структуре значения многозначных, поливалентных провокативных высказываний один смысл (прямой, первичный, буквальный) «означивает» одновременно и другой смысл (косвенный, вторичный, обусловленный речевым контекстом и ситуацией общения, который может быть понят лишь через первый и только с учетом условий речевого общения). Такие высказывания выполняют функцию не только означивания, они одновременно «показывают» эмоциональное состояние говорящего, которое скрывается за актом «говорения». Можно сказать, что функция «говорения» в этих высказываниях является, по сути, функцией «показывания»**.**

Вербальный знак, выполняя функцию в провокативном общении символическую, позволяет заметить его близость к принципиально иной семиотической системе – сигнализации в комму-

---

[26] Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации... С. 4.

[27] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий... С. 12.

[28] Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 88–89.

никации людей на ранней стадии онтогенеза и животных. Подтверждением этому служит то, что некоторые люди твердо уверены, что их любимцы с ними общаются. В онтогенезе человеческой коммуникации в частности, в детской речи, конвенциональные сигналы как средство интенциональной коммуникации предшествуют символической коммуникации с помощью символов [29]. Символы в провоцировании призваны репрезентировать соответствующие эмоциональные состояния (референты) и тем самым выполняют символическую, или эвокативную, функцию вызывания соответствующей референтной ситуации в памяти реципиента провоцирования. В памяти провоцируемого зафиксированы как референт воспринимаемого им демонстрируемого эмоциогенного состояния, так и узуально закрепленная коммуникативная и вербальная реакция на него.

Когнитивные основы провоцирования

Важную роль в когнитивной сфере человека играют схемы действий, которые на уровне когнитивных сценариев поведения, в том числе речевого, выполняют культурообразующую функцию. По мнению Джонсона–Лэрда [30], люди воспринимают мир и создают его модели – ментальные модели, с помощью которых они могут осуществлять «символьное поведение в форме лингвистических выражений, предназначенных для передачи кому–либо».

Согласно концепции Т. ван Дейка, модель представляет собой когнитивный коррелят онтологической (референтной) ситуации, то, что возникает в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней. Модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного «в столкновениях с ситуациями такого рода», и влияет непосредственно на формирование интуиции. Как пишет Т. ван Дейк, «наши интуитивные, общепринятые понятия и категории, используемые для интерпретации действительности, на самом деле являются понятиями и категориями, составляющими наши модели действительности» [31].

Социальный характер ментальных моделей определяется тем, что «концепты, входящие в модель, непроизвольны, так как они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций».

Их индивидуальный характер обусловливается тем, что ментальные модели являются личными и субъективными: одна и та же ситуация может быть проинтерпретирована различными способами, с различных точек зрения, с различными целями, если это делают разные люди с разным жизненным опытом, с различным уровнем образованности. При этом информация, организованная в модели, носит стереотипизированный характер и является общим достоянием для членов данного социума и касается «только общих культурных свойств социальных ситуаций» [32]. Речевая форма воплощения таких общеизвестных ментальных моделей естественно наследует их частоту употребления, автоматизм восприятия, периодичность и обусловливает «способность нашего сознания, установив эту периодичность, приходить в состояние ожидания следующего явления», что «фактически обеспечивает автоматизм восприятия, так как декодирование сообщения легко предсказуемо» [33].

Существенным свойством ментальных моделей является их способность репрезентировать реальные или вымышленные ситуации на различных уровнях обобщения и представлять собой иерархически организованную модель действия; каждый последующий уровень такой иерархии плана становится более детальным и специфичным, чем предшествующий. Иерархический принцип включенности одних моделей в другие есть «единственный модус их бытия» и способствует

---

[29] Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. М. : Прогресс, 1984. С. 65.

[30] См.: Johnson–Laird P.N. Mental Models in cognitive science // Cognitive Science. 1980. № 4. P. 72–115 ; Johnson–Laird P.N. The Computor and the Mind: An Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.), 1988.

[31] Дейк Т.А. ван. Язык... С. 82.

[32] Худяков А.А. Семиозис простого предложения. Архангельск : Изд–во ПомГУ, 2000. С. 108, 110, 117.

[33] Гальперин И.Р. Информативность единиц языка... С. 21.

образованию более сложных последовательностей моделей (например, фреймов, сценариев и гештальтов), между которыми нет и не может быть четкой границы: они как бы «перетекают» друг в друга по мере функционирования индивидуального сознания в общественной среде и предшествуют образованию соответствующих языковых структур и их речевой реализации, которые в качестве речевого действия со стороны говорящего «направлены на возбуждение в сознании слушающего определенных концептуальных связей, в частности, активацию ментальных моделей, что, в свою очередь, может повлечь за собой самые разнообразные последствия в виде соответствующей поведенческой реакции адресата речи» [34].

Все сказанное вовсе не означает, что человек рождается с законченной концептуальной схемой, предназначенной для интерпретации феноменов межличностных отношений, что он с самого начала «знает» о совместной деятельности с другим человеком или знает об интенциях другого человека. Скорее всего это означает, что у человека, как пишет современный исследователь, «есть врожденная способность строить такие схемы. Он делает это, интерпретируя данные обратной связи, поступающие от другого человека, как события особого класса, то есть межличностные события, в отличие от прочих. И ему очень помогает в этом существование систематического интенционального (или подобного ему) поведения людей, с которыми он вступает в контакт» [35]. Схема действия в широком смысле слова – это структура на определенном уровне умственного развития и основа интуиции.

Интуиция опирается на прошлый личный опыт человека, который представляет собой ментальную запись интериоризованных в процессе социализации действий, получивших символическую функцию и способность воплощаться в виде определенных лингвистических сущностей. Когнитивная схема действия как источник познания и его ментальная модель определяют и объясняют функционирование интуиции, которая, по мнению Пиаже, является следом таких действий в сознании человека.

Провоцирование обнаруживает интуитивную природу и представляет собой интуитивный поиск эффективного эмоциогенного средства воздействия на собеседника. Человек использует провоцирование и овладевает навыками провоцирования с рождения, а совершенствует мастерство в течение всей жизни. Интуитивным является и восприятие провоцирования, и реагирование на него: провоцирующий и провоцируемый поступают интуитивно, в соответствии с усвоенными в процессе социогенеза осознаваемыми или неосознаваемыми установлениями и регуляциями, полный состав которых в отношении вербального и паравербального провокативного поведения еще предстоит определить. Таким образом, интуиция и провоцирование помогают объяснить то, что Дж.С. Брунер называл совместной референцией [36] – «обоюдным проявлением внимания между отправителем и получателем» [37]. С позиций главного интереса эмоциогенной коммуникации, интуитивное «озарение» касается в первую очередь момента постижения *речевого смысла* сказанного – провокативной интенции.

Интерференцию гетерогенных по своей природе понятий стратегии и жанра (в современном толковании этого понятия) одним из первых описал и представил в качестве методологической базы собственного исследования Т. ван Дейк. По его определению, «стратегия в общих чертах – это характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия». Стратегия имеет когнитивную природу, – что неоднократно отмечал Т. ван Дейк и его последователи. Чрезвычайно

---

[34] Худяков А.А. Семиозис простого предложения... С. 111, 192.

[35] Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М. : Прогресс, 1984. С. 32.

[36] См.: Bruner, J.S. The Ontogenesis of Speech Acts / J.S. Bruner // Journal of Child Language. 1975. № 2. P. 1–19.

[37] Брунер Дж.С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. С. 33

важно, с нашей точки зрения, следующее утверждение исследователя, позволяющее более точно представить характер пересечений стратегии и речевого жанра: «стратегию следует охарактеризовать прежде всего как свойство когнитивных планов. Такие планы представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействия». Дейк не использует термин «жанр», а называет «последовательность речевых актов», проанализированную «на глобальном уровне», «одним глобальным речевым актом», или «макроречевым актом» [38], отмечая при этом те же признаки «жанра», что и представители теории речевых актов и теории речевых жанров – типизированность и конвенциональность, или «ритуальность», по словам ученого.

Ставшее традиционным в теории речевых жанров стремление «связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события» [39] и понимать речевой жанр как форму речевого события подтверждает верность наблюдения Дейка о том, что «люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о межсубъектных моделях явлений и ситуаций действительности, получивших определенное толкование» [40].

Сближение когнитивных и речевых категорий в жанроведении (генристике) предопределено общим направлением развития лингвистики, как это представляет А.Е. Кибрик. Согласно лингвистическим постулатам А.Е. Кибрика, в частности постулату о примате когнитивного, по словам О.С. Иссерс, «элементы когнитивной структуры (и сама структура в целом) определяют функционирование любых компонентов языковой системы» [41].

Как известно, одним из самых важных лингвистических постулатов А.Е. Кибрик считает постулат о примате семантики, в соответствии с которым «прагматические компоненты могут рассматриваться как частные сферы семантического представления», а к области семантики (в широком смысле) ученый относит всю информацию, которую «имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания». Представляя постулат об исходной точке описания, А.Е. Кибрик делает очень важные, на наш взгляд, утверждения, что «мыслительные процессы находят во многом прямое, иконическое отображение в языковых структурах», что «семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур» и что, в свою очередь, «смыслы связаны мотивирующим отношением с грамматическими формами». Наблюдаемое явление, как нам кажется, перекликается с тем, которое М.М. Бахтин называл отражением, и подтверждает огромную роль демонстрационной / иконической компоненты в речевом общении. Совокупность этих факторов усложняет методологию филологического анализа. Процесс познавательной деятельности филолога, как считает А.Е. Кибрик, «должен быть циклическим, чередующим индуктивный, таксономический метод восхождения от формы к ее значению, с дедуктивным, воссоздающим процесс перехода от постулированного значения к выражающей его форме» [42].

Провокативный дискурс

В области номенклатуры речевых жанров нужно отметить, прежде всего, противопоставление по формальному признаку первичных жанров, которые образовались в условиях непосредственного

---

[38] Дейк Т.А. ван. Язык. Познание... С. 272, 274.

[39] Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Изд–во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 32.

[40] Дейк Т.А., ван. Язык. Познание... С. 141.

[41] Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск : Изд–во ОГУ, 1999. С. 18.

[42] Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). С. 22.

речевого общения, и вторичных жанров, которые возникают в рамках художественного, научного и других форм сложного культурного общения, сделанное М.М. Бахтиным [43].

М.Ю. Федосюк выделяет элементарные речевые жанры, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров, и комплексные речевые жанры, состоящие из компонентов, каждый из которых обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра [44]. Комплексные речевые жанры, по мнению ученого, могут быть монологическими и включать в себя компоненты, принадлежащие одному говорящему или пишущему, и диалогическими, которые состоят из реплик разных коммуникантов.

Особо необходимо отметить концепцию К.Ф. Седова, который определяет речевой жанр как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [45] и, сближая понятия жанра, стратегии и тактики, выделяет стратегии и тактики внутрижанрового речевого поведения, которые предопределяют вариативность в выборе речевых средств выражения в каждой конкретной ситуации общения. Исследователь описывает различные жанровые формы:

– субжанр (эквивалент коммуникативной тактики);

– гипержанр, объединяющий в своем составе речевые формы, которые сопровождают сложные социально–коммуникативные ситуации, отличающиеся сложным составом участников и субжанров;

– переходные жанровые формы, которые получили в рамках данной системы координат терминологическое наименование жанроидов.

В.В. Дементьев разрабатывает концепцию косвенных речевых жанров, преимущественно фатических, и противопоставляет жанры поверхностной структуры и косвенные речевые жанры, которые, с одной стороны, «относятся премущественно к полю непрямой речи, а не непрямой коммуникации» [46] и являются жанрами риторическими, а с другой стороны, включают «такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе непрямой коммуникации» [47].

Провокативный дискурс как жанровое образование (см. «Понятийный аппарат исследования», п. VII) в целом относится к дескриптивному типу текстов и нацелен на имитацию безадресного «проговаривания» того, что предлагается в качестве демонстрируемого адресантом эмоциогенного состояния и психологического отношения, с целью вербализовать их для адресата, ретранслировать и вызвать аналогичное, тем самым скорректировать актуальное состояние реципиента в соответствии с демонстрируемой когнитивной активностью провоцирующего. Последнее звено возникающего речевого дискурса, содержащее собственно номинацию провоцируемого состояния, остается неявным и непрямым. Таким образом, при удачном для провоцирующего стечении обстоятельств демонстрируемая им когнитивная установка (эмоция, чувство, отношение) будет опознана и освоена, а провоцирование – эффективным. Например, Ю.Б. Гиппенрейтер в своей книге «Общаться с ребенком. Как?» описывает одну потенциально конфликтную ситуацию: «Подходя к дому, вы встречаете собственного сына: лицо измазано, пуговица оторвана, рубашка вылезла из брюк. Прохожие оглядываются, улыбаются; вам неприятен вид сына и немного стыдно перед соседями. Однако ребенок ничего не замечает: он прекрасно провел время, а сейчас рад встрече с вами» [48].

---

[43] Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940–х – начала 1960–х гг. М. : Русские словари, 1996. С. 161.

[44] См.: Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 104.

[45] Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореф. дис. … д–ра филол. наук. Саратов, 1999. С. 34.

[46] Дементьев В.В. Непрямая коммуникация ... С. 174.

[47] Дементьев В.В. Коммуникативная генристика : речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 36.

[48] Гиппентрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? М. : Че–Ро, 2000. С. 109, 111.

Итак, что может сказать в этом случае родитель, если его переполняют эмоции? Автор призывает придерживаться следующего правила: если ребенок вызывает у вас своим поведением отрицательные переживания, сообщите ему об этом. И предлагает следующий сконструированный ответ родителя (8):

(8) «Я не люблю, когда дети ходят растрепанными, и мне стыдно от взглядов соседей» (признание).

Нам этот пример показался характерным и вот в каком отношении. Автором пособия он преподнесен как один из вариантов эффективного речевого разрешения возникшего психологического затруднения. Мы хотим акцентировать внимание на тождественности вербальной репрезентации того, что чувствует (переживает) родитель, и того, что он говорит, обращаясь к сыну. Мы объясняем это дескриптивной природой провоцирования: «вербализую то, что хочу, чтобы опознали и усвоили – «заразились»». Провокативной является цель достичь «зеркального» отображения эмоциогенной установки говорящего в сознании его собеседника: родитель просто озвучил свои ощущения, но сделал это по–взрослому (ср. с эгосостоянием «Взрослый» в концепции Э. Берна [49]), обратился к ребенку как к взрослому человеку, способному понять и отобразить психологическое состояние другого человека и вступить благодаря этому в осознанное взаимодействие. Родитель обратился к ребенку на равных, и для нас в данном случае не важно, соответствует ли сын тому образу взрослого человека, к которому апеллирует родитель. Ребенку предложили взгляд на ситуацию взрослого человека, показав тем самым, что высоко оценивают уровень его способности адекватно все понять. Осознание такой ответственности способно заставить человека сделать все, чтобы оправдать ожидания (в этом случае говорящий учел фактор собственного авторитета – немаловажный при провоцировании) и тем самым вызвать искомое состояние – когнитивную установку на взаимопонимание.

Укажем на еще один признак провокативного дискурса в связи с данным примером. В качестве конструктивного приема провоцирования используется генерализация. Провоцирующий эффективно оперирует обобщенной информацией («дети ходят растрепанными»: заметьте, не «ты», а «дети» – генерализованный объект). Чрезвычайно продуктивным представляется также соединение и противопоставление в одном речевом пространстве индивидуального («я», «мне») и генерализованного («дети») объектов. Это в полной мере представлено в провокативном жанре сентенции.

Провокативный дискурс имеет отличительную особенность – дескриптивный, то есть описательный (репрезентативный), характер, а в качестве конструктивного приема провоцирования отмечается открытость, своеобразная исповедальность (откровенность), поэтому, по–видимому, основными жанрами провоцирования и одновременно провокативными внутрижанровыми стратегиями оказываются *забота* и *признание*.

В рассказе А.И. Куприна «Последний дебют» (9) в качестве символических средств демонстрирования своего эмоциогенного состояния персонаж выбрал ситуацию сценической игры и сценическую роль; невольными реципиентами демонстрируемого состояния и эмоциогенного воздействия вместе с непосредственным адресатом оказались зрители в театре.

(9) «Начинается, начинается, – со страхом думала Лидия Николаевна, – спрошу в последний раз, и он должен ответить, должен под чужими словами понять мои мучения… Ах, как стучит сердце… А этот противный Анемподистов кричит и кривляется!» (…)

Она вышла, прекрасная и величественная в своей скорби, и уж один вид ее заставил вздрогнуть и забиться сотни сердец.

Она ничего не видала, кроме мощной фигуры, неподвижно стоявшей посреди сцены, и сама не знала, какое чувство будила в ней эта фигура: прежнюю ли беззаветную любовь или глубокую ненависть и презрение…

«Что он скажет? – проносилось в уме. – Неужели не тронется это холодное сердце? Скажи, что ты меня любишь, обними меня по–прежнему, я все отдала тебе, – я тебя любила без конца,

[49] См.: Berne E. Intuition and ego states : the origins of transactional analysis. San Francisco, 1977.

без оглядки… Но разве это возможно, разве осталась для меня какая–нибудь надежда?.. Вот он что–то говорит… Нет! Это те же холодные, жестокие слова, та же убийственная, рассчитанная насмешка…».

Она рыдала, ломая руки, она умоляла о любви, о пощаде. Она призывала его на суд Божий и человеческий и снова безумно, отчаянно рыдала…

Неужели он не поймет ее, не откликнется на этот вопль отчаяния?

И он один из тысячи не понял ее, он не разглядел за актрисой женщину; холодный и гордый, он покинул ее, бросив ей в лицо ядовитый упрек.

Она осталась одна.

Всем становилось жутко, каждый чувствовал, как по спине у него пробегала холодная волна.

(*Куприн «Последний дебют»*)

Рассматриваемые нами косвенные речевые жанры, которые передают поливалентное коммуникативное содержание, эмоциогенны, то есть демонстрируют эмоциональное (эмоциогенное) состояние говорящего и имеют целью вызвать аналогичное у провоцируемого. Мы назвали такие жанры провокативными, а намерение, лежащее в их основе, – провокативным, воплощающимся в провокативной цели.

При описании провокативных жанров мы используем следующие понятия:

– интенциональная формула с указанием эмоциогенного состояния, которое, как видно из прагматического контекста, лежит в основе провокативного жанра;

– перлокутивная формула, в которой представлено вызываемое эмоциональное состояние, психологическое отношение;

– иллокутивная формула, демонстрирующая речежанровую характеристику провоцирования.

Содержанием провокативных речевых жанров является непрямое сообщение о реальном или имитируемом эмоциогенном состоянии говорящего, а провокативное речевое общение разворачивается в сфере эмоционального мира коммуникантов. Обмен информацией (об эмоциональных состояниях) при таком общении имеет косвенный характер, вызывает сильнейший эмоциональный отклик у общающихся, обусловливает предсказуемость и программируемость провокативного эффекта и характеризует провокативное общение как типичное проявление эмоциогенности в речи.

Таксономия речевых жанров, названных нами провокативными, доказательство их конвенциональной природы и реакции на них позволит поставить под сомнение тезис Дж. Остина о том, что перлокутивные действия «не конвенциональны, хотя для их осуществления могут совершаться конвенциональные действия» [50], и, соответственно, связанный с ним тезис Е.В. Падучевой о том, что перлокутивный аспект высказывания может рассматриваться как «частный случай иллокутивного» [51].

Номенклатура провокативных жанров

Провокативные стратегии и оформляющие их комплексные провокативные жанры можно подразделить на две категории по признаку лежащих в их основе глубинных интенциональных состояний:

– провокативные жанры с интенциональным состоянием толерантности;

– провокативные жанры с интенциональным состоянием интолерантности.

Слово «толерантность» обозначает терпимость, снисходительность к кому– или чему–либо [52]. Это слово, как показывают современные исследования, происходит от латинского глагола tŏlĕrâre,

---

[50] Остин Дж. Избранное... С. 103–104.

[51] Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 226.

[52] Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1989. С. 510.

имеющего значение «переносить, выдерживать, терпеть» [53], а современное английское tolerance, наряду с «терпимостью», означает также «допуск», «допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты» [54]. За этой семантикой стоит отчетливо обозначенная идея меры, границы, до которой можно терпеть другого, даже если его действия вызывают у тебя недоумение или сопротивление.

Провокативные жанры с интенциональным состоянием толерантности свидетельствуют о готовности говорящего в полной мере взаимодействовать с партнером, уважать его личностные мотивы в данной интеракции, принимать его поведение как данность – коммуникативно–прагматическую константу – и выражают это с целью сделать коммуникацию успешной для обоих общающихся. Наоборот, провокативные жанры с интенциональным состоянием интолерантности демонстрируют нетерпимость говорящего по отношению к индивидуальной воле и поведению партнера по коммуникации и намерение адресанта навязать адресату такую манеру поведения, которая способна нанести программируемый ущерб той или иной сфере личности адресата. Здесь не идет речь о понимании или принятии другого таким, каков он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, здесь речь о строгом выдерживании допуска, за пределами которого толерантность трансформируется в свою противоположность. Соответственно, определение интолерантности включает дополнительно модальный оператор отрицания: «нетерпимость к <…>». Корни интолерантности не в недостатке доброй воли, а в собственной ограниченности, то есть в сведении своей человеческой сущности к весьма ограниченному набору ценностных установок, жестко локализованных в пространстве и времени [55]. Наоборот, установка толерантного сознания – на восприятие самого себя как принципиально незавершенного существа, открытого опыту Другого, существа, для которого этот опыт является одним из определяющих моментов в осознании своей целостности. Концепт «толерантность» только формируется в русском языковом сознании, однако он «находится еще в процессе становления и поэтому не имеет очерченности содержания» [56]. С.М. Толстая, изучая семантическую парадигму праславянского глагола tъrpěti, обнаружила, что лексическое гнездо, образуемое этим глаголом и его дериватами, «устойчиво сохраняет соотнесенность с некоторой прагматической структурой, в которой взаимодействуют «субъект» выражаемого глаголом состояния (то есть тот, кто терпит), некая воздействующая на него сила (то есть то, что субъект терпит, источник и причина его состояния), имеющая физическую, физиологическую, психическую и моральную природу и негативно оцениваемая (боль, голод, жажда, холод, унижение, обида, притеснение, оскорбление, нужда, бедствие и т.д.), и сама реакция субъекта на это негативное воздействие, а именно его устойчивость к этому воздействию, принятие его, примирение (согласие) с ним и игнорирование его при отказе как от противодействия, так и от подчинения ему» [57].

Номенклатуру провокативных жанров [58] составляют рассматриваемые в данной работе комплексные жанры заботы и признания и элементарные – признание (5, 8), жалоба (11), представление, демонстратив, сентенция, совет (3, 10, 15), укор (6, 7, 10, 12, 13, 16), нотация (17), провокативный вопрос (10) [59].

Условиями выбора интенционального состояния, лежащего в основе провокативного жанра, являются ситуативные признаки, паралингвистические признаки, доказывающие реальность демонстрируемого толерантного или интолерантного отношения к адресату провоцирования. Например, если человек скажет «я о вас забочусь» («я проявляю о вас заботу» – иллокутивная формула),

[53] Петрученко О. Латинско–русский словарь... С. 648.

[54] Webster's desk dictionary of the English language... P. 939.

[55] Глебкин В.В. Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут Homo Intellegens // На пути к толерантному сознанию. М. : Смысл, 2000. С. 9.

[56] Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 124.

[57] Толстая С.М. Терпение и терпимость в зеркале языка // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2001. С. 128.

[58] Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации …

[59] Арабские цифры указывают на порядок иллюстраций в тексте. Подробнее см. : Степанов В.Н. Цит. раб.

этого недостаточно, чтобы поверить ему на слово. Вы вправе ждать от него более развернутой демонстрации того, что он о вас думает, как говорит, что для вас делает, и искать другие подтверждения искренности его намерений, истинности его слов и реальности его действий.

Современная английская писательница Пенелопа Фитцджеральд в своей повести «Начало весны» показывает, как одна и та же речевая модель Why don't you… может использоваться для вербализации разных интенциональных состояний в речи персонажей (10): в устах Фрэнка эта формула «звучит» как совет и проявление заботы (проявление толерантности) о престиже собеседника, а в устах Курятина – как «укол» и оскорбление (проявление интолерантности). Мы наблюдаем зеркальное отражение речевой формулы, но не интенционального состояния; возможно, психологические состояния общающихся можно определить как аналогичные – недовольство Фрэнка тем, что его дети подверглись опасности в доме Курятина, который, как получается, не сдержал своего обещания приглядеть за детьми партнера; недовольство Курятина неприятной ситуацией объяснения с человеком, перед которым он чувствовал свою вину, и тем, что понес материальный ущерб. Авторский метатекстовый комментарий от лица главного персонажа по поводу мотивов речевого поведения собеседника свидетельствует об опознании его провокативной цели.

(10) 'Why don't you get something done about these stairs?' Frank asked. 'And why don't you let your clerks have a telephone? The Germans will get ahead of you.'

'Why don't you get your wife to come back to you?' shouted Kuriatin, exploding with laughter, as the doorman came out of his cupboard–like room and ushered them, deeply bowing, into the street. (…) Knowing that the children had been put at risk in his half–savage household, he had felt Frank's visit as a reproach. But by insulting Frank – of whom he was genuinely fond – he had restored himself to a superior position. It almost compensated him for the loss of his tablecloth, glass and china, to which he had been insanely attached.

(*Penelope Fitzgerald «The Beginning of Spring»*)

– Почему бы тебе не сделать что–нибудь с лестницей? (провокативный вопрос / совет) – спросил Фрэнк. – И почему бы тебе не провести телефон для служащих? (провокативный вопрос / совет) Немцы тебя обойдут.

– Почему бы тебе не вернуть свою жену? (провокативный вопрос / укор) – взрываясь хохотом, прокричал Курятин, когда привратник вышел из своей комнатки–шкафа и с низким поклоном проводил их на улицу. (…) Зная, что дети были в опасности в его полуварварском доме, он расценил визит Фрэнка как укор. Но оскорбляя Фрэнка, которому он, в общем–то, симпатизировал, он поставил себя в позицию превосходства. Это почти компенсировало ему потерю скатерти, фужеров и фарфора, к которым он был безумно привязан.

(*П. Фитцджеральд «Начало весны»; пер. наш. – В.С.*)

Конкуренция провокативных жанров

Вопрос о границах речевых жанров ставил еще М.М. Бахтин, для которого «границы каждого конкретного высказывания, как единицы речевого общения, определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих» [60]. Нечеткость такого определения понимал и сам исследователь, а в современной лингвистике она стала стимулом специального научного поиска. Бахтин отмечал два очень важных момента, способных помочь в определении границ каждого конкретного речевого высказывания, – фактор динамики и фактор другого**:** «Мысль выясняется для себя самого лишь в процессе выяснения его для другого». По–видимому, понятие границ высказывания и, соответственно, речевого жанра условно; оно носит релятивный характер и зависит от вербального контекста и коммуникативной ситуации, функция которых – показывать процесс становления, формирования мысли, чувства говорящего. Это точно вписывается в картину мира, представленную Л. Витгенштейном; мы напомним два его постулата, прямо связанных с тем, о чем здесь гово-

[60] Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940–х – начала 1960–х гг. М. : Русские словари, 1996. С. 172.

рится: (3.328) «Если знак н е и с п о л ь з у е т с я, он не имеет значения» и (4.022) «Предложение п о к а з ы в а е т свой Смысл. Предложение п о к а з ы в а е т, как обстоит дело, если оно истинно. И оно г о в о р и т, что дело обстоит именно так» [61]. Речевой контекст и коммуникативная ситуация принимают на себя выполнение функции репрезентации – символической или даже иконической – того, что имеет в виду говорящий.

Б.Ю. Норман в книге «Грамматика говорящего» рассматривает речевое явление «конкуренции партнеров по лексической сочетаемости», суть которого заключается в следующем: «различные по степени устойчивости сочетательные связи лексемы в процессе порождения текста взаимодействуют, конкурируют между собой». Как пишет Б.Ю. Норман, «случается, что в спонтанной устной речи один из возможных лексических партнеров слова вытесняет другого (обычно более устойчивый – менее устойчивый); затем эта ошибка может обнаруживаться и корригироваться» [62], как, например, в следующем отрывке: «*Мы говорим / мы хотим подняться на Ай–Петри / и спуститься // Вы что! Это же не лето! Все доро… склоны размыты //…*».

Как видно из приведенных примеров, под конкуренцией понимаются потенциальные или реальные явления контаминации гомогенных языковых и речевых фактов в конкретной ситуации общения. Мы предлагаем посмотреть на явление конкуренции в несколько ином ракурсе, а именно: конкуренция как взаимодействие и взаимопроникновение на внешнеречевом уровне (в определенном смысле контаминация) коммуникативно неравнозначных речевых жанров в провокативном дискурсе и возникающие вследствие этого процессы интерференции типовой, обусловленной значениями знаков внешней речи, конситуативно обусловленной иллокутивной цели элементарного речевого жанра и провокативной цели комплексного жанра. Смещается акцент при восприятии целостного речевого общения в сторону последней – провокативной значимости комплексного жанра. В структуре целей элементарных провокативных жанров, входящих в комплексный провокативный жанр элементарных речевых жанров, обнаруживается пулевая организация скрытых и явных коммуникативных намерений говорящего [63]. Такое представление о конкуренции объясняется косвенным характером провокативных жанров, в соответствии с которым внешнеречевой и смысловой уровни их организации не совпадают.

Так, конкурировать в нашем понимании этого термина могут речевые жанры признания и жалобы (11). П р и з н а н и е (5, 8) выражает эмоциональное состояние или информацию о физическом состоянии говорящего с целью создать открытые и доверительные отношения с собеседником, а в ж а л о б е сообщается об эмоциональном состоянии говорящего, которое им негативно оценивается, или о неадекватном, с точки зрения говорящего, поведении третьего лица с конкретной целью выразить свое неудовольствие и получить удовлетворение – ответную эмпатию или ответную жалобу на основе собственного коммуникативного опыта; нередко трудно различить эти речевые жанры:

(11) – Эта тяжесть в желудке никак не проходит («Активиа» от «Данон»; жалоба).

Сообщение положительно оцениваемой информации (с точки зрения традиционных морально–этических ценностей) о человеке – п о х в а л а или к о м п л и м е н т – способны приобретать коннотации у к о р а, то есть передавать негативную информацию о поведении человека и разочарование говорящего, например (12, 13):

(12) – Ты уж какой–то очень добрый. И для всех ты готов все достать, все сделать. В лепешку готов расшибиться!; И обо всех у тебя душа болит, обо всех! Об себе только не болит! (В. Шукшин; укор).

(13) – Опять до ночи в гараже ковырялся! («Росгосстрах»; укор).

---

[61] Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М. : Российское феноменологическое общество, 1994. С. 16, 20.

[62] Норман Б.Ю. Грамматика говорящего... С. 99–100.

[63] См.: Месечко А.В., Степанов В.Н. Конкуренция иллокутивных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрового состава речевой провокации в публичной речи // Ярославский педагогический вестник. Вып. 1. 2002.

Высказывание предложения или рекомендации – с о в е т – может принимать облик п р о с ь б ы и выражать уважение к собеседнику (и известное принижение собственного статуса) или, наоборот, становиться п р и к а з о м и занижать достоинство контрагента, например (14, 15):

(14) – Антон! – взвизгнула девушка. – Надень ботинки! (приказ) (…) – Ну и черт с тобой! – девушка перебежала на другую сторону улицы; – Антон… – тихо окликнула Лена. (…) – Надень ботинки (просьба), – тихо попросила Лена (В. Токарева).

(15) – Ставьте мне, что положено, и не мучайтесь (совет). – Студент сказал это резким, решительным тоном. И встал. На профессора тон этот подействовал успокаивающе. Он сел. Парень ему нравился. – Давайте говорить о князе Игоре. Как он там себя чувствовал? Сядьте, во–первых. Студент остался стоять. – Ставьте мне двойку (В. Шукшин).

Совет может принимать вид у к о р а и выражать негативную оценку поведения собеседника и разочарование говорящего по этому поводу (16):

(16) Хотя бы нашел себе скрипачку. Человека нашего круга! (укор) – прокричала Ирина (В. Токарева).

С помощью совета можно попытаться утвердить превосходство над собеседником (н о т а ц и я):

(17) – Я говорю: помрет – большие перспективы у вас у обоих с Виктором. Жилплощадь освобождается. Нужно всегда, девочка моя, смотреть в отдаленную перспективу. Ну, как все люди сегодня. Времена такие. – Жилплощадь? – А что я такого сказала? Мне – все равно. На секундочку задумайтесь. Сами (Н. Коляда; нотация).

Эмоциогенная коммуникация и коммуникативная компетенция

Человек с самого начала социальной практики в языковом коллективе интуитивно «знает» о совместной деятельности с другим человеком, «знает» об интенциях и эмоциональных состояниях другого человека. Это интуитивное «знание» определяет способности человека прогнозировать поведенческие векторы другого человека с опорой на регулярный характер репрезентации поведенческих моделей, хранить их в собственной памяти и использовать в собственном речевом поведении.

Именно язык представляет собой совершенную систему ориентации [64] собеседника в эмоциональном состоянии говорящего, что делает выражение эмоций и их провоцирование через речь (эмоциогенность) естественным и легко прогнозируемым. Механизмы провоцирования, формализованные на материале текстов художественной литературы и других социально–культурных институтов, человек переносит на живое общение.

Жанровый характер человеческого общения признается аксиомой благодаря трудам М.М. Бахтина и его последователей. Гораздо меньше внимания уделяется описанной Бахтиным категории отражения реальной коммуникативной речевой среды и типических поведенческих стереотипов, которая определяет восприятие и усвоение жанровых форм речи каждым последующим поколением в результате общения с предшествующими поколениями при отсутствии какой–либо заметной спланированной дидактической работы со стороны последних. Это, на наш взгляд, подтверждает тезис об интуитивной природе эмоциогенной коммуникации и позволяет нам включить провоцирование в состав коммуникативной компетенции (как ее понимал Д. Хаймс) [65] – врожденной способности человека усваивать общественные нормы эмоциогенного поведения самостоятельно в результате наблюдения за процессом коммуникации в СМИ и из собственной практики.

---

[64] См.: Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996 ; Maturana Humberto R. Biologie der Kognition. Padeborn, 1977.

[65] См.: Hymes D.H. The ethnography of speaking // Readings on the Sociology of Language. The Hague: Mouton, 1968; Hymes D.H. Toward Ethnographies of Communication: The Analysis of Communicative Events // Language in Social Context. Selected Readings. London, 1990.

Список использованной литературы

1. Андреева, Г.М. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания. Исследования феномена каузальной атрибуции [Текст] / Г.М. Андреева, А.И. Донцов // Хрестоматия по социальной психологии / сост. Т.В. Кутасова. – М. : Междунар. пед. акад., 1994. С. 106–120.

2. Бахтин, М.М. Собр. соч. / Т. 5. Работы 1940–х – начала 1960–х гг. – М. : Русские словари, 1996.

3. Бейтс, Е. Интенции, конвенции и символы. // Психолингвистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 50–102.

4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст]. – М. : Прогресс, 1974.

5. Брунер, Дж. С. Онтогенез речевых актов [Текст] // Психолингвистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 21–49.

6. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Гос. ин–т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999.

7. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М. : Наука, 1993.

8. Витгенштейн, Л. Философские работы. Ч. 1. – М. : Российское феноменологическое общество, 1994.

9. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка. – М. : Высшая школа, 1974.

10. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996.

11. Гачев, Г. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока…). Исповесть. – М. : Ди–Дик–ТАНАИС ; МТРК Мир, 1995.

12. Гиппентрейтер, Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? – М. : Че–Ро, 2000.

13. Глебкин, В.В. Толерантность и проблема понимания: толерантное сознание как атрибут Homo Intellegens // На пути к толерантному сознанию. – М. : Смысл, 2000. – С. 8–15.

14. Гольдин, В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 23–34.

15. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики [Текст] / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1998.

16. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989.

17. Дементьев, В.В. Коммуникативная генристика : речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. – Вып. 3. – Саратов : Колледж, 2002. – С. 18–39.

18. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов : Изд–во СГУ, 2000.

19. Жура, В.В. Эмоциогенность общения «пациент–врач» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Известия Рос. гос. пед. ун–та им. А.И. Герцена. – 2007. – № 9. – С. 38–44.

20. Илинская, А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке. автореф. …канд. филол. наук. – Барнаул, 2007.

21. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск : Изд–во ОГУ, 1999.

22. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М. : Изд–во МГУ, 1992.

23. Матурана, У. Биология познания // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 95–142.

24. Месечко, А.В. Конкуренция иллокутивных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрового состава речевой провокации в публичной речи [Текст] / А.В. Месечко, В.Н. Степанов // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – Вып. 1. – С. 43–49.

25. Норманн, Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб. : Изд–во СПбГУ, 1994.

26. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса. – М. : Гнозис, 2007.

27. Остин, Дж. Избранное. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.

28. Падучева, Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

29. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

30. Седов, К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореф. дис. … д–ра филолог. наук. – Саратов, 1999.

31. Секацкий, А.К. Онтология лжи. – СПб. : Изд–во СПбГУ, 2000.

32. Сеченов, И.М. Психология поведения. – М. : Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995.

33. Скрэгг, Г. Семантические сети как модели памяти. // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1983. – Вып. 12. – С. 228–271.

34. Соколов, А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб. : СПбГУП, 1996.

35. Степанов, В.Н. Провокативный дискурс социально–культурной коммуникации. – СПб. : Роза мира, 2003.

36. Степанов, В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. – СПб. : Роза мира, 2008.

37. Толстая, С.М. Терпение и терпимость в зеркале языка. // Лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2001. – С. 128–131.

38. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

39. Франкфурт, Г. К вопросу о брехне: логико–философское исследование. – М. : Европа, 2008.

40. Худяков, А.А. Семиозис простого предложения. – Архангельск : Изд–во ПомГУ, 2000.

41. Цветкова, Л.С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. – М. : Просвещение, 1995.

42. Щек, Г. Зависть: теория социального поведения [Текст] / Г. Франкфурт. – М. : Европа, 2008.

43. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974.

44. Шилина, М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. – М. : ООО РИЦ – Северо–Восток, 2012.

45. Berne, E. Intuition and ego states : the origins of transactional analysis. – San Francisco, 1977. – P. 189.

46. Bruner, J.S. The Ontogenesis of Speech Acts / J.S. Bruner // Journal of Child Language. – 1975. – № 2. – P. 1–19.

47. Hymes, D.H. The ethnography of speaking // Readings on the Sociology of Language. – The Hague: Mouton, 1968. – P. 99–138.

48. Hymes, D.H. Toward Ethnographies of Communication: The Analysis of Communicative Events // Language in Social Context. Selected Readings. – L. : 1990. – P. 21–44.

49. Johnson–Laird, P.N. Mental Models in cognitive science // Cognitive Science. – 1980. – № 4. P. 72–115.

50. Johnson–Laird, P.N. The Computor and the Mind: An Introduction to Cognitive Science. – Cambridge (Mass.), 1988.

51. Maturana, Humberto R. Biologie der Kognition. – Padeborn, 1977. – 95 s.

Словари и справочные издания

52. Словарь иностранных слов [Текст]. – М. : Русский язык, 1989.

53. Словарь русского языка [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. – М., 1981–1984.

54. Петрученко, О. Латинско–русский словарь. – М., 1994.

55. Webster’s desk dictionary of the English language. Based on The Random House Dictionary. – Classic ed. – N.Y., 1990.

УДК 81’42
ББК 81.432.1.
Т 502

Г.Ж. Товмасян, канд. филол. наук
Hranush Tovmasyan, Ph.D.
(ЕГЛУ им. В. Брюсова, Ереван, Армения)

Дейксис как анафора и активатор пресуппозиций: функциональный подход

(на английском языке)

Deixis as Text/Discourse Anaphora and Presupposition Trigger: a Functional Approach

В статье рассматривается проблема текстовой/ дискурсивной когезии посредством дейктических выражений. Ключевым в статье является определение тех функций (референциальная, анафорическая, заместительная, индексальная, индексально–инклюзивная, поэтическая, а также функция привлечения внимания), которые активизируются при отсылке дейктического выражения к антецеденту, что способствует связности текста/дискурса. Вторым в статье рассматривается вопрос определения дейктических знаков как активаторов экзистенциальных пресуппозиций. Анализ ведется параллельно в рамках двух языков – английского и русского.

дейксис, дейктические знаки, анафора, индексальные выражения, экзистенциальная пресуппозиция, когезия, текст / дискурс, указательные местоимения, указательные выражения, антецедент, функция

Among the core notions of pragmatics are presupposition, deixis and discourse structure and its coherence. Despite the multitude of works on each of these phenomena in isolation, there is little reference in linguistic literature on how deixis may function as text/discourse anaphora and thus serve as a presupposition trigger.

These are the issues I wish to address here. First, I will consider how different types of deixis function as text/ discourse anaphora and hence contribute to its coherence. Second, I will offer a framework for triggering presuppositions in text/ discourse via the deictic expressions it contains. I have therefore chosen text/ discourse coherence through deixis and deictic expressions triggering presupposition as the topic of this article. In linguistic literature this phenomenon has been labelled in a number of ways, namely, indexicals [1] or indexical expressions, demonstratives [2] or demonstrative expressions, deixis or deictic expressions [3], pronouns and demonstratives [4], so these terms will be used interchangeably in the article. The study is carried out in the scope of two languages – English and Russian.

Deictic expressions, irrespective of their type (person, place, time, discourse and social) [5], are known to be interpreted in context only. This prerogative of the context upon indexicals supports their pragmatic account, according to which deictic expressions are revealed and interpreted in language use only.

Demonstrative pronouns play a significant role in securing the cohesion of any text – written or spoken. In this respect Volf puts that »as a rule, demonstrative pronouns come forth when the context appears

[1] Levinson, S. Pragmatics. Cambridge University Press. Cambridge, 1983. P. 57.

[2] Kaplan D. Demonstratives: an essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and their indexicals // J. Almong, J. Perry, H. Wettstein (eds.) Themes from Kaplan. N.Y. : Oxford University Press, 1989. P. 481.

[3] Jaszczolt K. Semantics and Pragmatics: Meaning in Language and Discourse. L. : Longman. 2002. P. 192.

[4] Larson R. & Segal, G. (1995). Knowledge of Meaning: An Introduction to Semantic Theory. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. P. 197.

[5] Jaszczolt K. Semantics and Pragmatics … P. 191.

to be insufficient for the identification of its units and the cohesion must be supported by formal means. In other words, a demonstrative pronoun serves as a means of establishing coreference, identifying names, the interrelation of which is not obviously presupposed.» [6]

Thus, in text/ discourse these surface markers – deictic expressions – actually refer to some unit of text/ discourse – antecedent – which is substituted, thus bringing forth the notion of anaphora. In this respect Geurts claims that »the distinctive trait of anaphora is that, by large, anaphors must be bound to a suitable antecedent.» [7].

Remarkably, such substitution may bear different functions depending on the communicative intention it is anticipated for. The main function is undoubtedly attributed to the referential one, therefore in text/ discourse, as the below–narrated study reveals, deixis may also have anaphoric, substitutive, indexical, indexical–inclusive, poetic and attractive functions. Consequently, in text/ discourse deixis with all its functions serves primarily as anaphora and contributes to its coherence. Thus, Revzin claims that «demonstrative pronouns are perhaps the most characteristic case of transition from a communicatively–conditioned category to a text–forming one» [8].

My goal in this article is to reveal the behaviour of a variety of indexical expressions on text/ discourse level in view of their anaphoric potential as well as that of triggering presuppositions. The latter, in their turn, are known to be endowed with anaphoric potential themselves. Particularly highlighted are the deictic and anaphoric roles of the various indexicals as a function of text/ discourse genre.

Let's consider demonstrative pronouns first from the viewpoint of their indexicality and anaphoricity. As mentioned above, demonstrative pronouns actively stand in anaphoric cohesive relations. In this respect quite rational is Peshkovskiy who claims that «the stems of the words *that, this, such, so, here, there*, etc. appear to denote that the speaker identifies the thing he thinks about at the moment with the thing he thought before or the one he intends to think about in the future» [9]. Thus, referring to a certain unit of speech – antecedent as a rule, deictic expressions demonstrate the existence of some phenomena, actions, features, people, etc, which actually trigger existential presuppositions. The latter stands for the fact that, besides the anaphoric–referential function, deixis also generates presuppositions, namely existential ones. Now let us consider each of the functions of the indexicals with their respective peculiarities.

Remarkably, in most of the cases demonstrative pronouns fulfil indexical–inclusive function in relation to the antecedent, expressed by predicative groups or even sentences. As an example of this consider (1) and (2).

(1) The first two issues are of course related, and I will argue that they cannot be addressed independently of each other. Furthermore, a formal distinction in how nominals and verbs refer to event descriptions is necessary to show how the grammaticalization of events differs in these two syntactic domains. *This* is presented in 8.3 and 8.4 [10].

(2) …Старикам и скучающим, мрачным молодым людям казалось, что они сами делаются похожи на нее, побыв и поговорив несколько времени с ней. Кто говорил с ней и видел при каждом слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые виднелись беспрестанно, тот думал, что он особенно нынче любезен. И *это* думал каждый [11].

Interestingly, although in such a use the pronoun *это* does not refer to a certain noun(s), as proceeds from its general categorial meaning, it still operates in its referential function. Obviously, the indexical

---

[6] Вольф Е. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974. С. 116.

[7] Geurts B. Presuppositions and anaphors in attitude contexts. Linguistics and Philosophy 21 / Ed. by Petra Ludewig and Bart Geurts. Lexikalische Semantik aus kognitiver Sicht. Gunter Narr, Tübingen, 1998. P. 546.

[8] Ревзин И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., С. 123.

[9] Пешковский А. Русский синтаксис в научном освещении. 7–е изд. М., 1956. С. 155.

[10] Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge, Mass. : MIT Press, 2001. P. 141.

[11] Толстой Л. Война и мир. Т. 1. Ч. 1. Available online at: http://ilibrary.ru/text/11/index.html.

word repeats, as it were, the whole information about the referent given in the context, including the meaning of the whole antecedent sentence [12].

Operating as anaphora, deictic expressions in the above–cited examples not only do refer to some information – antecedent – but also imply its existence which consequently gives rise to some factual data – existential presupposition.

Another important respect about deictic expressions and their antecedent is the fact that the antecedents may often be represented by situations, i.e. some general information, as in the above examples with *this* and *это*. And, conversely, antecedents are seldom expressed by a definite vocabulary unit. Actually, in such cases the indexical operates as substituent, replacing the whole situation. As an illustration of indexicals as situation substitutes consider (3).

(3) «Prussians who are so arrogant to–day, were three to one against you at Jena, and six to one at Montmirail. Those among you who were prisoners in England can tell their comrades what frightful torments they suffered on board the English hulks. Madmen! a moment of prosperity has blinded them, and if they enter into France it will be to find a grave there!» But the partisans of the French prophesied a more speedy extermination of the Emperor's enemies than *this*; and it was agreed on all hands that Prussians and British would never return except as prisoners in the rear of the conquering army [13].

It is interesting to note that the use of the indexicals *this/that, these/those, here/there, now/then*, etc. may perform a twofold function. Namely, the indexical and anaphoric use of these units may be conditioned by the linear proximity/remoteness of the deictic expression with its referent. In this case the referential–substitutive function comes forth. Second, the addresser may resort to anaphora to attract the addressee, making a certain unit of the text tangible, in this way activating the attractive function of the indexical. By this the addresser makes the referent the focus of communication. If the referent and the indexical are in the scope of the given fragment of the text/ discourse the following deictic expressions are employed: *this, here, these, now*, etc. Nevertheless, the use of the indexicals is not always conditioned by the proximal/ distal criterion. Many are the cases when the distance between the indexical and its referent appears to be an invalid criterion for pointing to a certain unit. Hardly the spatial allocation of the units of the communicative situation from the speaker's viewpoint is meant.

Remarkably, operating as anaphors indexicals may have a poetic function, implying not a linearly remote and real referent, but rather an imaginary, symbolic one. As an illustration of the above–said consider (4), (5) and (6).

(4) In *this* case, the denotation for the VP [vp open the door] makes reference to the ability to walk through the aperture as a result of the action of opening [14].

(5) Within the general group of «Spanish goats» there are *those* that are purely Spanish, whereas *others* represent an amalgam of all genotypes introduced to the area [15].

(6) a. Берега, берега, берег *этот* и *тот*,
b. Между ними река моей жизни.
c. Между ними река моей жизни течет,
d. От рожденья течет и до тризны.

e. *Там*, на *том* берегу, что течет по судьбе,
f. Свое сердце тебе я оставил.

---

[12] Нергер–Серенсен Й. Референциальная функция русских местоимений (в сопоставлении с местоимениями некоторых славянских языков) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 38.

[13] Thackeray W. Vanity Fair. 1962. P. 355.

[14] Pustejovsky J. (2001) The Generative Lexicon... P. 223.

[15] Luginbuhl J–M. Breeds of Goats for Meat Goat Production and Production Traits. Available online on: http://www.cals.ncsu.edu/an_sci/extension/animal/meatgoat/MGBreed.htm.

g. Свое сердце навек я оставил тебе,
h. *Там*, куда не найти переправы.

i. А на *том* берегу незабудки цветут,
j. А на *том* берегу звезд весенний салют.
k. А на *том* берегу мой костер не погас,
l. А на *том* берегу было все в первый раз.
m. В первый раз я любил и от счастья был глуп,
n. В первый раз пригубил дикий мед твоих губ.
o. А на *том* берегу, *там* на *том* берегу,
p. Было *то*, что забыть никогда не смогу.

q. *Там* за быстрой рекой, где черемухи дым,
r. *Там* я в мае с тобой, *здесь* я маюсь.
s. *Там* я в мае с тобой, *здесь* я в мае один
t. И *другую* найти не пытаюсь [16].

Obviously, in example (4) the anaphoric demonstrative *this* has an indexical function. Besides, its use is conditioned by the proximity of the deictic expression with its referent. Example (5) is an illustration of the attractive function of indexicals when the speaker purposefully draws a parallel between two referents or sets of referents but chooses such pronouns as to logically focus the addressee's attention at one of them. Hence, here the deictic *those* imparts a greater importance to its referent – a certain genotype «Spanish goats» – by juxtaposing it to some other genotype of less importance. The secondary focus is imparted by the anaphoric indexical *others*. In the given text/ discourse indexicals bearing an anaphoric interpretation perform particular strategic, text/ discourse unit–demarcating roles. They signal a shift in referential perspective, preparing the addressee for a transition to a new text/ discourse unit or subunit of greater communicative significance.

Now consider sentences (6e), (6h), (6i), (6j), (6k), (6l), (6o), (6p). The indexicals *том, там, то, здесь, другую* evidently don't refer to a certain unit – object, person, situation, place, time, etc. Their referent is an imaginary place – the cherished place of the author. Hence, here the choice of the deictic expressions is not conditioned by spatial, temporal, person or any other criteria of the communicative situation. Thus, via the actualisation of the poetic function of indexicals their symbolic use is brought forth here. Meanwhile, the deictic expressions trigger existential presuppositions.

It is interesting to note about the strategic difference that exists among some indexicals that at first sight seem to have identical meaning. Yet, they are different considered the significance imparted to them by the addresser. Let's consider the anaphoric indexicals *such* and *these, этот* and *такой, эта* and *такая, эти* and *такие* from the viewpoint of the addresser's focus. Consider (7), (8), (9) and (10) given below.

(7) There are very few London people, as I fancy, who have not attended at *these* meetings, and all with a taste for moralizing must have thought, with a sensation and interest not a little startling and queer, of the day when their turn shall come too, and Mr. Hammerdown will sell by the orders of Diogenes's assignees, or will be instructed by the executors, to offer to public competition, the library, furniture, plate, wardrobe, and choice cellar of wines of Epicurus deceased.

(8) He was pompous, but with *such* a cook what would one not swallow? He was rather dull, perhaps, but would not *such* wine make any conversation pleasant? [17]

---

[16] Рыбчинский, Ю. Берега. Available online on: http://www.playcast.ru/view/1524522/1fddd553c 54ae1a1f37-ae1cec3a37b727eb591c6pl.

[17] Thackeray W. Vanity Fair. P. 190, 191.

(9) Хотя действительно Пьер был несколько больше других мужчин в комнате, но *этот* страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной.

(10) Большая часть гостей, знавшая его историю с медведем, любопытно смотрели на этого большого, толстого и смирного человека, недоумевая, как мог такой увалень и скромник сделать *такую* штуку с квартальным [18].

In sentence (7) the author imparts greater significance to the meetings in question by using the demonstrative *these.* The focus is on particular meetings and not on a group of similar ones. The same meaning wouldn't be imparted if the author used the indexical *such* which doesn't single out one from many units but points to many similar ones. In such cases the attractive function of deixis is activated. Unlike the deictic *these* in (7), *such* in (8) refers to a large group of similar units and doesn't single out a particular one. The same restriction is noticed about their Russian counterparts in (9) and (10). By the indexical *этот* the author wants to draw the reader's attention to a particular fear felt in the given situation and not fears that people feel in similar situations. Conversely, the deictic *такую* in (10) may refer to any unit of the same kind. In the case of *these, this, этот, эта, эти* the referent is a particular unit(s), while in the case of *such, такой, такая, такие* the referent is a group or set of identical or similar units, features, action, etc. Thus, the communicative value of the referent greatly differs depending on the choice of the deictic expressions referring to them.

Remarkably, there is a case of the use of indexicals when the distinction between deixis and anaphora is blurred. This is the case when the anaphoric indexical is used with its referent or a synonymic expression. As Paducheva claims, »such a nominal group indicates the object that somehow emerged within both communicants' scope of vision in the earlier text, rather than refers to it» [19]. In this respect let's consider (11) – a fragment from A. Pushkin's renowned poem «У лукоморья дуб зеленый».

(11) У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе *том*:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...

The word *дуб* is repeated in the next fragment of the poem with the demonstrative *том*. This kind of reiteration of the referent identifies it with its rhematic characterisation. Actually, in such cases deixis loses its anaphoric characteristic.

Next, let's consider the indexical–inclusive function of the deixis which is primarily realised via discourse type of deictic expressions such as *thus, so, on top of all, proceeding from..., therefore, as shown..., accordingly, in this case, hence, при этом, к тому же, следовательно, исходя из вышесказанного, итак*, etc. The anaphoric–inclusive function is realised by the very nature of the above–mentioned expressions as, thanks to their semantic structure, they contain some part of the information provided in earlier text/ discourse, that is, their antecedent. By virtue of this characteristic the discourse type of deixis operates as a «staple» serving for the cohesion of text/ discourse units. Consider (12) and (13).

(12) *Hence*, the type restriction for the complement position of «like» is satisfied by direct subtyping, as illustrated in... [20]

(13) Но ни царь, ни Николай Михайлович и не думали отнестись серьезно к письму Толстого. Выгоднее всего было сделать такой вид, как будто оно и не было получено; но принять *при этом* меры, чтобы не произошло резкого разрыва между Толстым и Николаем Михайловичем и не была потеряна найденная не без труда личная связь [21].

[18] Толстой Л. Война и мир ...

[19] Падучева Е. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. 1985. С. 159.

[20] Pustejovsky J. The Generative Lexicon ... P. 151.

[21] Литературное наследство. Т. 35–38: Толстой Л.Н. (1939). Т. 37–38: Толстой Л.Н. II. Переписка Толстого с Н.М. Романовым. Заславский. Толстой и Генри Джордж. Available online on : http://febweb.ru/feb/litnas/texts/l37/t3722902.htm

The antecedents of the expressions *hence* and *при этом* in (12) and (13) are obviously not certain units or phenomena mentioned previously in the text/ discourse but rather parts of it.

Admittedly, by virtue of referring to some unit of the text/ discourse and contributing to its cohesion, deictic expressions presuppose their existence and thus trigger existential presuppositions. The latter, in their turn, contribute to text/ discourse cohesion as they actually stand for referents for the deictic expressions.

Another noteworthy characteristic of indexicals is the ability of some of them to refer to sets or groups of units, that is, a generalised antecedent, when combined with the words *all* and *все*. Among such indexicals are *this, that, them, это, они*, etc. As an illustration of this consider (14) and (15).

(14) He had arrived with a knock so very timid and quiet, that it was inaudible to the ladies upstairs: otherwise, you may be sure Miss Amelia would never have been so bold as to come singing into the room. As it was, the sweet fresh little voice went right into the Captain's heart, and nestled there. When she held out her hand for him to shake, before he enveloped it in his own, he paused, and thought – «Well, is it possible – are you the little maid I remember in the pink frock, such a short time ago – the night I upset the punch–bowl, just after I was gazetted? Are you the little girl that George Osborne said should marry him? What a blooming young creature you seem, and what a prize the rogue has got!» *All this* he thought, before he took Amelia's hand into his own, and as he let his cocked hat fall [22].

(15) Пьер с десятилетнего возраста был послан с гувернером–аббатом за границу, где он пробыл до двадцатилетнего возраста. Когда он вернулся в Москву, отец отпустил аббата и сказал молодому человеку: «Теперь ты поезжай в Петербург, осмотрись и выбирай. Я на все согласен. Вот тебе письмо к князю Василью, и вот тебе деньги. Пиши обо всем, я тебе во всем помóга». Пьер уже три месяца выбирал карьеру и ничего не делал. Про этот выбор и говорил ему князь Андрей. Пьер потер себе лоб.

– Но он масон должен быть, – сказал он, разумея аббата, которого он видел на вечере.

– *Все это* бредни, – остановил его опять князь Андрей, – поговорим лучше о деле. Был ты в конной гвардии?.. [23]

As becomes clear from the above examples, the pronominal expressions *all this* and *все они* refer to a group of units, namely some of personal characteristics of Miss Amelia as in (14) and some facts and proceedings about Pierre's life as in (15).

Finally, some deictic expressions can function as summarizers, marking the end, outcome or result of the antecedent. Among them are such deictic expressions as *that's it, that's what..., that is..., вот что*. As an example of this consider (16) and (17).

(16) «Here, my dear, I was interrupted last night by a dreadful thumping at my door: and who do you think it was? Sir Pitt Crawley in his night–cap and dressing–gown, such a figure! As I shrank away from such a visitor, he came forward and seized my candle. 'No candles after eleven o'clock, Miss Becky,' said he. 'Go to bed in the dark, you pretty little hussey' (*that is what* he called me), and unless you wish me to come for the candle every night, mind and be in bed at eleven.' And with this, he and Mr. Horrocks the butler went off laughing [24].

(17) Когда она сказала ему это, он ничего не ответил, только наклонился и показал всем еще раз свою улыбку, которая ничего не говорила, разве только *вот что*: «Мнения мнениями, а вы видите, какой я добрый и славный малый». И все и Анна Павловна невольно почувствовали это [25].

In case of example (16) we come across an outcome – namely, calling Miss Becky «little hussy» because she happened to wander alone at night... Hence, some of her activity resulted in her being labelled «little hussy» which is introduced by the deictic expression *that is what*. The indexical expression *вот что* in (17) can be interpreted as showing the result of what someone's face imparted in a particular situa-

[22] Thackeray W. ... P. 63.

[23] Толстой, Л. Война и мир ...

[24] Thackeray W. ... P. 90.

[25] Толстой Л. Война и мир ...

tion. This case is distinct from many such cases by the position of the deictic expression. In most cases it is in post–position with its antecedent. Nevertheless, in this particular case the position in no way diminishes the meaning it was to impart – result.

In summary, deixis (with all its types) as a uniquely text/discourse phenomenon is endowed with the characteristic of text/ discourse anaphora, which is realised via referring it to some antecedent in text/ discourse. As shown in the analysis, the antecedent may be represented by single units, sets of units, and predicative or nominal groups. Notably, the very act of referring to some unit in earlier text/ discourse – antecedent – the deictic expression presupposes its existence and thus triggers existential presuppositions. Hence, in discourse deixis actually functions twofold – contributes to text/ discourse cohesion by linking it to its referent and thus presupposes its existence.

Список использованной литературы

1. Вольф, Е. Грамматика и семантика местоимений. – М., 1974.

2. Нергер–Серенсен, Й. Референциальная функция русских местоимений (в сопоставлении с местоимениями некоторых славянских языков) // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 35–47.

3. Падучева, Е. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985.

4. Пешковский, А. Русский синтаксис в научном освещении. – 7–е изд. – М., 1956.

5. Ревзин, И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. – М., 1973. С. 121–137.

6. Geurts, B. (1998) Presuppositions and anaphors in attitude contexts. Linguistics and Philosophy 21. / Ed. by Petra Ludewig and Bart Geurts. Lexikalische Semantik aus kognitiver Sicht. Gunter Narr, Tübingen.

7. Jaszczolt, K. Semantics and Pragmatics: Meaning in Language and Discourse. L. : Longman, 2002.

8. Kaplan, D. Demonstratives: an essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and their indexicals. // [Text] / J. Almong, J. Perry, H. Wettstein (eds.) Themes from Kaplan. – N.Y. : Oxford University Press, 1989. – P. 481–563.

9. Larson, R. & Segal, G. Knowledge of Meaning: An Introduction to Semantic Theory. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.

10. Levinson, S. Pragmatics. Cambridge University Press. Cambridge, 1983.

11. Pustejovsky, J. The generative lexicon. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001.

Fiction cited

1. Толстой, Л. Война и мир. Т. 1. Ч. 1. Available online at: http://ilibrary.ru/text/11/index.html. Last retreived: 15.01.2012.

2. Рыбчинский, Ю. Берега. Available online on : http://www.playcast.ru/view/1524522/1fddd553 c54a e1a1f37ae1cec3a37b727eb591c6pl. Last retreived: 16.01.2012.

3. Thackeray, W. Vanity Fair, 1962.

4. Luginbuhl, J–M. Breeds of Goats for Meat Goat Production and Production Traits. Available online on : http://www.cals.ncsu.edu/an_sci/extension/animal/meatgoat/MGBreed.htm. Last retreived: 15.01.2012.

5. Литературное наследство. – Тома 35–38; Толстой Л.Н. Т. 37–38: Л.Н. Толстой. II. Переписка Толстого с Н.М. Романовым. Заславский. Толстой и Генри Джордж. Available online on : http://febweb.ru/feb/litnas/texts/l37/t3722902.htm. Last retreived: 14.01.2012.

Раздел II

Исследование художественного дискурса в когнитивном и филологическом аспектах

УДК 811.112
ББК 81.432.4
Б 779

Г.И. Бойко, канд. филол. наук
(РГУ им. С.А. Есенина, Рязань)

Художественный дискурс: когнитивные и концептуальные аспекты

(на материале немецкого языка)

В статье рассматриваются некоторые концептуальные и когнитивные аспекты немецкоязычного художественного дискурса. Особое внимание уделяется экспликации релевантного для определенного отрезка времени концептуального спектра.

дискурс, концепт, когнитивный подход, интерпретация

В современной когнитивной лингвистике исследования художественного текста проводятся в двух основных направлениях: дискурсивном и концептуальном. Несмотря на популярность подобных исследований, до сих пор нет ясности в терминологическом наполнении понятий «дискурс» и «концепт», а также отсутствует единая типология каждого из них.

Дискурс как неоднозначный феномен привлекает к себе внимание не только лингвистов, но и культурологов, литературоведов, социологов, философов, психологов и других ученых, что обеспечивает новизну и объективность проводимых исследований. При этом объяснение понятия «дискурс» в разных научных системах привело к тому, что, по мнению ученых, оно стало синонимом понятия «язык» или трактуется даже шире [1].

Согласно В.Е. Чернявской, дискурс как лингвистическая категория определяет особую исследовательскую стратегию, предполагающую макросемантический и глубинно–семантический анализ текста. Когнитивный подход позволяет утверждать, что язык – это поверхностная структура, выражающая глубинные конструкции – знания о мире [2]. В связи с этим когнитивная интерпретация дискурса как коммуникативного события, как формы социального взаимодействия предполагает выход за пределы собственно лингвистических форм в мир психики человека, в мир его состояний и намерений.

Опираясь на одно из классических определений, принадлежащих Е.С. Кубряковой, исследователи рассматривают дискурс как когнитивную программу (или модель) формирования речевого сообщения, учитывающую не только то смысловое содержание, которое планируется передать в процессе коммуникации, но также способы передачи информации и конкретные условия коммуникации (особенности коммуникативной ситуации, характеристики участников, контактный или дистантный канал коммуникации и др.) [3]. Таким образом, специфику художественного дискурса определяет ори-

---

[1] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. С. 227 ; Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 16.

[2] Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

[3] Беляевская Е.Г. Когнитивная модель стиля и факторы, обусловливающие динамику стилей // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы : материалы междунар. науч. конф. М., 17–18 ноября 2011 г. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 181–182.

ентация на экстралингвистическую контекстную информацию, на раскрытие внутреннего мира личности, на выявление характера межличностных отношений.

Как и понятие «дискурс», понятие «концепт» характеризуется плюрализмом трактовок, поскольку он также является мыслительной, ненаблюдаемой категорией, используемой в целом комплексе наук. Согласно последним исследованиям (Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), концепт – это своеобразный фокус знаний, когнитивная структура, представляющая целостное знание о ценностных экстралингвистических явлениях, значимых для культуры в целом или индивида в частности. Это основная единица описания и анализа картины мира. Концепт позволяет человеку выйти за границы своего актуального опыта, отражает сведения о менталитете отдельного человека, сообщества людей, народа, нации, иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке. Концепт – это выраженный определенными способами смысл. Существуют разные подходы к определению концепта (логический, культурологический, лингвокультурологический, семантико–когнитивный, философско–семиотический и др.), но в их основе лежит одно значение: «человеческая деятельность в познании мира».

В интерпретации художественного текста, затрагивающей большой объем лингвистической, исторической и культурной информации, понятие «концепт» понимается уже – как сформулированная основная, объединяющая все произведение идея, как «квант» социально–общественного, нравственного, эстетического опыта автора. Концепт художественного произведения – это выражение в нем авторского отношения к изображенному, результат авторского освоения действительности [4]. С этим мнением созвучно и мнение В.З. Демьянкова, согласно которому дискурс как фрагмент текста часто концентрируется вокруг некоторого опорного концепта: создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки, определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса [5].

Необходимость обращения к концептуальному анализу в рамках исследования художественного дискурса обусловлена тем фактом, что данный анализ выявляет не только когнитивные структуры, которые стоят за теми или иными концептами, но также их ценностные составляющие.

Когнитивная деятельность, лежащая в основе формирования концепта, непосредственно связана с оценочной деятельностью личности. Каждое познание мира основано на индивидуальной ценностной шкале, поскольку любое познание – это прежде всего оценивание, то есть субъективное выражение значимости предметов и явлений окружающего мира для нашей жизни и деятельности.

Нравственные, эмоциональные, культурно–исторические концепты, а также социальные понятия и отношения являются наиболее существенными для художественного дискурса, характеризующегося индивидуально–авторским и социокультурным модусом. Они затрагивают «вечные» проблемы человеческого существования, что определяет то постоянство, с которым писатели обращаются к их художественному постижению. Художественные концепты как единица сознания автора, как элемент системы смысла художественного текста представляют собой совокупность сложных смысловых комплексов, формирующихся в процессе коммуникации. Данные концепты, принадлежащие к сфере художественного, отличаются спецификой как в плане содержания, так и в плане выражения. Это обусловлено их определенной задачей, замыслом всего текста. В связи с этим при актуализации концепта в рамках художественного дискурса на первый план выходит аксиологический аспект личности.

---

[4] Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. М. : Изд–во Моск. ун–та, 2002. С. 61.

[5] Демьянков В.З. Англо–русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов. 39. М. : ВЦП, 1982, С. 7.

Анализ художественных произведений немецкоязычных писателей XX века дал информацию о разнообразных концептах, например: «я», «другой», «одиночество», «надежда», «стыд», «страх», «жалость», «красота», «нравственность», «личная свобода», «война», «счастье», «отчаяние», «смерть», «дружба» и др.

При интерпретации представленного ниже фрагмента особое внимание необходимо уделить экспликации ценностной информации межличностного и межкультурного плана. Автор показывает, как меняются ценностные ориентиры под влиянием определенного образа жизни, а именно: жизнь в экономически более развитой стране (ФРГ) накладывает отпечаток на образ мыслей и высказывания главной героини, в которых посредством определенных языковых средств (местоименная оппозиция, высказывания с качественными характеристиками) постоянно подчеркивается экономическое превосходство и та граница, которая разделяет не только ФРГ и ГДР, но и членов одной семьи. Тем самым актуализируются основные концепты рассказа: «семья», «общество» и связанные с ними культурные, социальные и исторические смыслы:

«Wo wart ihr nur so lange? Ich war schon richtiggehend wütend. Zuerst eure schlechten Straßen, dann die blödsinnigen Vopos. Eine Stunde musste ich warten. Die ganzen Micky–Maus–Hefte für Werner haben sie mir abgenommen»...

«Du kannst das nicht mehr mit früher vergleichen, Papa, BMW ist jetzt besser. Sie haben die stärkeren Motoren. Und bei dem Verkehr bei uns braucht man Maschinen mit starkem Anzug!»...

«Ach weiß du, Mama, ich weiß gar nicht mehr, wie es bei euch aussieht... Aber deswegen brauchst du doch nicht zu weinen. Wenn ihr Rentner seid, kommt ihr nach Lübeck und bleibt bei uns. Wir werden viel reisen, wir zeigen euch alles.» (B. Wagner. Das Treffen. S. 55–60)

В повествовании о послевоенном времени, как в следующем примере, на первый план выступают социальные (межличностные), эмоциональные и нравственные концепты. Страх определяет образ жизни вернувшегося с войны солдата. Конфликт с окружением заключается в том, что главный герой не может забыть пережитого и вернуться к обычной мирной жизни. Выражается это, помимо лексических средств, также средствами грамматики и экспрессивного синтаксиса (инвертированный порядок слов, чередование простых и сложных предложений, создающих ломаный ритм повествования, наличие парадигматических синонимов ich–mir–mich в каждом предложении, нагнетающих атмосферу):

Aber ich will nicht zu ihnen gehören. Ich will wieder «ich» und nicht dauernd «wir» denken müssen. Ich will raus aus der Herde. Ich habe sie satt, die Kameradschaft der Unseligen. Ebenso wie ich die Heilgebliebenen satt habe, die Sicheren, vor deren Forschheit mein letzter Rest Selbstbewusstsein zur Farce gefriert ... Ich kann nichts dagegen tun. Man will sich nicht aufgeben. Aber ich will nicht zu ihnen gehören. Ich will raus aus der Herde… Ich weiß nun nicht mehr, wie ich es länger ertragen soll. Ich möchte so gerne leben und teilhaben an der Zuversicht anderer. Ich kann nicht mehr (W. Schnurre. Ausgeliefert. S. 305–307).

Сгустком жизненного опыта, запечатленным в памяти [6], могут выступать не только те или иные идеи и представления, но и предметы. Так, кухонные часы в следующем фрагменте являются воплощением концепта «семья», «родительский дом». Они напоминают главному герою о доме, родителях, юности и ассоциируются с раем, которым была его жизнь прежде. Чтобы еще больше подчеркнуть их ценность для главного героя, автор использует прием персонификации, и часы превращаются в собеседника:

Er hielt eine tellerweiße Küchenuhr vor sich hin und tupfte mit dem Finger die blaugemalten Zahlen ab…

Er sah die anderen an, aber die hatten ihre Augen von ihm weggenommen. Er fand sie nicht. Da nickte er seiner Uhr zu: Dann hatte ich natürlich Hunger, nicht wahr?..

Er sah die anderen an. Aber er fand sie nicht. Da sagte er der Uhr leise ins weißblaue runde Gesicht: Jetzt, jetzt weiß ich, dass es das Paradies war. Das richtige Paradies (W.Borchert. Die Küchenuhr. S.203).

---

[6] Карасик В.И. Языковой круг... С. 127.

Как уже отмечалось, экспликация содержания концептов в художественном дискурсе носит сложный характер, что связано со спецификой их художественного воплощения. Определенные концепты, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему (концептосферу), отражающую познавательный опыт индивида в самых разных аспектах осмысления мира.

Так, например, в следующем рассказе реализуется концептуальный треугольник «жизнь –любовь–смерть». Автор повествует о смертельно больной женщине, которая вместе со своим мужем борется с болезнью. Но после смерти жены муж остается один со своими воспоминаниями и с чувством опустошенности. Интерпретация доминантных концептов «жизнь», «смерть», «любовь», «боль», «одиночество» и связанной с ними ценностной информации социального, нравственного и культурного характера позволяет эксплицировать основную мысль автора: нужно быть смелым и продолжать жить каждый день, несмотря ни на что:

Die Krücken stehen in der Ecke des Schlafzimmers, meines Schlafzimmers; unseres Schlafzimmers, als sie noch lebte.

Es ist nicht mehr der Tod, hatte sie eines Tages zu mir gesagt, als ich sie ohnmächtig und verrenkt im Flur gefunden, aufgehoben, ins Bett getragen, wachgeklopft, wachgeküsst, wachgeweint hatte – es ist nicht mehr der Tod, es ist der Schmerz. Das Vieh. Sie sagte immer: «Das Vieh».

Sie kämpfte gegen das Vieh, das aus ihr herauskroch. Es kommt nicht von außen über dich und zerreißt dich, es kriecht dir von innen entgegen, er füllt dich (B. Richard. Tapfer sein auf einem Bein. S. 114).

Изучение авторских концептуальных структур помогает выявить особенности мировосприятия автора, получить информацию о его ценностных ориентациях и их смене, которая объясняется, в частности, тем, что социальные отношения личности постоянно расширяются в течение жизни, способствуя формированию нового знания и пересмотру старого. Ценности и формирующиеся на их основе концепты подвержены изменениям. Точнее, набор их всегда примерно одинаков. Однако меняется расположение их по степени важности для общества в целом и для отдельного индивидуума в частности. Например, происходит смена ценностных ориентаций участников войны в послевоенное время. Меняется их отношение к концепту «жизнь». Главный герой следующего фрагмента, полковник, участвовал в военных действиях, но не задумывался о человеческих жизнях. Вернувшись домой, он узнает, что его сын погиб во время воздушной атаки. Восклицательные односоставные предложения передают его чувства, вызванные страшным известием. Максимальная краткость в сочетании с экспрессивной лексикой отражает весь спектр его эмоций, а также отрицательную оценку поступка врага:

«Schweine!» schrie der Oberst, als stünde er als Spieß auf dem Kasernenhof.

«So kurz vor dem Ende! Gemein! Auf Zivilisten schießen! Auf Kinder! Gangster!» (J. Mühlberger. Der Kranzträger. S. 363).

Под влиянием обстоятельств претерпевают изменения убеждения, которые казались абсолютно верными. Так, в представленном далее примере эксплицируется смена политических взглядов, определяющих отношение главного героя к сложившейся в Европе ситуации в связи с приходом к власти Гитлера. Наступает разочарование в своих прежних убеждениях, что подтверждает использование сослагательного наклонения, инвертированного порядка слов, неполных предложений:

Den Sohn dieses Deutschen, den würde ich aufnehmen, der könnte mich warm machen. Ich würde ihn besser füttern. Einen solchen Knaben bei sich zu beherbergen, und diese Banditen gehen aus und ein und ahnen nicht, was ich wage und was ich für einer bin und wen ich versteckt habe! (A. Seghers. Das Obdach. S. 256, 260).

Таким образом, в художественном произведении могут быть представлены разные концепты, отражающие вечные темы. Эти концепты, связываясь между собой, образуют определенную концептуальную систему, при этом отношение к тому или иному концепту подвержено изменениям.

Приведенные наблюдения нуждаются, вероятно, в дальнейшем уточнении, однако можно сделать вывод о том, что концептуальный подход к художественному дискурсу, заключающийся в изучении

языковых форм реализации содержания художественных концептов и определении их функционирования в художественном произведении, способствует интерпретации его ключевых смыслов, выявлению особенностей мировосприятия автора и обогащению концептуальной системы читателя. Следует учитывать происходящую под воздействием различных внешних и внутренних факторов смену ценностных ориентаций. Изучение авторских концептуальных структур позволяет сделать выводы о релевантном для данного отрезка времени концептуальном спектре.

Список использованной литературы

1. Беляевская, Е.Г. Когнитивная модель стиля и факторы, обусловливающие динамику стилей // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы : материалы междунар. науч. конф. – М., 17–18 ноября 2011 г. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 254 с. – С. 181–182.

2. Демьянков, В.З. Англо–русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. – Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов. 39. – М. : ВЦП, 1982. – 288 с.

3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

4. Мельничук, О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста. – М. : Изд–во Моск. ун–та, 2002. – 208 с.

5. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

6. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

УДК 81’255.2
ББК 81.432.1
М 333

Н.А. Матвеева, канд. филол. наук
(РГУ им.С.А.Есенина, Рязань)

Воссоздание логической подоплеки ассоциативно созданного образа в поэзии

В статье исследуются поэтический дискурс и пути индивидуального прочтения поэтического образа, изучается роль воссоздания логической подоплеки образа для раскрытия истинного замысла поэта, в частности, в процессе предпереводческого анализа, также проводится непосредственный анализ логической подоплеки образной системы стихотворения Зигфрида Сассуна «At The Cenotaph».

поэтический дискурс, поэтический образ, индивидуальное прочтение, личный опыт, логическая подоплека образа

Поэзия – это особый способ организации речи, мышления и видения мира, который выражается в особом языке, одновременно лаконичном и экспрессивном. В аспекте поэтической коммуникации, в частности семантики поэтического текста, значительная роль отводится изучению образности и рассмотрению стилистических средств и приемов, обеспечивающих ее формирование.

Образ как таковой представляет собой результат и идеальную форму отражения предметов и явлений материального мира и сознания человека [1]; это субъективная картина мира, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий.

Образы можно подразделить на языковые и художественные. Элементарные образы языка в практике языкового творчества соотносятся с предметами физической и социальной действительности, которые, в свою очередь, ассоциируют друг друга с первыми. В результате возникают сложнейшие языковые образы, представляющие собой вторичные или третичные образования по степени удаленности от простейших образных элементов. Такие образования, как правило, и составляют основу художественной, в частности поэтической образности, которая строится на воспроизведении и трансформации чувственных образов, сохранившихся в памяти, без непосредственного воздействия объектов реального мира на реципиента.

При этом структура такого образа может изменяться в связи с усилением одних признаков и ослаблением других. Этот процесс абсолютно индивидуален, так как мы по–разному воспринимаем и чувствуем мир.

Художественный образ – одно из основных понятий литературы, определяющих природу, форму и функцию художественно–литературного творчества. В центре художественного образа стоит изображение человеческой жизни, которая, с одной стороны, показана в индивидуальной форме, с другой стороны, несет в себе обобщенное начало, за которым стоят жизненные процессы, формирующие жизнь людей того или иного типа. Специфика художественного образа также заключается в создании за счет него нового, вымышленного мира. Вымысел расширяет обобщенное значение образа.

Индивидуальное прочтение поэтического образа не должно приводить к поляризации заложенного поэтом эффекта. И здесь важно уметь воссоздавать логическую подоплеку, заложенную поэтом в созданные им образы. Образ в поэзии – это всегда образ ассоциативно создаваемый, так как сам поэт мыслит ассоциативно. Образная мысль многозначна, богата и глубока по своему значению и смыслу.

Поэтический дискурс как предмет исследования непосредственно соотносится с ключевыми понятиями когнитивной лингвистики, а именно с понятием ментальных репрезентаций и репрезентаций мира человеком. В формировании поэтического образа можно выделить подсознательную или психологическую и рациональную составляющие.

Поэты и литературоведы называют поэзию отражением души. Психолог Карл Густав Юнг представляет образы в качестве первичных активных феноменов душевной жизни, выполняющих активную созидательную функцию. Способность психики создавать образы позволяет человеку осмысливать реальность, поскольку «мы непосредственно живем исключительно в мире образов» [2]. К. Юнг наделяет образы функцией осознания личного опыта, связывая тем самым воедино сферу сознательного и бессознательного.

Поэтический образ как таковой – это результат рефлексии – превращения импульсивной эмоции в эмоционально–рациональную целостность. При этом сам процесс создания художественного образа предполагает органическое вплетение рационального в эстетическое отношение художника к объекту своего творчества [3].

Основной задачей образа является сохранение в памяти событий и явлений реальности в виде некоторой картинки, проекции, ассоциации с реальным миром. Американский структуралист Эдвард Титченер говорит о том, что «образы представляют собой элементы идей и отражают переживания, которые не связаны с текущим моментом – например, происходящие в нашей

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.–корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20–е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989.

[2] Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 281.

[3] Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М. : Высшая школа, 1977, С. 21.

памяти» [4], то есть, образ выполняет функцию посредника между внутренним миром и миром внешних объектов, облегчающего построение ассоциативных связей и упорядочивающего хранящуюся в памяти информацию.

Таким образом, поэтические образы обусловлены не только эстетически и эмоционально, в каждом из них содержится определенная логическая подоплека. Логическая подоплека образа представляет собой «скрытую часть айсберга» – действительную причину картинок, ассоциаций, эмоций, вызываемых образом в сознании реципиента. Воссоздание логической подоплеки, закладываемой поэтом в тот или иной образ, не просто позволяет понять истинный замысел поэта, но также является одним из важнейших объектов предпереводческого анализа для переводчика поэзии. Воссоздание логической подоплеки образа предполагает учет целого ряда факторов, таких как фоновые знания, в частности знание традиций, культурных и исторических событий, символики языка, биографии поэта и особенностей эпохи; умение анализировать и выводить логические связи; способность одновременно концентрироваться на личном опыте и личных эмоциях и отходить от них, так как смысл художественного образа раскрывается в определенной коммуникативной ситуации, обусловленной индивидом, его целями и даже сиюминутным настроением.

Воссоздание логической подоплеки является ключевым моментом для понимания образной системы стихотворения Зигфрида Сассуна «At The Cenotaph» [5].

At The Cenotaph

I saw the Prince of Darkness, with his Staff,
Standing bare–headed by the Cenotaph:
Unostentatious and respectful, there
He stood, and offered up the following prayer.
‘Make them forget, O Lord, what this Memorial
Means; their discredited ideas revive;
Breed new belief that War is purgatorial
Proof of the pride and power of being alive;
Men’s biologic urge to readjust
The Map of Europe, Lord of Hosts, increase;
Lift up their hearts in large destructive lust;
And crown their heads with blind vindictive Peace.’
The Prince of Darkness to the Cenotaph
Bowed. As he walked away I heard him laugh.

Действительный замысел поэта раскрывается только после анализа ряда вопросов, возникающих у читателя при первом прочтении произведения. При этом следует учитывать разницу в культурном восприятии английского и русского читателя, так как данное произведение содержит культурно–исторические реалии.

Во–первых, читатель должен понимать, что такое кенотаф и о каком кенотафе идет речь в стихотворении З. Сассуна. Кенотаф представляет собой надгробный памятник, расположенный либо на месте гибели человека, либо в месте, которое не содержит останков покойного, и служит для увековечивания памяти об усопшем и выполнения поминальных ритуалов. Кенотафом называют и памятник Неизвестному солдату.

У английского реципиента в данном случае возникает четкая ассоциация с национальным памятником в Лондоне – Кенотафом, расположенным на улице Уайтхолл и посвященным погибшим в Первой мировой войне. У русского читателя такой ассоциации нет, поэтому ему необходимо либо

[4] Шульц Д., Шульц С. История современной психологии (A History of Modern Psychology). СПб. : Евразия, 2002. С. 126.

[5] Poems by Siegfried Sassoon http://www.poemhunter.com/poem/at–the–cenotaph/

обращаться к фоновым знаниям, либо эти знания приобретать. И в том, и в другом случае ассоциация должна выстраиваться аналитически. Этот принцип будет работать и далее при столкновении с другими образами, имеющими культурно–историческую подоплеку.

По ходу стихотворения мы понимаем, что З. Сассун описывает определенную церемонию, проводимую возле Кенотафа. И здесь появляются вопросы: какого рода церемония представлена нашему вниманию и кто участвует в ней?

В данном случае необходимо обратиться к английским традициям, связанным с памятником Неизвестному солдату. Каждый год 11 ноября в 11 часов утра – День памяти в Великобритании – королева Елизавета, принц Чарльз и другие члены королевской семьи совместно с лидерами политических партий проводят у Кенотафа в Лондоне церемонию поминовения погибших в мировых войнах солдат и возлагают к памятнику маковые венки. Церемония сопровождается короткой службой и завершается двумя минутами молчания. Первую мировую войну (1914–1918) в Великобритании называют Великой войной, так как она стала настоящим шоком для миллионов людей, участвовавших в ней и испытавших ее последствия. Войны подобного уровня, охватившей такое количество стран и унесшей огромное количество жизней, не было никогда. Поэтому Кенотаф, открытый королем Георгом V 7 ноября 1919 года, является для британского народа не просто символом памяти и славы, это – вечное напоминание о том, какую страшную кровавую цену заплатили семьи, страны и целые народы за политические амбиции власть предержащих. Это – и призыв к мирному и счастливому существованию людей без войны.

Трактовка истинного смысла лондонского Кенотафа заставляет нас задать следующий ключевой ряд вопросов:

● Почему церемонию у Кенотафа проводит Князь тьмы (Prince of Darkness)?

● Кто кроется за этим именем – дьявол, некий вымышленный образ или реальный исторический персонаж?

● Почему символика памятника Неизвестному солдату перевернута поэтом с точностью до наоборот?

Анализ вышеперечисленных позиций позволит читателю восстановить логическую подоплеку представленных З. Сассуном образов и понять истинный замысел автора.

Образ Князя тьмы сам по себе является воплощением сил зла. С одной стороны, прочтение стихотворения дает четкое представление, что церемонию у Кенотафа проводит сам дьявол в сопровождении своей свиты, так как он призывает к прославлению войны как истинной добродетели рода человеческого. Но тогда с какой целью З. Сассун вводит этот образ? Только ли затем, чтобы пойти от противного и вызвать у читателя негативные эмоции, гнев и желание говорить об ужасах войны и значении мира? Возможно. Однако З. Сассун закладывает в этот образ гораздо более глубокую идею. Стихотворение было написано в 1919 году – в год открытия Кенотафа Георгом V, провозгласившим, что долгом каждого британца является чтить память погибших солдат и знать, что их смерть была не напрасной.

Здесь необходимо понимать отношение самого З. Сассуна к происходившим событиям и правящим силам. Во–первых, личность короля была достаточно неоднозначной. Он правил Великобританией с 1910 по 1936 год. Георг V унаследовал английский трон в разгар конституционного кризиса, и во времена его правления монархия превратилась из института конституционной легитимности в оплот традиционных ценностей. Именно с Георга V английская королевская династия начала именоваться Виндзорской, так как король и члены британской королевской семьи отреклись от всех немецких титулов дома Сакса–Кобурга и Готы. Произошло это потому, что немецкий кайзер Вильгельм II, символизировавший для британского народа все ужасы Первой мировой войны, был двоюродным братом Георга V, а это было подобно родству с дьяволом. Это – первый намек на связи с силами зла.

Сам З. Сассун принадлежал к группе английских окопных поэтов. Он лично принимал участие в войне и первое время был ярым патриотом, храбрым солдатом и неотступным командиром,

носившим прозвище «сумасшедший Джек». З. Сассун был награжден «Военным крестом» за отвагу во время военных действий и борьбы с врагом. Однако ужасы «окопной реальности» и смерти близких друзей открыли ему глаза на истинного врага – позеров–политиканов и жадных до славы генералов. После этого З. Сассун выбросил все свои медали и награды в реку Мерси, а его поэзия приобрела резкий, злой и язвительный характер по отношению к напыщенности власть имущих. Поэт считал, что одной из главных потерь войны стала правда, которую он буквально швырял в лицо своему читателю. А она заключалась в том, что, по мнению З. Сассуна и значительной группы вернувшихся с фронта солдат, война намеренно и искусно продлевалась представителями власти, в частности Георгом V и его советниками, так как правители разных стран вели борьбу за передел «карты Европы». Об этом З. Сассун открыто заявил в июле 1917 года в своей «Декларации солдата», напечатанной газетой «Таймз». Таким образом, поэт не мог не обратить внимание людей на то, что открытие Кенотафа как символа увековечивания памяти павших в Первой мировой войне тем, кто сам эту войну продлевал и, значит, виновен в гибели тысяч людей, является откровенной насмешкой над британской нацией. Следовательно, образ Князя тьмы – это на сто процентов ассоциативно созданный образ, с четкой аллюзией на короля Георга V.

С данной точки зрения интересно трактуется и образ Бога. З. Сассун использует традиционное для англичан слово «Lord» – Господь Бог. При этом сарказм происходящего подчеркивается тем, что к Богу обращается дьявол.

В День памяти у Кенотафа произносятся следующие молитвы:

● «Господь, держи наши войска в своих любящих руках. Защити их, как они защищают нас. Благослови воинов и их семьи за бескорыстные деяния, которые они совершают во благо народа. Я прошу об этом во имя Иисуса, Господа и Спасителя нашего. Аминь».

● «Всесильный и бессмертный Боже. Когда Авраам оставил свою родную землю и свой народ, Ты оберегал его во время странствий. Защити этих солдат. Будь их вечным спутником, их силой в бою, их укрытием от всех бед. Веди их. О, Господь, возврати их домой в безопасности. Мы просим об этом во имя Господа Бога нашего».

Главная мысль заключается в просьбе к Богу оберегать воинов, сражающихся за свой народ, и на земле, и на небесах. В стихотворении же З. Сассун заменяет молитву о мире молитвой о войне. Сарказм усиливается за счет повторного обращения, но теперь уже не просто к Богу, а к Господу воинств/сил небесных – «Lord of Hosts». Князь тьмы просит у него о прославлении войны как очистительной силы, и силы небесные, призванные защищать мирное и спокойное существование человечества, должны перевернуть эту идею:

Breed new belief that War is purgatorial
Proof of the pride and power of being alive;
Men's biologic urge to readjust
The Map of Europe, Lord of Hosts, increase;
Lift up their hearts in large destructive lust;
And crown their heads with blind vindictive Peace.'

Из приведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что образы, созданные З. Сассуном, не могут правильно трактоваться читателем без интерпретации культурно–исторических событий, личностей, их роли в этих событиях и отношения автора ко всему вышеперечисленному, что и стало подоплекой создания данных образов. Мы в любом случае выстраиваем взаимосвязи между князем тьмы, Богом, памятником Неизвестному солдату и отношением к войне. Однако не расшифровав истинную логическую подоплеку образов и не проведя аналогии с реальными событиями, мы никогда не придем к идее о том, что стихотворение является своего рода манифестом, разоблачением и протестом против конкретной власти и ее действий.

Таким образом, мы видим, что поэтический образ многозначен. Он вовлекает читателя в процесс восприятия произведения и «дорисовывания» картинки. Однако этот процесс не должен яв-

ляться произвольным, так как читатель всегда получает от поэта определенный импульс в виде ассоциаций, аллюзий, ритмов, настроения, его личных переживаний и опыта, особенностей современной ему эпохи и культуры и т.д. Благодаря этому и простой читатель, и переводчик в своем предпереводческом анализе должны совместить личное восприятие образа с авторской идеей и проникнуть в суть постигаемого произведения.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов // под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20–е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989.—750 с.

2. Первая большая национальная мультимедийная энциклопедия «Кирилла и Мефодия» 1998–2010 – phttp://www.megabook.ru/Article.asp?AID=685255

3. Шульц, Д. История современной психологии [Текст] / Д. Шульц, С. Шульц // A History of Modern Psychology. – СПб. : Евразия, 2002. — 533 с.

4. Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / К.Г. Юнг – М., 1994. — 336 с.

5. Яковлев, Е.Г. Искусство и мировые религии / Система искусств в структуре мировых религий / Е. Г. Яковлев. М., Высшая школа, 1977 – 224 с.

6. Poems by Siegfried Sassoon – http://www.poemhunter.com/poem/at–the–cenotaph/

УДК 81`373.421
ББК 81.432.4
С 511

М.В. Смоленцева, канд. филол. наук
(МарГТУ, Йошкар–Ола)

Синонимический ряд эмоции «любовь» в немецком песенном дискурсе

В статье рассматриваются вопросы сходств и различий синонимического ряда номинанта концепта «любовь», представленного в лексикографических источниках немецкого языка, и отражение его в песенном дискурсе.

синонимический ряд, концепт, любовь, песенный дискурс

Синонимический ряд номинанта концепта Liebe в немецкоязычной лексикографии представлен следующими существительными (21 единица): *Anhänglichkeit, Amor, Eros, Freundschaft, Frucht der Liebe, Gnade, Huld, Leidenschaft, Liebelei, Liebesgefühl, Liebesverlangen, Minne, Pfand, Sinnlichkeit, Verliebtheit, Wohlgefallen, Wohlwollen, Wollust, Wonne, Zärtlichkeit, Zuneigung* [1], словарь синонимов «Das Woxikon–Synonym–Wörterbuch» дополняет синонимический ряд следующими синонимами: *Achtung, Anziehung, Bewunderung, Gefallen, Gefälligkeit, Gewogenheit, Gunst, Hang, Herzenswärme, Herzlichkeit, Hingabe, Hingebung, Hingezogenheit, Hinneigung, Innigkeit, Lust, Mitgefühl, Neigung, Passion, Pietät, Schätzung, Sympathie, Verbundenheit, Vergnügen* [2].

[1] Duden Sinn– und Sachverwandte Wörter: Synonymwörterbuch der deutschen Sprache / herausgeg. und bearb. von W. Müller. Nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung über arb. Neudr. 2 Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenwerk, 1997. S. 455–456 ; Synonymwörterbuch Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / herausgeg. von H. Görner, G. Kempcke. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1976. S. 376.

[2] URL: http://www. synonyme.woxikon.de/synonyme/liebe.php.

Лексема *Amor* заимствована из латинского языка и первоначально в древнеримской мифологии являлась именем Бога любви. Со временем слово amor перешло в разряд нарицательных и стало обозначать любовь: *«Das Thierlein thät ich fällen,/ Mit meiner Hand/ So gar in schneller Eile/ Ich es bald fand/ Löst auf ihrs Herzens Strick/ Amor hat uns geschossen/ Venus hat uns getroffen/ Mit Liebes–Aneblick»* («Животное погибло,/ От моей руки/ В такой быстрой спешке./ Как только я заметил,/ Что в сердце ослаблена бечевка,/ Нас настиг Амур,/ Встретила Венера/ Влюбленным взглядом»), *«Zum Schenktisch erwähl' ich/ das duftende Grün/ und Amor zum Schenken»* [3] («К стойке я выбрал/ благоухающую зелень/ и Амура к подарку»).

Синоним номинанта эмоционального концепта *Liebe – Achtung,* доминантным семантическим признаком которого согласно «Большому толковому словарю» является глубокое уважение, почтение («Hochschätzung, das Achten, Respektieren von jemandem/etwas = Respekt» [4]): *«Dein freu ich mich aus Herzensgrund/ der lieb Gott spar dich lang gesund/ halt dich in seiner Hut/ Allein gut Achtung auf dich gib»* [5] («Я радуюсь от всего сердца,/ Храни тебя Господь долгое время здоровым,/ Будь у него как за пазухой,/ Пусть будет у тебя уважение»).

Как и в русском языке, в немецком языке номинант концепта *Liebe* имеет в своем синонимическом ряду лексему *Leidenschaft*. Лексема *Leidenschaft* обозначает «сердечное состояние, в котором кто–то испытывает сильные чувства; сильную любовь, которую испытывают к кому–либо = желание; деятельность, которая очень нравится» («ein seelischer Zustand, in dem jemand starke Gefühle empfindet; die starke Liebe, die man für jemandem empfindet = Verlangen; die Tätigkeit, die man sehr interessant findet = Begeisterung» [6]): *«Nimmer mit kluger Leidenschaft»* («Никогда с рассудительной страстью»). В немецком песенном дискурсе была зафиксирована лексема *Leidenschaft* в сочетании с лексемой *Jugend*, что переводится как `страсть молодежи`: *«O Jugendkraft, o Burschenkraft/ voll Jugendleidenschaft»* [7] («О молодость, о юность/ полна страсти молодежи»).

Синонимичная лексема *Gnade* является специфической и характерной лишь для немецкого языка, поскольку обозначает любовь особого рода, имеющую особенную причину. Чувство, описываемое словом *Gnade*, вызывается не ощущением страсти (как во многих остальных случаях), а только лишь милостью, пощадой: *«Ich will dir gnädig sein/ .../ so bitt´ dir selbst die Gnade aus!»* («Я хочу быть благосконным к тебе/ …/ и просится сама пощада!») [там же].

Слово *Gnade* обозначает «милостивую любовь» («wohlwollende Liebe» [8]), которая встречается чаще всего в религиозном песенном дискурсе: *«Welches Gott zusamm verbunden,/ durch sein heilig´s Sakrament;/ Gnade hat´s darin gefunden,/ sich zu lieben bis ans End»* [9] («Тех, что Бог объединил,/ Своим священным таинством/ Милостивая любовь основана на том,/ Чтобы полюбить навсегда»).

Лексема *Huld* обозначает эмоцию *любовь* и употребляется преимущественно в религиозном песенном дискурсе. Она определяется как «склонность, расположение, благонамеренность господина к подчиненному» («Geneigtheit, Wohlwollen, Wohlgesinntheit des Herrn gegenüber dem Untergebenen. Wird oft im religiösen Sprachgebrauch verwendet.» [10]): *«Daß ich so selten komm zu dir/ .../ weil ich erworben hab dein Huld/ nichts mehr mich kränken soll»* [11] («Я прихожу к тебе редко/ …/ так как я заслужил твою благосклонность/ и ничто меня больше не должно обидеть»).

---

[3] URL:http://www.volksliederarchiv.de/ liebeslieder–10.html.

[4] Большой толковый словарь немецкого языка. Для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Groβwörter–buch Deutsch als Fremdsprache. M. : Март, 1998. С. 23.

[5] URL:http://www.volksliederarchiv.de/ liebeslieder–10.html.

[6] Большой толковый словарь ... С. 619.

[7] URL:http://www.ingeb.org/Lieder/ vonmirsc.html.

[8] Большой толковый словарь ... С. 421.

[9] URL: http://www.volksliederarchiv.de/ liebeslieder–10.html.

[10] Mackensen L. Deutsches Wörterbuch / L. Mackensen. Gondom : Lizenzausgabe für Gondom Verlag GmbH & Co. KG, Bindlach, 1991. S. 524.

[11] URL: http://www.volksliederarchiv.de/ liebeslieder–10.html.

Словом *Gunst* обозначается «дружелюбное, благосклонное чувство, предпочтение, расположение, доброжелательность, благоволение» («ein freundliches, wohlwollendes Gefühl, die Bevorzugung, das Wohlwollen, die Gewogenheit»), а также нередко, как показано в примере, «исполнение желания, просьбы, хорошую предрасположенность, состояние счастья» («die Erfüllung eines Wunsches, einer Bitte, eine gute Gelegenheit, ein glücklicher Umstand» [12]). Чувство, обозначаемое лексемой *Gunst*, сопровождается, по сведениям «Большого толкового словаря немецкого языка», состоянием счастья («das Glück») [там же]. То, что лексема *Gunst* действительно подразумевает состояние счастья, подтверждается также примерами из песенного дискурса: *«Gunst, die kehrt sich nach dem Glücke/ Geld und Reichtum, das zerstäubt;/ Schönheit lässt uns bald zurücke/ ein getreues Herze bleibt./ Mir ist wohl bei höchstem Schmerz/ denn ich weiss ein treues Herz»* [13] («Благосклонность, которая приходит за счастьем,/ Золото и богатство, которое разбрасывают;/ Красота остается у нас,/ Верное сердце остается./ Мне хорошо даже при сильной боли,/ так как я знаю верное сердце»).

По интенсивности чувство, описываемое словом *Lust*, которое обозначает «желание иметь что–либо, вожделение; желание что–либо сделать; радость и удовольствие, которое получают от какой–либо деятельности – удовлетворение; сильное желание секса – вожделение, страстное желание, стремление, наслаждение, сладострастие, похоть» («Wunsch, etwas zu haben = der Wunsch, das Verlangen nach etwas; der Wunsch, etwas zu tun; die Freude und Zufriedenheit, die man bei einer Tätigkeit bekommt = Gefallen, Vergnügen; der starke Wunsch nach Sex = Verlangen, Begierde, Wollust» [14]), превосходит эмоцию, описываемую номинантом концепта *Liebe: «Rufet zu allen mit Lust und mit Freud:/ »Danke Gott! Danke Gott!/ Der du mir geben die Zeit»»* [15] («Кричит всем сладострастно и радостно:/ Спасибо Господи! Спасибо Господи! Что ты мне дал время»), так как служит для выражения сильного физического желания. Причиной возникновения данного чувства является «желание, вожделение» («*der Wunsch, das Verlangen*» [16]): *«Er sprach: Du bist meins Herzen ein Lust,/ Du hast erfreuet das Herze mein,/ Verschwunden ist mir alle Pein»* [17] («Он сказал: Ты наслаждение моего сердца,/ Ты обрадовала мое сердце,/ Вся боль исчезла»).

Синоним номинанта концепта *Liebe – Sympathie* служит для обозначения чувства, которое испытывают, когда кого–либо любят, или кто–либо кому–либо приятен, а также его используют для того, чтобы показать свою благосклонность или расположение («das Gefühl, dass man jemanden gern hat oder dass einem jemand angenehm ist = Wohlwollen» [18]). Слово *Sympathie* в переводе с греческого обозначает «склонность, положительную реакцию чувств на человека, предметы или идеи, положительное отношение к какой–либо вещи или к человеку» («[griechisch] Zuneigung, positive Gefühlsreaktion gegenüber Personen, Dingen oder Ideen, positive Einstellung zu einer Sache oder Person» [19]). В песенном дискурсе это чувство обозначает нечто возвышенное, перед которым нужно преклоняться: *«Huldige der Sympathie./ Zu den Sternen leitet sie,/ Wo der Unbekannte thronet»* [20] («Почтенная симпатия/ Ведет к звездам,/ Где восседает незнакомец»).

Отличительной чертой слова *Wollust* является «сильное чувство сексуального характера» (*«ein sehr starkes Gefühl der (sexuellen) Lust»* [21]). Основываясь на существующих характеристиках («сильное чувство сексуального характера»), можно предположить, что чувство, описы-

---

[12] Большой толковый словарь ... С. 435.

[13] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[14] Большой толковый словарь ... С. 636.

[15] Deutsche Volkslieder / sost. A.A. Gugnin. M. : Verlag Raduga, 1983. S. 42.

[16] Большой толковый словарь... С. 636.

[17] Deutsche Volkslieder ... S. 54.

[18] Большой толковый словарь ... С. 965.

[19] Mackensen L. Deutsches Wörterbuch ... S. 1031.

[20] Deutsche Volkslieder ... S. 56.

[21] Большой толковый словарь... С. 1145.

ваемое *Wollust,* интенсивнее нейтрального *Liebe: «Herzlich tut mich erfreuen/ .../ Der Mai viel Wollust geit»* [22] («Сердечно радует меня/…/ Майское сладострастие»).

Как показывает компонентный анализ, эмоция, описываемая словом *Wohltat,* в своем содержании актуализирует семантические признаки, указывающие на причинность возникновения, на ощущения, сопровождающие переживание данного чувства, а не на продолжительность переживания или на последствия *Wohltat.* Данный синоним обозначает чувство, которое после какого–либо напряжения является очень приятным («das Gefühl, das man nach einer Anstrengung sehr angenehm empfindet» [23]). Следует отметить, что в песенном дискурсе часто встречается отглагольный дериват *wohlgetan: «Schenk meinem Buhln die Treue,/ Die mir die Liebste was,/ Und bitt, daβ sie mag kommen/ All an dem Fenster stahn,/ Empfangen den Mai mit Blumen,/ Er ist gar wohlgetan»* [24] («Подари моему парню верность,/ Которая для меня важна,/ И попроси, чтобы она пришла/ И встала у окна,/ Охватив май цветами,/ На него это действует благоприятно»).

Доминантным семантическим признаком лексемы *Vergnügen* по признанию лексикографических источников является чувство радости и удовлетворения, которое испытывают, когда переживают что–то приятное («das Gefühl der Freude und Zufriedenheit, das man empfindet, wenn man etwas Angenehmes tut oder erlebt» [25]). *Das Vergnügen обозначает чувство, возникающее как реакция на любовь: «mein Vergnügen, meine Freude/ meine Lust, mein alles ist/ daβ ich gerne mit ihr leide/ wenn ihr Aug´ in Tränen fließt»* [26] («мое удовольствие, моя радость/ мое наслаждение, мое все то,/ что заставляет меня страдать,/ когда на твоих глазах слезы»).

Wonne, являясь синонимом номинанта концепта *любовь*, определяется как состояние, в котором пребывают, чувствуя себя радостно и умиротворенно («ein Zustand, in dem man sehr glücklich und zufrieden ist» [27]). Лексема *Wonne* часто выступает в песенном дискурсе в комбинации с лексемой *Freude*: *«Die Maidlein wohlgetan;/ Spazieren zu den Brunnen/ Pflegt man in dieser Zeit,/ All Welt sucht Freud` und Wonne/ Mit Reisen fern und weit»* [28] («Девушки благосклонно,/ Прогуливаются к колодцу./ В это время нужно заботиться о том,/ Что весь мир ищет радости и блаженства,/ Путешествуя повсюду»).

Субстантивированный инфинитив *Sehnen*, в «Большом толковом словаре немецкого языка» имеющий дефиницию «сильно желать кого–либо или чего–либо, скучать по кому–либо или чему–либо» («den starken Wunsch nach jemandem/etwas haben, nach jemandem/etwas Sehnsucht haben») [29], является одним из самых интенсивных в синонимическом ряду слов, выражающих любовь и градуируемых по интенсивности: *«Kehrt doch mit dir/ meine Ruhe zurück,/ du all mein Sehnen/ du all mein Glück»* [30] («Вернись же ко мне/ Мой покой,/ Ты моя тоска,/ Ты все мое счастье»). Переживание данного чувства лишает человека покоя.

Особого внимания заслуживает дериват существительного Sehnen *Sehnsucht,* который обозначает сильное желание, чтобы кто–либо был рядом, или получить что–либо = тоску, вожделение («der sehr starke Wunsch, dass jemand da wäre oder dass man etwas becäme = Verlangen» [31]): *«die Seele durchzittert der Sehnsucht Weh:/ vorüber, verlorenen Stunden!»* [32] *(«Душа дрожит от боли, тоски:/ мимо проходят потерянные часы!»). Существительное Sehnsucht, имея в своей основе два корня Sehn («тоску») и Sucht («страсть, манию»), является по интенсивности, на наш взгляд, сильнее,*

---

[22] Deutsche Volkslieder... S. 52.

[23] Большой толковый словарь ... С. 1144.

[24] Deutsche Volkslieder... S. 51.

[25] Большой толковый словарь ... С. 1064 ; Mackensen, L. Deutsches Wцrterbuch... S. 1114.

[26] URL:http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[27] Большой толковый словарь... С. 1145.

[28] Deutsche Volkslieder ... S. 53.

[29] Большой толковый словарь ... С. 887.

[30] Deutsche Volkslieder... S. 78.

[31] Большой толковый словарь ... С. 887.

[32] URL: http://www.ingeb.org/Lieder

чем слово Liebe: «Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll,/ netzt' ihm den nackten Fuß;/ sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll,/ wie bei der Liebsten Gruß» [там же] («Вода журчала, вода пребывала/ намочила его босую ногу:/ Его сердце наполнилось тоской,/ как при прощании любимых»).

По своей интенсивности также выделяется лексема Wohlgefallen, которая обозначает «огромную радость, огромное удовольствие» («große Freude, großes Gefallen» [33]): *«Euch, die mir Wohlgefallen,/ Laß ich mir jetzt abmalen»* [34] («Вас, что для меня удовольствие, / мне остается только срисовать»).

Лексема Herzlichkeit в тезаурусе немецкого языка выступает синонимом номинанта концепта Liebe. Она выражает в основном переживание «дружеского или любовного чувства» («freudliches und liebevolles Gefühl» [35]): *«ein gleicher Geist, in Nord und Süd/ weckt Herzlichkeit, Vertrauen»* [36] («похожий дух пробуждает сердечность, доверие»).

Особой интенсивностью отличается синоним номинанта концепта Liebe Innigkeit, который в «Большом толковом словаре немецкого языка» имеет значение «глубокого, интенсивного чувства, огромного желания, сердечного желания» («ein tiefes, intensives Gefühl, größter Wunsch, Herzenswunsch» [37]). На основе этого определения можно предположить, что лексема Innigkeit является более интенсивным чувством, чем Liebe: «Dann öffnet sich des Herzens Tor so weit/ und Freundschaft sprießt hervor und Innigkeit/ und edle Mannestreu» [38] («Тогда раскроются ворота сердца так широко/ и дружба выявится и искренность/ и благородная мужская верность»).

В немецком любовном песенном дискурсе встречается лексема Minnesang [средневековое немецкое minnesang] – термин, введенный немецкими учеными в XVIII в. для обозначения немецкой средневековой рыцарской лирики как специфического явления стиля. Minnesang, согласно «Большому толковому словарю немецкого языка», означает песню любовного жанра, которая распевалась в XII–XIV веках при дворах князей и королей («die (Liebes) Lieder, die im 12–14. Jahrhundert an den Höfen der Fürsten und Könige gesungen wurden» [39]): *«Als kam die Zeit der Balze,/ Quoll ihm statt frohem Minnesang/ Die Scheiße aus dem Halse»* [40] («Как только пришло время токования,/ Просочилась у него вместо веселой любовной песни/ Грубость из его уст»).

Синонимом заглавной лексемы *Liebe* является лексема из ряда архаизмов *Minne.* В немецких лексикографических источниках *Minne* определяется как *любовь* («die Liebe» (altgespr.)) [41]: *«Ihr Freunde seid nicht zu befangen/ trifft Euch der Minne Herzensnot»* [42] («Друзья не смущайтесь,/ Настигнет вас любви сердечная нужда»), *«Ein Minnen ohne Gotteslieb`,/ Das ist ohn` Duft ein Fliederstrauch ,/ Das ist ein Baum ohne Blättertrieb,/ Ein Frühling ohne Klang und Hauch./ Das ist ohn` Perlengrund ein See,/ Ein Sommerhimmel, sternenleer»* («Любовь без божественной любви,/ Букет сирени без запаха,/ Весна без звона и дуновений./ Море без жемчужного дна,/ Летнее небо без звезд»), *«Die Minne hat der Wunder viel!»* [43] («Любовь полна чудес!»). По интенсивности чувство, описываемое словом *Minne,* является таким же, как и лексема *Liebe*, с той лишь разницей, что *Minne* относится к разряду устаревших слов и в современном немецком языке почти не употребляется.

Большей интенсивностью отличается синоним доминантной лексемы *Liebe Neigung,* который определяется как «сильный интерес к чему–нибудь, пристрастие» («ein starkes Interesse für etwas =

---

[33] Большой толковый словарь ... С. 1143.

[34] URL:http://www.ingeb.org/Lieder

[35] Большой толковый словарь ... С. 476.

[36] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[37] Большой толковый словарь ... С. 516.

[38] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[39] Большой толковый словарь ... С. 666.

[40] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[41] Большой толковый словарь ... С. 719.

[42] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[43] Dorenwell K. Deutsches Liebesleben in Lieb und Spruch. Ein Buch fürs deutsche Haus / K. Dorenwell. – Stuttgart: Griener&Pfeiffer, 1900. S. 84, 104.

Vorliebe» [44]). В данном примере положительная эмоция *Neigung* употребляется в сочетании с глаголом, имеющим отрицательный оттенок, *verachten* `презирать`: *«Verachte stets den bösen Zwang,/ erwecke Neigung;/ du wirst am besten nur durch Überzeugung»* [45] («Презирай всегда злое принуждение,/ Проснувшуюся склонность,/ Ты будешь самым лучшим, только доказав это»).

Семантический признак интенсивности присутствует в синониме *Schätzung* и трактуется в «Большом толковом словаре немецкого языка», как любить кого–либо или что–либо («jemanden/etwas man sehr gern hat» [46]): *«Er setzte wohl fünfzehntausend Mark an/ zu einer kleinen Schätzung»* [47](«Он принес 15 000 марок/ как небольшое уважение»).

Сема «сильное чувство любви, связанное с желанием показать это чувство; поцелуи, объятия» («ein starkes Gefühl der Liebe, verbunden mit dem Wunsch, dieses Gefühl zu zeigen; Küsse, Umarmung» [48]) обнаружена у слова *Zärtlichkeit*. Данная лексема отличается высокой степенью интенсивности по сравнению с лексемой *Liebe*: *«Ich setzte mich an ihre Seit`,/ da war sie voller Zärtlichkeit,/ Ich drückte sie an meinen Mund,/ da war geschlossen unser Bund»* [49] («Я к ней приблизился,/ она была полна ласки./ Я прижался к ее губам,/ так был скреплен наш союз»).

В качестве глагольных синонимов *lieben* выступают глаголы *gefallen, mögen, gern haben, geschlechtlich verkehren, Liebe für jemanden oder etwas empfinden,bevorzugen, nötig haben* [50].

Глагол *gefallen* в лексикографических источниках определяется как «действие, когда кто–либо радуется кому–либо или находит это прекрасным» («so sein, dass sich jemand anderer darüber freut oder es schön findet» [51]). Часто, употребляя глагол *gefallen*, субъект, переживающий эмоцию, обозначает свое чувство любви к кому–либо или чему–либо (ср. в рус. яз. *нравиться*)*: «Es blühn die Blumen auf dem Feld, sie blühen blau, weiß, rot und gelb, so wie es meinem Schatz gefällt»* [52] («Цветут цветы на поле, они цветут голубыми, белыми, красными и желтыми цветами, как нравится моей драгоценной»).

Синонимом глагола *lieben* является лексема *mögen,* которая имеет значение «находить очень милым и приятным, любить» («sehr nett und angenehm finden = gern haben; gut finden = gern haben, lieben» [53]). В песне «Allgemeines Deutsches Kommersbuch» воспевается любовь к женщинам: «Nur am Rheine will ich leben/ …/ Mögen tausend schöne Frauen/ locken auch mit ihrer Pracht» [54] («Только на Рейне я хочу жить/ …/ Любить тысячу прекрасных женщин,/ привлекающих также своей роскошью».

Выделенные семантические признаки номинантов лингвоконцепта *Liebe* в результате анализа лексикографических источников и немецкого песенного дискурса можно обобщить следующим образом:

1. Среди выделенных семантических признаков обнаруживаются инвариантные семантические признаки: «das Gefühl», «Reaktion zur Liebe». Перечисленные семы входят в состав значения каждого слова, составляющего синонимический ряд номинанта концепта *Liebe*.

---

[44] Большой толковый словарь... С. 703.

[45] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[46] Большой толковый словарь... С. 843.

[47] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[48] Большой толковый словарь... С. 1154.

[49] URL:http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

[50] Duden, Sinn– und Sachverwandte Wörter: Synonymwörterbuch der deutschen Sprache / herausgeg. und bearb. von W. Müller. – Nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung über arb. Neudr. 2 Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenwerk, 1997. – S. 455–456 ; Synonymwörterbuch Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / herausgeg. von H. Görner, G. Kempcke. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. – S. 376.

[51] Большой толковый словарь... С. 382.

[52] Deutsche Volkslieder ... S. 48.

[53] Большой толковый словарь... С. 674.

[54] URL: http://www.volksliederarchiv.de/liebeslieder–10.html.

2. Семантические признаки «причинность возникновения», «продолжительность переживания эмоции», «интенсивность переживания» зафиксированы в значениях ряда лексем и потому могут выступать в качестве основания для градации лексических единиц, образующих лингвоконцепт *Liebe*.

По признаку причинности возникновения эмоции *любовь* все синонимы *Liebe* делятся на следующие типы: 1) физическое, сексуальное или душевное желание (Leidenschaft, Lust, Wollust, Sehnen, Sehnsucht, Innigkeit, Zärtlichkeit, Herzlichkeit); 2) склонность (Huld, Gunst, Sympathie, Neigung); 3) интерес, симпатия (Schätzung, Vorliebe); 4) радость и умиротворение (Wohltat, Vergnügen, Wonne, Wohlgefallen); 5) уважение (Achtung).

По критерию протекания во времени эмоции бывают кратковременные и продолжительные. Соответственно синонимы, обозначающие эмоцию *любовь*, подразделяются на две группы. *Wollust,* как правило, всегда обозначает непродолжительное, мимолетное чувство любви. Остальные синонимы (*Amor, Achtung, Leidenschaft, Gnade* и др.) занимают промежуточное положение, поскольку могут обозначать и кратковременное/актуальное переживание, вызванное внезапной любовью, и продолжительное состояние человека, обусловливаемое определенными факторами.

По признаку «интенсивность переживания» противопоставляются Huld, Achtung, Sympathie, Wohltat, Vergnügen, Wonne как имена менее интенсивных эмоций, и Lust, Leidenschaft, Wollust, Sehnen, Sehnsucht, Innigkeit, Zärtlichkeit – имена интенсивных переживаний любви, сопровождающиеся потерей самокон–троля, ощущения реальности происходящего. Из перечисленных слов Wollust обозначает наивысшую степень интенсивности переживания, обозначаемого общим словом Liebe, а Wonne – наименьшую степень. Согласно данным толковых словарей и контекстуальному окружению, данные лексемы можно представить схематично на шкале градаций синонимического ряда номинантов концепта любовь (см. схему 1).

Схема 1

Сильно			Средне					Слабо
Wollust	Leidenschaft Zärtlichkeit Sehnen Sehnsucht	Lust, Innigkeit	Neigung	Amor Minne	Wohltat Vergnügen Wohlgefallen	Sympathie	Gnade Huld Gunst	Achtung	Wonne

3. Семантические признаки, подходящие под дефиницию «эмоции, сопровождающие переживание любви», «характер протекания», представляют собой смыслоразличительные признаки, позволяющие говорить о специфике осмысления лингвоконцепта Liebe немецким языковым сознанием и отражении этой специфики в языке. Смысловые признаки «das Gefühl», «positiv», «Reaktion zur Liebe» составляют ядро каждой анализируемой лексемы. Если их обозначить лексемой Liebe, то схематично значение каждого синонима выглядит следующим образом: Achtung = Liebe + Respekt `уважение`; Leidenschaft = starke Liebe + Verlangen `вожделение`; Gnade = Liebe + Wohlwollen `расположение, благосклонность`; Huld = Liebe + Geneigtheit, Wohlwollen `склонность, расположение, благосклонность`; Gunst = Liebe + Bevorzugung, das Wohlwollen `предпочтение, расположение, благосклонность`; Lust = Liebe + starker Wunsch nach Sex `сильное желание секса`; Sympathie = Liebe + Wohlwollen `расположение, благосклонность`; Wollust = Liebe + Sexlust `желание секса`; Wohltat = Liebe + Vergnügen `удовольствие`; Vergnügen = Liebe + Freude `радость` + Zufriedenheit `удовлетворение, довольство`; Wonne = Liebe + Glück `счастье` + Zufriedenheit `удовлетворение, довольство`; Sehnen = Liebe + Wunsch nach jemandem/etwas `желание кого–либо/ чего–либо`; Sehnsucht = Liebe + Verlangen `вожделение`; Wohlgefallen = Liebe + groβe Freude `большая радость`; Herzlichkeit = Liebe + Freundlichkeit `радушие`; Innigkeit = Liebe + Herzenswunsch `сердечное желание`; Neigung = Liebe + Vorliebe `пристрастие`; Schätzung = Liebe + Gefallen `любезность, удовольствие`; Zärtlichkeit = Liebe + Küsse, Umarmung `поцелуи, объятия`.

Полноправными синонимами любви в немецком песенном дискурсе являются Amor, Gnade, Minne.

Особый интерес представляют лексемы Eros `любовь`, Zuneigung `склонность`, Verliebtheit `влюбленность`, Liebesverlangen `любовное желание`, Sinnlichkeit `чувствительность`, Frucht der Liebe `плод любви`, Anhänglichkeit `привязанность`, Anziehung `притяжение`, Bewunderung `восхищение`, Liebelei (gehob.) `любовь`, Gefallen `удовольствие`, Gefälligkeit `любезность`, Gewogenheit `благосклонность`, Hang `склонность`, Herzenswärme `сердечность`, Hingabe `увлечение`, Hingebung `преданность`, Hingezogenheit `увлечение`, Hinneigung `склонность, симпатия`, Liebesgefühl `чувство любви`, Mitgefühl `симпатия, сочувствие`, Passion `страсть`, Pietät `уважение, почтение`, Verbundenheit `союз`, Wohlwollen `благосклонность, расположение`, дополняющие синонимический ряд эмоции Liebe, которые не зафиксированы в исследуемом нами немецком песенном дискурсе.

Список использованной литературы

1. Deutsche Volkslieder / sost. A.A. Gugnin. – M. : Verlag Raduga, 1983. – 480 s.
2. Dorenwell, K. Deutsches Liebesleben in Lieb und Spruch. Ein Buch fürs deutsche Haus / K. Dorenwell. – Stuttgart : Griener&Pfeiffer, 1900. – 483 s.
3. Mackensen, L. Deutsches Wörterbuch / L. Mackensen. – Gondom : Lizenzausgabe für Gondom Verlag GmbH & Co. KG, Bindlach, 1991. – 1219 s.
4. URL: http://www.ingeb.org/Lieder/ vonmirsc.html
5. URL: http://www. synonyme.woxikon.de/synonyme/liebe.php
6. URL: http://www.volksliederarchiv.de/ liebeslieder–10.html

Список использованной справочной литературы

1. Большой толковый словарь немецкого языка. Для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Groβwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – M. : Март, 1998. – 1248 с.
2. Duden, Sinn– und Sachverwandte Wörter: Synonymwörterbuch der deutschen Sprache / herausgeg. und bearb. von W. Müller. – Nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung über arb. Neudr. 2 Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenwerk, 1997. – 858 s.
3. Synonymwörterbuch Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / herausgeg. von H. Görner, G. Kempcke. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. – 643 s.

Раздел III

Системный анализ языковых и лингвокультурных единиц

УДК 81’373.6
ББК 81.432.4
К 231

Р.Х. Каримова, канд. филол. наук
(Стерлитамакская пед.академия)

К вопросу о содержании слова *«faul»* в немецком языке

В статье описываются результаты когнитивного исследования концепта «труд» на материале немецкого языка. К исследованию привлекались данные одноязычных словарей немецкого языка, этимологического словаря немецкого языка, фразеологических и диалектных словарей современного немецкого языка. Исследованию подвергались лексемы и фразеологизмы, указывающие на отрицательное отношение к труду. Для анализа также привлекались лексемы, относящиеся к ненормативной лексике. Для сравнения приводятся русские пословицы.

концепт, концептуальный признак, дериваты, композиты, фразеологизм, пословица, зоонимы, объективация, вербализация

Интенсивные исследования культурных концептов в современной лин–гвистике включают многочисленные аспекты изучения значений слов, представляющихся ключевыми в изучении и описании познавательного опыта человека. Исследуемый нами концепт «труд» представляется многоуровневым и многослойным, так как включает несколько когнитивных слоев. Труд всегда был основой жизни развития общества, следовательно, профессиональная речь была и остается одним из активных источников обогащения словарного состава языка. Наиболее ярко данная лексика представлена в лексемах с от–рицательной оценкой труда, поскольку трудолюбие было нормой, а лень осуждалась в сознании любого народа. Целью нашей статьи является попытка описания имен лиц, свойств и предикатов, объективирующих отношение к труду на материале немецкого языка.

Многочисленность номинаций, характеризующих отношение человека к труду, объясняется свойством живой народной речи реагировать на любое явление, отклоняющееся от нормы.

Отметим, что первоначально слово faul имело значение «гнилой, испорченный», а производное от него Faulheit– состояние испортившихся фруктов, растений, гниение некоторых животных. Современное faul (ahd. mhd.fül) – общегерманское слово (ср. англ. «foul») имеет индоевропейскую основу (ср. lat.pus, греч. pyon «eiter», лат. putere, faulen, stinken). Одно из значений употреблялось в качестве сильного выражения, равнозначного прилагательному träge , в отношении органа, не способного выполнять свою функцию, отсюда Faulbett, Faulpelz. Впоследствии от прилагательного faul образовался глагол faulenzen с суффиксом –ezen, ostmd. –en, mhd.vulezen «faulig schmecken», с XVI века приобретает значение «träge sein». На значение бездействия имплицитно указывает лексема «Faulbett» – «кушетка» [1].

[1] Paul H. Deutsches Wörterbuch von H. Paul. Achte Auflage. Bearb. von Alfred Schirmer VEB MAX Niemeyer. Verlag Haale (Saale). 1961. S. 184.

В разговорной речи производное Faulheit в значении «лень» часто сочетается с понятием Müßiggang – «праздность». Слово müßig производно от существительного Muße со значением «досуг, свободное время». Прилагательное müßig со значением «праздный, бездеятельный» вошло в состав фразеологических сочетаний: ein müßiges Leben führen. Поскольку содержание любого концепта реализуется в разных номинативных реализациях, рассмотрим имена деятелей, характеризующих отрицательное отношение человека к труду.

Анализ различных лексикографических источников современного немецкого языка позволил выявить следующий ряд лексем, большинство которых имеет разговорную окраску (доминантой ряда является слово Faulen–zer): Faulenzer– Nichtstuer, Bummelant, Müßiggänger, Flaneur, Bummler, Drückeberger, Bärenhäuter, Daumdreher, Tagedieb, Eckensteher, Drohne, Flohner, Taugenichts, Phlegmatiker, Schmarotzer, Playboy, Schlaraffe, Nichtsnutz, Faultier, Faulsack, Faulpelz, Lotterbube, Liederer, Nassauer. Представленные имена деятелей с отрицательной коннотацией можно распределить по следующим словообразовательным моделям: дефразеологические дериваты, композиты, производные слова, корневые слова, а также ряд субстантивов с полусуффиксами.

К дефразеологическим дериватам в анализируемой группе лексических единиц относятся: Müßiggänger (от müßig gehen), Bärenhäuter (от auf der Bärenhaut liegen), Daumendreher (ср. Daumen drehen), Tagedieb (ср. dem lieben Gott einen Tag stehlen), Nichtstuer (ср. nichts tun), Eckensteher (ср. an der Ecke stehen). Как отмечает В. Флейшер, под фразеологической деривацией может пониматься возможность создания словообразовательных конструкций на базе устойчивых сочетаний, в результате которой компоненты фразеологических единиц могут стать компонентами сложного и производного слова [2].

По мнению исследователей, «дефразеологическая деривация может сопровождаться некоторыми суффиксами; в результате этого процесса образуются имена деятеля с подкатегориями «производитель действия» и «исполнитель действия», ср. имена деятеля с суффиксом –er: Bärenhäuter, Müßiggänger, Ofensitzer, Pflastentreter, Zeittotschläger [3].

Синонимичным субстантиву Müßiggänger нам представляется существительное Gassenhauer, известное с XVI века в значении Bummler, Pflastentreter (отметим, что hauen употреблялось ранее в значении lauf, отсюда также Gassenläufer). Последний субстантив обозначал праздношатающегося гуляку, а также исполняемую им песню [4].

Среди сложных слов анализируемого синонимического ряда встречаем слова, относимые к сращениям (ср. нем. Zusammenrückung): ср. нем Taugenichts. Сюда же примыкает группа субстантивов с деантропонимическими суффиксами, ср. Trödelfritze, Trödelbuxe, Drückeberger, Bummelfritze, Bummelliese, Bummelheini, Nolsüse, Nolpeter, Nolliese. Так, в субстантивах Trödelfritze, Trödelbuxe, Drückeberger полусуффикс –fritze служит для обозначения лиц, обладающих отрицательными качествами с оттенком иронии, осуждения; полусуффикс –berger служит для обозначения лиц, обладающих определенными качествами при основах глаголов и прилагательных. К этой же группе отнесем субстантивы, образованные от основы глаголов, обозначающих поведение человека, ср. Bummelstefen, Bummelfritze, Bummelheini, Nolsüse, Nolliese. Перечисленные сложные существительные объективируют концептуальный признак «медлительность, копотливость». Дополняют базовый слой концепта имена деятеля, относящиеся к сложным словам: Lumpenkerl (бездельник, негодяй), Faultier (бран. лентяй, лежебока, лодырь), Lotterbube (устар. лодырь, бездельник), Faulpelz (разг. лентяй, лежебока, лодырь), Nichtsnutz (разг. бездельник, тунеядец, лентяй). Интересным представляется компонент Lotter– в составе субстантива Lotterbube (ср. также Lotterbett). Согласно

---

[2] Fleischer W. Phraseologische Derivation – LAB 26, Leipzig, 1980 ; Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982. S. 189.

[3] Гатауллин Р.Г. К проблеме фразеологической и дефразеологической деривации // Germanica. Slavica. Turkica : сб. науч. статей. К 60–летию Р.З. Мурясова. Изд–во Башкир. ун–та. Уфа, 200. С. 13.

[4] Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen.Berlin. München–Wien–Zürich–N.Y. Neubearbeitung. Auflage 5. 2002. S. 76.

данным словаря Г. Пауля, Lotterbett в древневерхненемецком имело значение «Sofa», которое впоследствии было переосмыслено. Существительное Lotterbett обозначало «бродягу, лицо без определенных занятий». К нему примыкает существительное Lotterbube, производное от lottern со значением «bummeln, nachlässig sein». На севере Германии используется форма Lodderbube, loddern, lodderig (пер. наш – Р.К.) [5].

Рассмотрим этимологию субстантива Schlaraffe – рнвн. Schlaraffe = свн. sluraffe образовано от salur «Faulenzer» – «лентяй» (ср. Schlaudern), в XVI веке slü(de)raffe–üppiger Müßiggänger (Duden 1997 :202).Согласно произведению Г. Закса (H. Sachs), Schlaraffenland (от свн. Sluraff=Faulenzer) означало «Land der faulen Affen», страна с молочными реками и кисельными берегами, страна лентяев, которые, лежа под деревом, ждали, когда готовая пища сама придет к ним. Субстантив Erzbummler, обозначающий неисправимого прогульщика, относится к суффиксально–префиксальной модели, префикс Erz– придает существительным усилительное значение и служит для обозначения лиц с отрицательными качествами. Дополняют описание содержания концепта имена лиц и ФЕ с отрицательной коннотацией, подобранных нами из словарей жаргона и территориально–окрашенных лексем немецкого языка, ср. Schlurpf (австр.) – «тунеядец, лодырь, дармоед», faule Wanze, Faker–Simulant – «лентяй».

Рассмотрим имена свойств. Синонимические словари позволили выявить следующий ряд прилагательных со значением «faul»: faulenzerisch, bequem, erzfaul, faul wie Sünde (разг.), stinkend faul, stinkfaul (груб.); arbeitsscheu, untätig, müßig, träge, müßgängerisch. Прилагательное müßgängerisch является производным от устойчивого фразеологического сочетания müßig gehen со значением «предаваться безделью, бездельничать».

К частотным признакам, объективирующим концепт «труд» в немецком языке относится установка: «недостойно человека работать плохо, кое–как, халтурно», ср. Hudeler, Hudelbube (разг.), Schlamper (ю.–нем.), Pfuscher (разг.), Huschelpeter (разг.), Krauterer (швейц.), Murkser (разг.), Stümper (разг.), ФЕ: Herr Tunichtgut, ein unnützer Brotesser.

Следует отметить, что в средневековой Германии предъявлялись высокие требования к ремесленникам (особенно со стороны мастеров цеха и гильдии). Это привело к появлению в немецком языке целого ряда глаголов и образованных от них существительных, обозначающих небрежное отношение к труду. Так, глаголы, указывающие своим значением на бесплановую и небрежную работу, выстраиваются в синонимический ряд: faseln, hudeln, huscheln, huschen, pfuschen, schludern, schusseln; в южной части Германии и Австрии.

Глаголы patzen и klecksen, в Швейцарии – haudern, в бывшей Шлезии – prudeln, в северной Германии – pudeln. Глагол pudeln происходит от игры в кегли, где словом Pudel называли промах в игре, при котором шар останавливался на кегельбане. В связи с этим «промах, погрешность, ляпсус» (наряду с лексемой Pudel) называют также словами Schnitzer, Patzer, Fasel, что относится и к ошибкам в школьных работах.

Из языка ремесленников происходят и онимы Pfuscher, Stümper, Stör, Boehnhase.

Глагол pfuschen и фразеологизм Pfuscharbeit leisten означает выполнять работу небрежно, работать вне своего цеха. Глагол pfuschen зарегистрирован с 1572 г. в Бреслау. Оним Pfuscher в значении «халтурщик» указывало на работу, выполняемую без разрешения мастера. Во времена строгих требований к рабочим цехов и гильдий слово Pfuscher считалось ругательным словом в отношении работников, которые втайне от мастеров и без их разрешения выполняли мелкие работы. Работа, выполненная в спешке, тайно, не соответствовала строгим требованиям мастеров и поэтому считалась испорченной. Слово Boehnhase содержит в своем значении воспоминания о цеховой организации труда. За теми, кто занимался каким–либо ремеслом, не имея прав мастера, недоверчиво наблюдали, таких людей преследовали. В северо–немецком диалекте сохранились юмористические обозначения таких халтурных ремесленников: Dachhase – плотник, работающий вне цеха; Sülfmeister – подмастерье, который выдавал себя за мастера; Stümper – ремесленник, обу-

[5] Paul H. Deutsches ... S. 382.

чавшийся ремеслу вне цеха, работавший плохими инструментами и потому выполнявший работу несовершенно.

Таких работников наказывали денежными штрафами, угрожали лишить работы и инструмента, большей частью по причине низких цен за свою продукцию.

В словарях современного немецкого языка и словарях молодежного жаргона были обнаружены следующие глаголы, вербализующие концептуальный признак «бездельничать, предаваться безделью»: ср. нем. Eiern, flauten, rumcoolen, krüppeln в значении «trödeln», gammeln, abschlaffen, relaxen, berbern, rumhängen, schimmeln, verdröseln (ср. русск. давить халяву), idlen (от англ. отадъективной основы idle), dammeln (сев. нем. шланговать), ФЕ: keinen Bock haben – о нежелании делать что–либо. Интересным представляется образованный путем конверсии глагол faulen (отадъективная основа faul). Среди имен лиц, обозначающих нежелающего работать человека, встречаются, кроме уже вышеназванных, субстантивы: Krücke, Null–Bocker, Nichtskönner, Blaumacher, Lausbube, Lausbengel, Lausjunge, Lauskerl (от нем. Laus – вошь), Pfeife – неаккуратный, рассеянный, лентяй.

Концептуальный признак «предаваться безделью, бездельничать» вербализуется также во ФЕ и пословицах, ср. нем.: die Beine hochlegen, einen Lenz machen, fleißig zuschauen, Kiebitze hüten, Mäuse schwänzen, den lieben Gott einen guten Mann sein lassen, sich die Sonne auf den Bauch scheinen lassen, sich auf die faule Haut legen. Отметим, что в одном из фразеологизмов используется южно–немецкое Lenz в значении «лень».

Описание откровенного безделья осуществляется в немецком языке посредством следующих ситуаций: etw. aus dem Ärmel schütteln (букв. вытряхивать что–либо из рукава), den Handwurst spielen (валять дурака), ein faulen Schelm im Rücken haben, auf dem Lotterbett liegen, faules Fleisch tragen (шутл. бездельничать), dem Herrgott den Tag stehlen, blauen Montag machen.

Данный признак вербализуется в немецком языке целым рядом фразеологизмов, которые в основном представлены стереотипными позами, указывающими на отсутствие деятельности, ср. нем. keinen Finger krumm machen, keinen Finger rühren, die Beine unter den Tisch stecken, die Daumen drehen, auf den Händen sitzen, die Hände in die Taschen stecken, die Hände in den Schoß legen, auf dem Rücken liegen. В образном основании перечисленных идиом прочитываются сходные с русскими идиомами позы, ср. русск. не пошевелить и пальцем, держать руки в карманах, сидеть сложа руки, лежать на спине.

Рассмотрим номинативную плотность наиболее частотных признаков концепта « труд» на материале пословиц (для сравнения приведем русские пословицы).

1. Концептуальный признак «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью» вербализуется в следующих ФЕ и пословицах: ср. русск. В дождь избы не кроют, а ведро и само не каплет; нем. Schnee im Ofen backen, Wasser in den Rhein tragen, den Bock melken.

2. «Предаваться безделью, бездельничать»: русск. Просил осетр дождя, на поле лежа; Ленивому Микишке все не до книжки; Урвал веку, на печи лежа; За обедом соловей, а после обеда воробей; нем. Ein schlafender Fuchs fängt kein Huhn, ein Wolf im Schlaf fängt nie ein Schaf.

3. «Работать кое–как, небрежно»: русск. мельник не бездельник; хоть дела нет, а топор из рук не идет; худой кляче и хвост в тягость; нем. Hans Ungeschick hat selten Glück, Je schwerer die Kunst, je mehr Pfuscher.

4. «Пользоваться результатами чужого труда»: русск. Ипат наделал лопат, а Федос продавать повез; Делателю полтина, а нарядчику рубль; Дешева рыба на чужом блюде; нем. Auf fremder Weide ist immer das fetteste Vieh, aus fremder Haut ist gut Riemen schneiden, der eine hat Mühe, der andere die Brühe, vom fremdem Schweiß riecht niemand.

В сборнике пословиц Карла Симрока нами были обнаружены пословицы, в которых прилагательное faul подвергается субстантивации или противопоставляется прилежному человеку. Ср. нем. Der Faule trägt, der Fleißige läuft sich zu Tode, Faule haben allzeit Feiertage, Dem Faulen wächst das Seine unter den Stauden (ср. Staude – куст), Der Faule sucht einen Herrn, der ihm in der Woche sieben Feiertage gibt, faul в качестве определения и в превосходной степени, ср. нем. Der faulsten

Sau gehört der dickste Dreck, faule Leute haben faule Anschläge, разг. Faulpelz: Dem Faulpelz geht die Arbeit von der Hand wie das Pech von der Wand и др.

Лексемы, объективирующие названные признаки, отражают идиоэтническую специфику концепта. В отобранном нами эмпирическом материале наиболее частотными являются зоонимы: Huhn, Fuchs, Bock, козел, соловей, осетр, воробей; устаревшие слова и формы: ведро, лежа, делатель, нарядчик; онимы: Ипат, Микишка, Федос, Hans; обозначения профессий и инструментов: мельник, лопата, коса; слова, указывающие на явления, сопровождающие тяжелый физический труд: пот – Schweiß, Fleiß, Geduld.

Применив разработанную Л.О. Чернейко методику определения гештальтов абстрактных имен, можно выделить в составе концепта «труд» следующие гештальтные образования:

● Персонификация – «учитель, кормилец»: Дело не малина, в лето не опадет; Работа не медведь: дает и поглядеть; нем. Die Arbeit ist kein Falke, fliegt nicht in den Wald, das Werk lobt den Meister, die Arbeit ist des Lebens Würzel.

● «Овеществление» – «палка, гортань, дрова, растения»: русск. Без работы и печь холодна; Гортань приемлет всего лета труд; Морошка любит ножки, а грибки любят глазки; соматизмы: нем. Des Herrn Auge macht das Vieh fett; названия отрезков дня: der Morgen sorgt, der Abend verzehrt.

Как мы видим, исследуемый нами концепт является одним их ключевых в раскрытии картины мира, поскольку включает несколько когнитивных слоев. Выявленные концептуальные признаки в виде ценностных установок могут, на наш взгляд, составить культурный сценарий концепта «труд», базовый слой которого представляется нам сходным в плане содержания во многих языках.

Подводя итог проведенному исследованию, можем предположить, что культурный сценарий концепта «Труд» может включать следующие ценностные установки:

● Следует работать добросовестно.

● Нельзя относиться к работе небрежно.

● Лень повсеместно осуждается.

● Любую работу следует делать вовремя.

● Не следует заниматься бесполезной работой, имитируя деятельность.

Количество установок не является конечным, поскольку исследования продолжаются с привлечением материала из фольклора, афоризмов, крылатых слов и других языковых репрезентаций концепта.

Список использованной литературы

1. Гатауллин, Р.Г. К проблеме фразеологической и дефразеологической деривации // Germanica. Slavica. Turkica: сб. науч. статей. К 60-летию Р.З. Мурясова / Изд-во Башкир. ун–та. –Уфа, 2000. – С. 5–17.

2. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактных имен. – М., 1997.

3. Fleischer W. Phraseologische Derivation // Linguistische Arbeitsberichte, 26, Leipzig, 1980, S. 51–57.

4. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1982.

5. Вальтер, Х. Большой русско–немецкий словарь жаргона и просторечий [Текст] / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 832 с.

6. Коломиец, Е.А. Русско–немецкий словарь современного молодежного жаргона: около 2000 слов и выражений / Е.А.Коломиец. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2005. – 326, 10 с.

7. Немецко–русский фразеологический словарь / сост. Л.Э. Бинович; отв. ред. Н.С. Чемоданов. – М. : Гос. изд–во ин. и нац. словарей. – М., – 1956. – 904 с.

8. Словарь словообразовательных элементов современного немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; под рук. М.Д. Степановой. – М. : Рус. яз., 1979. – 536 с.

9. Старая пословица не даром молвится. – Спб. : Авалонь, Азбука–классика, 2007. – 320 с.

10. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache, bearbeitet von Drosdowski. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. – Dudenverlag. – 1997.

11. Seibicke. Duden.Wie sagt man anderswo? Landschaftliche Unterschiede. Mannheim, Wien. – 1983.

12. Ehrmann, H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache–Verlag C.H. Beck. München, – 2005. – 179 s.

13. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Das einsprachige Wörterbuch für alle, die Deutsch lernen .In der neuen Rechtsschreibung. Herausgeber Pr. Dr. Dieter Götz. Pr. Dr. Günther Haensch. Pr. Dr. Hans Wellmann. Langenscheidt. Berlin. München.Wien. Zürich. – N.Y. Neuarbeitung. Auflage 5. – 2002. – 1216 s.

14. Pons. Kompaktwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Bearb. von Dr. Susanne Balhor, Dr. Andreas Cuffka, Lydia Quans, Ulrich Saßmann. ß–Auflage 2995.

15. Deutsches Wörterbuch von Hermann Paul. Achte Auflage. Bearb. von Alfred Schirmer. Verlag: Halle (Saale). – 1961. – 782 s.

16. http://www.garten–literatur.de/adventskalender/zeit/zeit 8–1–html.

17. de.wikiquote org /wiki/deutsche Sprichwörter

УДК 81’282 + 811.133.1
ББК 81.471.1
К 26

Т.П. Карпакова, канд. филол. наук
(РГУ им. С.А. Есенина, Рязань)

Территориальные диалекты как источник пополнения сниженной лексики французского языка

В статье изучаются слова и выражения диалектного происхождения, которые пополняют сниженный регистр французского языка. В результате анализа было установлено, что лексические единицы приобретают ярко выраженную экспрессивность и эмоциональную оценочность посредством метафоризации, суффиксации и изменения произносительного облика.

диалектизмы, арготизмы, антропоцентризм, вторичная номинация, пейоративные суффиксы, апокопа, отрицательные коннотации

В последние годы значительно усилилось внимание лингвистов к изучению внелитературных языковых пластов. Такой возросший интерес к некодифицированным стратам того или иного национального языка представляется вполне закономерным в связи с интенсивным сближением литературной сферы языка со стихией разговорно–бытовой речи. Указанная тенденция характерна и для французского языка, где отмечается необычайная активность слов, относимых к периферийным слоям общенационального языка, вследствие чего граница между нормативным и ненормативным становится все более трудноуловимой. Нередко стилистически сниженные слова вызывают определенные трудности при их интерпретации, и тем интереснее изучить их истоки и особенности дальнейшего развития.

Предметом исследования в настоящей статье стали слова, лексикографически документированные с пометами *fam, pop, arg***.** Общим для изучаемых лексических единиц является их диалектное происхождение. Выборка конкретного языкового материала производилась по специальным

словарям [1]. Основным источником послужил «Dictionnaire de l'argot français et de ses origines» [2]. Здесь зафиксированы диалектные формы и выражения из разных французских говоров, и содержится собственно «биография» сниженных слов со всеми значениями в парадигматике с указанием на верхние и нижние хронологические границы. К работе привлекались также наиболее авторитетные толковые словари [3].

Язык как системно организованный материал, элементы которого постоянно взаимодействуют, развивается, обогащается и обновляется, в первую очередь за счет внутренних ресурсов. Диалекты как особая, более архаичная, по сравнению с литературным языком, форма освоения действительности способны выполнять роль хранилища потенциального общеупотребительного языкового материала, который более уместен, чем лексика, заимствованная из других языков. К тому же слова диалектного происхождения прочнее входят в общенародный язык, потому что они ему более родственны. Диалектизмы занимают, по нашим наблюдениям, заметное место в лексиконе фамильярно–разговорной и просторечной речи, в арго. Это объясняется исторически сложившимися условиями и характером этнического состава населения. Феодальная раздробленность страны способствовала образованию поместно–территориальных языковых разновидностей. Роль диалектов в пору зарождения литературной нормы была исключительно большой, они занимали весьма прочные позиции. Но в национальный период диалекты теряют свой удельный вес и низводятся на положение народных говоров. Из–за ведущей роли литературного языка территориальная дифференциация приобретает иной характер: диалекты «растворяются» или «поглощаются» обиходно–бытовым языком, превращаются в явление более сложного территориально–социального порядка. Этому процессу смещения способствовали такие конститутивные признаки диалекта, как субъективизм, антропоцентризм, в немалой степени консерватизм. Разговорная лексика отличается исключительным богатством своей семантики и структуры. В качественном отношении она характеризуется, по сравнению с нейтральной, непременным осложнением номинативного значения, дополнительными оттенками: экспрессивностью, оценочностью, ситуативно–обусловленными значениями.

Приступая к анализу, следует оговориться, что, поскольку арго признается франкоязычной традицией, мы будем использовать преимущественно этот термин, но в несколько расширенном смысле, так как арго не имеет какого–либо существенного признака, который отличал бы его от других слоев языка, таких как просторечие и фамильярная речь. Поэтому не случайно одно и то же стилистически сниженное слово может сопровождаться разными маркерами в различных словарях. Мы не ставили задачи исследовать весь номинативный инвентарь арготических диалектизмов. Рассматривается небольшая часть интересующих нас лексических единиц, заимствование которых датируется первой или второй половиной XIX века. Выбор этого хронологического среза объясняется тем, что в этот период во Франции происходит быстрое «рассекречивание» арго. Оно утрачивает свою самобытность, и его лексика смешивается с просторечной и фамильярно–бытовой. Материальная сущность арго по-прежнему, заключается в лексической системе, состоящей из слов, не понятных для окружающих. Заимствования из диалектов, особенно старых, как нельзя лучше соответствуют этой особенности арго, поскольку для большинства говорящих представляют собой некие «экзотические» слова. Точные названия французских диалектов выверялись по академическому изданию «Языки мира. Романские языки» [4].

Ознакомление с данными указанных словарей свидетельствует о том, что диалектология дает массу арготического материала, в первую очередь в сфере номинации человека. Представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета для многих языковых построений, что

---

[1] Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М. : Рус. яз., 1988 ; Caradec F. Dictionnaire du français argotique et populaire, Larousse, 2002 ; Sandry G., Carrère M. Dictionnare de l'argot moderne. Paris, 1975.

[2] Colin J.–P., Nével J.–P., Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Paris, 2002.

[3] Le Nouveau Petit Robert. Paris, 2008 ; Le Petit Larousse. Paris, 2001.

[4] Языки мира. Романские языки. М. : Academia, 2001.

вполне объясняется высшей степенью антропоцентричности диалектов. Диалектные факты показывают, насколько многообразно эта лексика отражает индивиду–альные особенности человека, его характер, поведение, состояние, различные качества, действия и т.д. Диалект «рисует» в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих чертах. Заимствованные из диалектов слова могут быть однозначными или совмещать несколько значений, что создает эффект смысловой емкости, многоплановости. Однако многозначность может возникнуть и в результате исторического развития слова. Как правило, когда слово переходит из узкого круга в более широкий (в нашем случае из диалекта в общенародный язык), его значение расширяется. Этому способствуют все возможные переносы значения, что отчетливо просматривается в арго, так как оно имеет постоянную тенденцию к накапливанию синонимов. Наиболее продуктивным оказывается метафорический перенос. Метафора в разговорном языке понимается и запоминается намного проще, чем литературные эквиваленты. Признак, который служит основой для метафоризации, может быть любым. Таким же приемом вторичной знаковой номинации выступает и метонимический перенос. Переосмысленное значение наслаивается на основное лексическое значение и, выступая на его фоне, способствует созданию образно–фигурального значения.

Все выбранные нами для анализа лексемы удобно для их изучения объединить в группы. Первая тематическая группа содержит слова, обозначающие органы и части тела человека. Признак, положенный в основу номинации, вводится в содержание слова по принципу метафоры зрительной, связанной с внешней формой. Существительное cibole (f) (пикард.) «набалдашник трости» в результате переосмысления появилось в общефранцузском языке для наименования головы ciboule (1857). Появлению такого фонетического варианта содействовала артикуляционная близость гласных [O – u]. Заимствованное слово переживает не только фонетические изменения, но и грамматическую адаптацию. К основе присоединяется уменьшительный формант – ot, что ведет к изменению грамматического рода: ciboulot (m). В семантическом отношении благодаря этому суффиксу в содержании слова появляется иронически–насмешливый нюанс. Оба существительных высту–пают как равноправные родовые формы. Они смогли удержаться в современном языке благодаря тому, что оказались вовлеченными в свое время в устойчивые словосочетания, то есть начали, таким образом, свою новую жизнь в качестве составных элементов фразеологических единиц с просторечно–фамильярным оттенком: arriver en ciboule, se creuser le ciboulot. Эти выражения можно рассматривать как экспрессивно–эмоциональные синонимы литературного языка: arriver en tête «прийти в голову», se creuser la tête «ломать голову над чем–либо». Высказанное замечание справедливо не только в отношении рассматриваемых слов, но и других, о чем будет сказано ниже. По той же модели существительное cale (f) (менс.) «орех» образовало calot (m) для наименования «глаз» (1846). С этим новым значением оно вошло в выражение boiter des calots (букв.: «хромать на оба глаза») – «косить глазами» и rouler des calots – «вращать глазами». Сочетания компонентов, которые прошли через стадию метафорического переосмысления, приобретают экспрессивно–образную окрашенность, которая отсутствует в литературном rouler des yeux или менее выпукла в разговорных глагольных формах loucher, bigler – «косить глазами». Существительное tifo (m) (дофин.) «солома» в переносном смысле употребляется в новой форме после утраты конечного гласного, не типичного для французского языка, и во мн. числе для наименования «волосы» – tifs (1883).

С новополученным значением появились производные слова, созданные с помощью суффиксов –**ier**, вполне нейтрального, и собственно арготического –**man** для обозначения человека по роду его занятий: **tiffier** (1952) и **tifman** (1977) «парикмахер». Последний пример отличается необычной экспрессивностью, чему способствует пейоративный суффикс, существующий только в арго. В анализируемой тематической группе встретились слова, представляющие собой перенос наименований, относящихся к животному миру, на человека. Так, существительное gave (f) (пикард.) «глотка» (у птицы) по описанной выше модели превратилось в gaviot (m), чтобы обозначить «горло» (у человека) (1867). Редупликат kiki/ quiqui (m) был образован от звукоподражательного quiquiriqui (франс.), обозначающего пение петуха. Поскольку французский язык предпочитает простые слова и стремится упростить сложные, приведенное слово образовано по типу апокопы, явлению очень распростра-

ненному в разговорном языке. Существительное kiki было заимствовано в двух значениях – «птичьи потроха» и «шея», «горло» (1883). Первое значение было утрачено, а со вторым значением это слово смогло удержаться и образовало экспрессивно–грубоватое выражение **serrer le kiki** «придушить кого–либо». В следующем выражении **c'est parti mon kiki!** (1965) не осталось ничего общего с указанными значениями. Эта фраза употребляется как дружеское подбадривание кого–либо к действию «поехали! все в порядке!». Следующий пример можно отнести к случаям метонимического переноса. Существительное arpihoun (прованс.) «коготок» (животного) было зафиксировано в трех значениях – «палец ноги», «нога», «рука», из которых уцелело только второе. В ходе адаптации это слово было приведено в соответствие с фонетическими нормами принимающего языка: arpion (1829).

Как показал анализ, наибольшая выразительность и экспрессивность достигается при одновременном использовании нескольких приемов словообразования, например, фонетического способа и семантической трансформации. Рассмотрим гибридное существительное **zognes**/ **zoignes** (1891). Строительным материалом послужило ogne (f) (лионс.) «копыто» (животно–го). При употреблении артиклей мн. числа **les/des** согласный [s] агглютинировался с гласным [O] и стал восприниматься как начальный элемент новообразованного слова, получившего в результате переосмысления значение «верхние и нижние конечности человека».

Склонность диалекта к грубоватому, фамильярному, а порой и вульгарному способу выражения можно продемонстрировать на примере слов, содержащих указание на органы так называемого телесного низа. С первоначальным смыслом «задница» было заимствовано существительное taffanari (m) (прованс.), которое подверглось усечению по типу апокопы. К усеченной форме присоединился один из самых экспрессивных маркеров, пейоративный суффикс –**ard**, функционирующий только в арго: **tafanard** (1894). Можно добавить еще одно прямое заимствование с тем же значением **fiaque** (m) (норманд.), к которому арго предлагает сходное по звучанию переосмысленное общеупотребительное слово **fiacre** (m). В этом вторичном обозначе–нии легко можно усмотреть иронию, так характерную для арготизмов. Оба существительных входят как равные компоненты в состав фразеологизмов **se grouiller le fiaque** (букв.: «шевелить задом») «спешить» и **en avoir plein le fi–acre** «быть в сильном раздражении» (1902). Путем прямого перехода в арготическом лексиконе появилось существительное roustouns (m) (лангед.) «тестикулы», которое после незначительных фонетических изменений превратилось в **roustons** (1893) с конечным носовым гласным. В дальнейшем это новообразование испытало на себе процесс суффиксации. Выбор суффиксов в арго, как известно, чисто произвольный, поэтому были зафиксированы варианты с красивой оболочкой, но «темным содержанием» **roustamponnes** (f) и **roustimballes** (f). Последнее слово возникло под влиянием просторечного **balles** (f), уже существовавшего в языке с тем же значением. В целях создания образности, как показывают примеры, изменяется грамматический род.

Как уже было сказано выше, устаревшие лексемы продолжают интенсивно использоваться. Покажем на примере существительного **agobilles** (m) (менс.), утратившего свой изначальный смысл «воровские инструменты», но получившего в результате метафоризации по функции значение «тестикулы» (1977). Благодаря семантическому переносу существительное **pine** (f) (франшконт.) пополнило ряды непристойных слов, приобретя новое значение «мужской член» (1802). Это образно–мотивированное слово мы находим в грубовато–просторечном сравнении **haut comme trois pines à genoux** «человек очень маленького роста». Употребление прилагательного **haut** «высокий» в противоположном смысле добавляет в определенной степени ироническую окраску. Значительно более безобидная стилистическая характеристика содержится в разговорном выражении той же модели **haut comme trois pommes** (букв.: «высокий как три яблока»). К данному тематическому ряду можно отнести существительное **schope** (эльзас.). При заимствовании оно изменило графический облик, утратив начальный [s], свойственный прежде всего диалектам, близким к немецкому языку. С помощью суффиксов –**ine**, –**otte** были сформированы новые слова, обозначающие соответственно «большая и маленькая винные бутылки» (1845). Годы спустя эти слова зафиксированы в новом употреблении с учетом метафоризации **chopine** (f) и **chopotte** (f) «мужской член большого и малого размера» (1962).

Отталкиваясь от семантики последних примеров, мы посчитали возможным присоединить к ним лексемы, связанные с темой секса. Среди заимствований сексуальной направленности нашлось немало слов иронично–неодобрительных, презрительных и бранных в адрес лиц определенной категории. При анализе мы обратили внимание, что достаточное количество слов начинается с мягкой согласной [g] и последующей гласной [O] или [u]. При произнесении таких сочетаний губы вытягиваются вперед, и с таким выражением лица легче передать упомянутые выше оттенки. Немалый вклад в преобразование заимствований этой подгруппы вносит образное переосмысление. Так, существительное **gosse** (f) (прованс.) «сука» (собака) перешло в gousse (f) для номинации «лесбиянка» (1865). Производное от этого слова с суффиксом –**erie**: **gousserie** (f), 1901 г, служит для обозначения среды таких женщин. Французское **gouine** (f) «лесбиянка» и вариант **gougnotte** (f) с диминутивным суффиксом –**otte** (1808), восходят к **gouain** (f) (норманд.) «негодяйка». От этих существительных были созданы глаголы с подобным внутренним содержанием **gousser, se gousser, se gouiner, gougnotter**. Для наименования женщин легкого поведения, проституток, стали использовать в измененной форме **goge** (беарн.) «незамужняя женщина» > **gouge** (f) (1867); **goujo** (гаскон.) «девушка» > **goyo** (1895); **rouchi** (артез.) «грязный, некрасивый» > **rouchie** (f) (1864). Следующий пример привлекает своей звучностью и структурно–семантической трансформацией. Речь идет о существительном **fiotte** (f) (1876), которое восходит к **fillotte** (f) (франшконт.) «маленькая девочка». Этот арготизм помечен в словаре как бранное слово, которым называют гомосексуалиста. Употребление суффикса женского рода позволяет в лаконичной форме наиболее эмоционально передать презрительное отношение к таким лицам. Яркой пейоративной окраской обладают фразеологиче–ские единицы, содержащие, как правило, глаголы широкой семантики и существительное, относящееся к указанной лексике. Приводимые ниже устойчивые выражения основаны на переосмыслении: **faire le rade** «заниматься проституцией» (норманд.) (1876), где **rade** (m) означает «тропинка в поле». В общеупотребительном языке, как менее сниженное, существует выражение **faire le trottoir** с пометой *fam*. С тем же значением, но с просторечной окраской появилось заимствование **battre l'antif** (савойс.) (1867), где существительное **antif** (начальная форма **antivo**) означает «теленок». Это существительное встречается только в данной конструкции.

Вторая тематическая группа слов диалектного происхождения касается сферы оценки. Это стилистически заряженная лексика, дающая оценочную квалификацию человека, например, его физическим свойствам и чертам характера. Основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком «хорошо»/«плохо». Словарный материал свидетельствует, что значительный пласт данной лексики является экспрессивно–оценочным с приоритетом отрицательных оценок. Из частей речи наиболее употребляемыми в данной функции оказываются имена существительные и прилагательные. Неотъемлемой частью их семантической структуры является выражение субъективного суждения. Для наименования человека «глупого, недалекого» были заимствованы слова, оценочное значение которых было первичным и основным. **Fadatz adj**. (прованс.) после удаления консантного комплекса, не типичного для слов общенационального языка, превратился в **fada** (1885); **lofi/lofio** *n, adj*, где конечные гласные были заменены привычным непроизносимым «е», а согласная [f] была удвоена > **loffe** (1890); **cabesto** n, adj. с присоединившимся суффиксом в расширенной форме и интерфиксом [r] > **cabestron** (1899). Следующие лексемы объединены метафорической формулой. Существительное **bordille** (f) (прованс.) «мусор» зафиксировано в двух формах на основе чередования гласных [O – u]: **bordille** и **bourdille**. После переосмысления они расширили свой семантический объем: «идиот» (1802)., «доносчик» или «подозрительный тип» (1928), «полицейский» (1966), и даже перешли в разряд неодушевленных существительных: «плохой товар у антикваров» (1975). Для характеристики человека «хитрого, изворотливо–го» было взято существительное marlou (m) (беррий.) «дрозд», потому что эта птица у французов прославилась своей хитростью. Наряду с этой формой отмечена лексема еще более стилистически маркированная, так как после сокращения по типу апокопы к основе присоединился арготический суффикс –**aud**: **marlaud** n, adj. Изначально зафиксированная форма послужила основой для построения новых слов с субъективно–оценочными суффиксами для номинации «сутенер»: **marloupin** (m) и **marloupier** (m). В структуре новообразова-

ний можно отметить интерфикс – [p], который препятствует зиянию. И хотя данные слова фигурируют в словаре как устаревшие, они дали жизнь еще одному слову: **marloupinerie** (f) «уловка, коварство», 1957 г. Существительное **carne** (m) (норманд.) было заимствовано как многозначное: «жесткое мясо», «тело», «плоть человека», «кляча» (1835) и «вредный, сварливый человек» (1842). На примере этого существительного можно увидеть диалект–ные особенности, которые не подверглись при заимствовании никаким изме–нениям, а именно: ударный гласный [a] не образовал дифтонга [ai], начальный согласный не палатализовался и не перешел в аффрикату [tš], как это произошло в центральном диалекте, основе французского языка (cf. современное **chair** (m) – «тело, плоть»). Как уже сказано выше, экспрессивность слов данной группы прослеживается и в их звуковом оформлении. Например, **pignouf** (m) (менс.) «грубый, плохо воспитанный» было зафиксировано без изменений, а следующая лексема построена из двух существительных, подвергшихся сокращению по типу апокопы и аферезы **gounha** (f) (гаскон.) «свинья» и **estafier** (m) (гаскон.) «лакей», и посредством контаминации было создано **gougnafier** (m) «бездарь, олух, кретин», (1899). Нелестная характеристика личных качеств человека особенно ярко выступает в словах с метафорическим переносом, который всегда сопровождается появлением экспрес–сивных элементов, как в случае panne (f) (франшконт.) «тряпка» при соединении с пейоративным суффиксом –**ouille**: **panouille** (f) «дурак, балда» (1889). Не менее показательна судьба существительного **faiol** (m) (прованс.) «фасоль». При переходе в общефранцузский язык оно приспосабливается к новой фонетике fayot и приобретает значение «матрос или солдат–сверхсрочник», а также «унтер–офицер» (1853). Позднее оно стало ассоциироваться с новым содержанием, не имеющим ничего общего с исходным: «подхалим, подлиза» (1935). С этим же значением были сформированы: глагол по типу первого, самого продуктивного, спряжения **fayoter** «подлизываться», а также путем суффиксации; существительные **fayoterie** (f) и **fayotage** (m) «чрезмерное усердие». Что касается первичного значения **fayot**, оно все еще проявляется, например, во фразеологизме: **aller becqueter des fayots** (букв.: «идти клевать фасоль») «идти в тюрьму» (1967). Отдельные имена собственные также могут послужить основой для выражения негативных оценок человека. В качестве примера можно привести **Plougastel** (бретон.). В результате усечения и чередования согласных [g–k] в арготический лексикон было внесено новообразование plouc/plouque, которое в роли существительного означает «деревенщина, мужлан», а в роли прилагательного «неотесанный, грубый» (1936). В обоих случаях эта лексема помечается как уничижительная, оскорбительная. Общеотрицательная оценка человека в моральном, психологическом и эстетическом планах содержится в прилагательном **blèche** (норманд.). Для усиления уничижительной окраски к основе присоединился суффикс –**ard** , что способствовало появлению закрытого гласного [e] вместо исходного открытого [ɛ]: **bléchard** «гнусный, отвратительный» человек (1901). Для наименования человека «сильного, здорового» и одновременно «умного/башковитого» было заимствовано **balès** n, adj. (прованс.) в его графических вариантах, которые однако не отражают изменений его звукового облика: **balaise, balaize, balèze, balèse** (1878). Интересно отметить, что это слово обнаружилось в современном молодежном арго в верланизированной форме **laiseba** *adj*.

Своеобразной «горячей» точкой арго остается криминальная среда, и диалектизмы, чаще всего неизвестные широкому кругу, способствуют поддерживанию тайного характера арго. В нашем исследовании мы выделили в тематическую группу заимствования, обозначающие понятия, связанные с жизнью людей этой среды. Чаще всего здесь встречаются глаго–лы действий, зачастую семантически емкие, с компонентом интенсивности и стилистически сниженной тональностью. Естественно, что при переходе в общенациональный язык они подверглись фонетическим изменениям, подобным описанным выше. Из нескольких диалектов появились глаголы со значением «схватить, поймать кого–либо»: agricher (вандом.) (1883); arguigner (бресс.) > **argougner** (1930); **arpiller** (лионс.) > **arpigner** (1902). Назовем несколько глаголов со значением «ранить, убить кого–либо». К ним относятся отыменные глаголы: **amocher** (эльзас.) (1867), состоящий из префикса – a – и существительного moche (f) – «бесформенная масса»; более поздние новообразования: **déquiller** (франко–прованс.) (1956), из арготического существительного **quille** (f) в значении «свобода, конец» и префикса **dé; ensuquer** (прованс.) (1960), из локального прилагательного **ensuca** «убитый». Глагол **zigouiller** (пу-

атев.) (1895), с той же семантикой обращает на себя внимание пейоративным суффиксом – **ouiller** и звуковым оформлением, поскольку во французском языке очень мало слов, начинающихся с согласного [z]. Такое действие как «обмануть кого–либо» выражается диалектными глаголами: **arnaquer** (1855), который восходит к **harnacher** (пикард.) «вырядить кого–либо»; **roustir** (1844), от **rousti** (прованс.); **dauber** (лионс.) (1808). Последний глагол в данном значении перешел в пассивный фонд, но в конце XX века зафиксирован в другом употреблении «заразить кого–либо сифилисом». Интересна судьба глагола fadar (прованс.) с изначальным значением «наделять, одарять». При заимствовании он стал широкообъемным: «делить», «вносить свою долю», «приговорить к наказанию» (1885). В современном арго этот глагол в местоименной форме в сочетании с глаголом **faire** стал означать «подцепить болезнь, передающуюся половым путем». При анализе мы обратили внимание, что изменение переходности у глаголов может сопровождаться различного рода смысловыми переносами. Так, глагол **bicher** в безобъектной функции был заимствован в значении «жить, поживать» (1845), и вопрос **Ça biche?** «как дела?» составил конкуренцию нейтральному **Ça va?** Современное арго создало грубовато–просторечное срав–нение **bicher comme un pou dans la crème fraîche** (букв.: «жить как вошь в сметане»), «жить припеваючи» (1953), сопоставимое с менее сниженным разговорным синонимом **vivre/ être comme un coq en pâte** (букв.: «жить как петух в тесте»). Тот же глагол в переходной форме bicher употребляется в значении «схватить, поймать кого–либо», поскольку восходит к глаголу **bé–cher** из арго лионских рыбаков «клюнуть, поймать на удочку».

На втором месте после глаголов в анализируемой группе стоят имена существительные. Это прежде всего слова, имеющие хождение в узкой среде, такие как, **mitan** (m) «преступный мир, блатные». Это одно из самых ранних заимствований из диалекта: **mitant** (франшконт.), образованное из префикса mi и наречия tant. Оно означало «середина» или «центр» (по отношению к пространству или времени). С 1924 года это существительное функционирует в указанном выше значении и в новой форме, поскольку вначале происходит усечение по типу апокопы, а затем присоединяется пейоративный суффикс: mitonnard (m). Еще одно из ранних заимствований: **trugant** (m) (прованс.) употреблялось в средневековье для обозначения «бродяга, нищий». В современном арго употребляется в модифицированной форме **truand** (m) (1960), в значении «вор, мошенник». Большая степень сниженности отмечается в производных от этого существительного: truander «обворовывать, обжулить», **truandage** (m) «жульничество» и **truaillon** «мелкий воришка», в последнем по времени новообразовании (1985). Для номинации «тюрьма» были заимствованы существительные с отрицательно коннотативным значением. Речь идет о **cigogne** (f) (лионс.) в значениях «тюрьма», «трибунал», «здание суда» (1807). Следующее существительное в значении «тюрьма» **bigne** (m), 1905 г, восходит к **bignouf** (m) (менс.) «дыра». Как видим, и здесь происходит деформация посредством апокопы. Для наименования «полицейский» появилось существительное **argousin** (m), которое восходит к **agosin** (m) (каталан.) «надсмотрщик над заключенными». Это очень давнее приобретение арготического языка и помечается как устаревшее. Что касается более поздних заимствований, мы уже упоминали существительное **bordille/bourdille**, которое при заимствовании получило несколько новых значений, в том числе и «полицейский» (1966). Имя собственное **Schmitt**, очень распространенное в Эльзасе, как **Dupont** во Франции, перешло в разряд нарицательных и означает «жандарм», 1937 г. В результате переосмысления существительное **bignol(l)e** (f) производное от глагола **bignoler** (анжевен.) «косить глазами», наполнилось новым содержанием, и к значению «консьержка» добавилось «агент сыскной полиции» (1927).

Итак, диалекты представляют собой запасники французского языка, из которых извлекаются фондовые экспрессивные средства. Последние обладают необходимыми свойствами для создания аффективных слов и выражений. Заимствования диалектного происхождения пополняют лексику сниженного речевого регистра, поскольку обнаруживают сильные эмоционально–оценочные подконтексты. В процессе заимствования слова семантически трансформируются, получают смысловые приращения, главным образом посредством метафоризации, нередко претерпевают значительные изменения в произносительном плане. В создании новообразований немалая роль принадлежит и суффиксации.

Список использованной литературы

1. Гринева Е.Ф. Словарь разговорной лексики французского языка [Текст] / Е.Ф. Гринева, Т.Н. Громова. – М. : Рус. яз., 1988.

2. Языки мира. Романские языки. – М. : Academia, 2001.

3. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique et populaire, Larousse, 2002.

4. Colin, J.–P. Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines [Text] / J.–P. Colin, J.–P. Nével. – Paris, 2002.

5. Le Nouveau Petit Robert. – Paris, 2008.

6. Le Petit Larousse. – Paris, 2001.

7. Sandry G. Dictionnare de l'argot moderne [Text] / G. Sandry, M. Carrère. – Paris, 1975.

Принятые сокращения названий диалектов/говоров

артуа – артуа/артезианский
беарн.– беарнский
беррийс. – беррийский
вандом. – вандомский
гаскон. – гасконский
дофин. – дофине/дофинский
лангед.– лангедокский
лионс. – лионский
менс. – менский
норманд. – нормандский
пикард. – пикардский
прованс. – провансальский
пуатев. – пуатевинский
савойс. – савойский
франс. – франсийский
франшконт.– франш–конте/ франшконтуазский
эльзас. – эльзасский

УДК 811.134.2
ББК 81.472.1
К 954

М.В. Кутьева, канд. филол. наук
(РУДН, Москва)

Фразеологизмы, восходящие к библейским персоналиям, в испанской и русской языковых картинах мира

В статье прослеживается семантическая судьба библейских сюжетов и фразеологизмов, восходящих к образам Ирода и Иуды, в русской и испанской ментальности, культуре и языковой картине мира. Выясняются как общие черты, так и национально–культурное своеобразие восприятия и использования в речи соответствующих имен собственных и устойчивых словосочетаний с ними носителями испанского и русского языков.

фразеологизм, языковая картина мира, испанская, русская, культура, библейский персонаж, Ирод, Иуда

У народов, говорящих на русском и испанском языках, немало общего в истории и культуре. Общими для них являются нравственные ценности и христианская религия, в рамках которой на протяжении веков развивалось все искусство. Поэтому библейские универсалии прочно вошли в европейскую лингвокультуру. Носители и русского, и испанского языка воспринимают царя Ирода как аллегорию жестокости, царя Соломона как мудрого автора

оригинальных решений запутанных ситуаций, Иуду – как предателя. Эти универсалии встречаются в крылатых выражениях и фразеологизмах. Среди устойчивых сравнений, широко используемых в современной испанской разговорной речи, можно упомянуть такие, как más virgen que María (более девственна, чем дева Мария), más viejo que Matusalén (старше Мафусаила), más feliz / más alegre que unas Pascuas (радостнее, счастливее Пасхи), más pobre que Lázaro (беднее Лазаря), más casto que José (чист как голубь, целомудрен как Иосиф Прекрасный), más falso que el alma de Judas (более лживый, чем душа Иуды), más malo que Cain (злее Каина), peor que Gestas (хуже Гестаса – нераскаявшегося разбойника, распятого слева от Христа) [1]. Межъязыковая разница заключается в семантических особенностях функционирования часто воспроизводимых сравнений, подобных перечисленным и имеющих эквиваленты в нескольких языках, в неравнозначных прагматических эффектах, производимых ими. Существенны и стилистические различия. В испанском языке библейские сравнения обычны, рекуррентны для всех слоев общества, они активно используются в обыденной речи. В русском языке подобные сравнения употребляются все реже и покидают область ежедневного узуса. В Испании, в отличие от России, для распространения библейских сюжетов и цитат сложилась более благоприятная историческая ситуация. Библия была переведена на испанский язык в IV веке; история ее укоренения на испанской почве в два раза длиннее, чем наша. Фрагменты Библии активно включались в испанские литературные произведения и картины художников уже с XII века. В России эта Книга книг впервые появилась на русском, а не на старославянском, языке лишь в XIX веке в переводе Филарета. Именно поэтому в классической русской художественной литературе много архаичных оборотов (таких, как *аки тать в нощи; око за око; не ведают, что творят*), и в русском языке на многих библейских речениях лежит печать архаичности, принадлежности к книжному стилю. Кроме того, XX–ый век наложил суровый запрет на религиозные источники. Поэтому подчас мы используем в речи крылатые выражения и не догадываемся о том, что они пришли к нам из Библии. Таким образом, жизнь библеизмов в русской культуре заметно короче, скуднее, чем в испанской, и обладает своей спецификой.

В этой статье нам хотелось бы развить мысль о том, что межъязыковая общность источника сравнения или фразеологизма не исключает развития ощутимых прагматико–семантических различий в спектре их значений, а даже предполагает их. Вполне естественной также представляется и трансформация внешней формы идиом, связанных с библейским прототипом. Так, в отличие от испанцев, сегодня русские не используют в речи оборот *беден, как Лазарь / más pobre que Lázaro.* Более знакома нам история о воскресении Лазаря и изречение *петь Лазаря.* Почему же мы Лазаря поем, а испанцы – нет? Связано это с тем, что в России нищие жалостливо распевали куплет из Библии про Лазаря, про его мучения, нищету и болезни, чтобы выпросить подаяние. Далеко не всегда «слушатели» верили в их злую долю и обрывали певцов–притворщиков: «Хватит петь Лазаря!». Выражение отсутствует в испанском языке, оно специфично для русской лингвокультуры и связано с Библией опосредованно, сформировавшись на основе определенного социального явления. Примечательно, что в европейских языках есть этимологически восходящее к этому персонажу слово. С немецкого *Lazarett* переводится просто – *лазарет.* Во французском языке *lazaret* – это карантинная гавань; карантинный пункт (в порту, на аэродроме, на пограничной станции). Из итальянского языка слово *lazaretto* проникло в английский и, сохранив свое итальянское написание, стало обозначать, кроме лепрозория и больничного барака, карантинное судно, карантинный изолятор или складское помещение. В испанском языке слово *lazareto* наделено двумя значениями: 1) карантинный барак; 2) лепрозорий [2], то есть больница для прокаженных, так как Лазарь болел проказой. Поэтому испанское фразеологическое сращение *el mal de Lázaro* (буквально ‘недуг Лазаря’) переводится как проказа. В русском языке лазарет, по словарю С.И. Ожегова, представляет собой лечебницу более широко профиля: «небольшую больницу при воинской части». Ожегов так-

[1] Все примеры, приведенные здесь, взяты из испанско–русского фразеологического словаря под ред. Э. Левинтовой. М. : Прогресс, 1985.

[2] Словарные данные взяты из словаря «Лингвоэлектронная версия Яндекса» http://lingvo.yandex.ru/

же упоминает походный лазарет и приводит пример обиходного, переносного употребления этого слова: «Дома у меня – целый лазарет» с пометами: «все больны», *разг. шутл.*

В русском языке за словом Ирод кроется значение «злодей». Испанский словарь Королевской Академии уточняет, что *Herodes* (Ирод) – это ‘hombre cruel con los niños’ (человек, жестокий по отношению к детям). Значения отличаются объемом: в русском языке оно шире. В испанском языке семантика данного оборота ассоциативно вырастает из эпизода избиения младенцев, в русском – из всего жизнеописания деспотичного царя Ирода Великого в Евангелии от Матфея. Русские справочники библеизмов отмечают фразеологизм «*иродова душа*» – ‘жестокий человек, изверг, злодей’ [3], не имеющий соответствия в испанском языке, где узуальными оказались души других персонажей: *alma de Cain/душа Каина, alma de Judas/душа Иуды*. И, наоборот, в испанском языке бытует не знакомый нам (хотя и понятный) фразеологизм ***andar/ir de Herodes a Pilatos (дословно: ходить от Ирода к Пилату).*** В России распространен похожий, но все же иной, к тому же ошибочный, фразеологизм–артефакт ***ходить от Понтия к Пилату***. Дело в том, что, когда был схвачен и предан суду Иисус, иудейский царь Ирод и римский наместник Понтий Пилат, избегая ответственности за его казнь, отправляли его друг к другу. Пилат отправил Иисуса к Ироду, а Ирод снова к Пилату. Не исключено, что наших предков смутило, что у римлянина *два* имени. И поэтому Пилат разделился надвое: на «Понтия» и «Пилата». Так и возникло заблуждение о том, что Иисуса передавали «от Понтия к Пилату». Возможно также, имелось в виду: от первой инстанции направляли к ней же, и это был иронический намек на то, что все безвыходно заканчивалось тем же, с чего началось. Теперь же у нас это выражение служит насмешливым определением всяческой волокиты, когда человека гоняют от одного начальника к другому, а дело так и не решается.

Согласно толковому словарю Королевской Академии Испании, выражение andar/ir de Herodes a Pilatos наделено следующими значениями:

1) ir de una persona a otra (ходить от одного человека к другому);

2) ir de mal en peor en un asunto (становиться все хуже и хуже) [4]. Э. Левинтова трактует идиому так: ‘бросаться от одного к другому, метаться в безуспешных поисках желаемого’ [5] (с. 315).

Известны также близкие к нему по значению выражения *salir de Herodes para entrar/meterse en Pilatos* (дословно: *уйти от Ирода, чтобы попасть к Пилату*), то есть ‘попасть из огня в полымя’; mandar de Pilatos a Herodes (дословно: *отправить от Пилата к Ироду*). Этот оборот встречается на страницах романа «Entre visillos» испанской писательницы Кармен Мартин Гайте (Carmen María Gaite) в эпизоде, где тетушка Конча надеется, что ее племянница рассталась со своим выпивохой–женихом, но опасается, что она найдет кого–то еще хлеще: «y si va a salir de Herodes para meterse en Pilatos?» (Вот теперь она уйдет от Ирода, а потом попадет к Пилату?)

Сегодняшние научные диспуты в испаноязычных странах активно включают выражения с упоминанием Пилата и Ирода. Например, на научных конференциях обсуждается вопрос: *¿La modernización y la revolución informática nos lleva de Herodes a Pilatos, o es el modelo de progreso?* (Модернизация и информационная революция ведут нас от Ирода к Пилату или это модель прогресса?) [6]. Имеется в виду озабоченность состоянием образования. Научную общественность беспокоит следующее противоречие: современный студент вооружен до зубов всевозможными электронными устройствами, которые призваны повысить его интеллектуальный уровень и эрудицию, а он, вопреки своей технической оснащенности, становится все безграмотнее и беспомощнее, движется назад (обратно), в сторону ухудшения: от Ирода к Пилату.

---

[3] Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : Флинта: Наука, 2012. С. 259.

[4] DRAE

[5] Левинтова Э.И. Испанско–русский фразеологический словарь. М. : Прогресс, 1985.

[6] http://www.zlanguageschool.com/semanal/?p=207&cpage=1.

Имя Ирода попало в детскую колыбельную песенку «Nana de la patera» [7] (Девочка в лодке), сочиненную José María Valverde. Мы цитируем ее с нашим параллельным переводом:

A la nanita nana	Деточка, детка,
duérmete, cielo,	Спи, мое небо [8],
la patera es chiquita	лодочка маленькая,
grandes los sueños…	а сны большие.
Que Jesús y María también se fueron,	Ведь Иисус и Мария тоже ушли,
huyendo de un Herodes	Убежали от Ирода
al extranjero,	за границу,
huyendo de un Herodes	убегал от Ирода
el Dios eterno…	вечный Господь.
Nosotros por el hambre,	Мы из–за голода,
Él por el miedo,	Он из–за страха,
nosotros en patera,	Мы на лодке,
Él en jumento…	Он на осле…

Кросс–культурной фразеологической универсалией можно считать оборот «поцелуй Иуды», означающий предательство. Он прочно закрепился в вербальном сознании европейцев благодаря множеству работ известнейших художников. В России Карл Брюллов оставил нам полотно «Лобзание Иуды». Когнитивной универсализации этого словосочетания способствовало и кино – искусство, силу воздействия которого на сознание людей трудно переоценить. За последние полвека были сняты ставшие весьма популярными фильмы под этим названием «El beso de Judas» (Rafael Gil, 1954), Judas Kiss (Sebastián Gutiérrez, 1998). Уже в XXI веке появляются фильмы под иными названиями, но на ту же тему: «Uno de vosotros me traicionará» (Один из вас предаст меня) (Óscar Parra, 2007) и «Judas» (Laurieann Gibson, 2011). В 1944 году классик испаноязычной литературы аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес пишет оправдывающий Иуду роман «Tres versiones de Judas» («Три версии (предательства) Иуды»). Борхес полагает, что первосвященникам, замыслившим убрать Христа, никто не нужен был для его опознания. Ведь проповедь Христа собрала огромное количество людей. Его знали в лицо. Значит, в предательстве должен был заключаться иной смысл. Борхес приходит к выводу: если Бог стал человеком, то целиком – со всеми пороками. Тогда нельзя исключить, что Бог для Своего воплощения выбрал самую презренную судьбу – судьбу предателя и висельника. В книге «La plata de Judas» / «Серебро Иуды» (Steven Savile) изображен Иуда после своего предательства, понимающий, насколько глубоко он осужден, отвергнут и презираем всеми. А в перуанской литературе одним из лучших считается автобиографический рассказ А. Вальделомара (Abraham Valdelomar) «Глаза Иуды» (1914), в котором женщина приносит в жертву своего мужа, чтобы спасти сына, но теряет обоих. Подобные произведения продлевают жизнь библейским образам и библейской лексике в языковой картине мира, популяризируя соответствующие сюжеты. У нас также значительным был интерес писателей к психологической сути духовной антиномии «Христос–Иуда». М.Е. Салтыков–Щедрин называет Порфирия Головлева Иудушкой. Имя стало нарицательным и обозначает высшую степень ханжества и лицемерия. «Иуда и Фальстаф» – такая характеристика дана Ф. Достоевским купцу Архипову из романа «Униженные и оскорбленные». Психологическую антитезу Христос–Иуда можно обнаружить у Пушкина в «Моцарте и Сальери». Сальери, друг, он же – отравитель, не выказывает Моцарту своей враждебности, напротив, откровенно выражает ему свое восхищение: «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь; я знаю, я». Яд он назвал «заветным даром любви», преподносимым в «чаше дружбы». В поэме «Полтава»

[7] http://jagillan.blogspot.com/2012/01/nana–de–la–patera.html

[8] Небо (cielos) – ласковое обращение, как у нас «солнце мое»

Иудой назван Мазепа: «И где ж Мазепа? Где злодей? / Куда бежал Иуда в страхе? / Зачем король не меж гостей? / Зачем изменник не на плахе?».

XX век пытается посмотреть на апостола–предателя иначе. Леонид Андреев в повести «Иуда Искариот и другие» (1904) объясняет его поведение особой любовью к Иисусу. Д.С. Мережковский в книге «Иисус Неизвестный» (1934) представляет Иуду хранителем и защитником ветхозаветного Израиля. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940) Иуда – красивый молодой человек, раб страстей. Страсть к деньгам заставляет его вызвать на откровенный разговор о власти проповедника Иешуа Га–Ноцри и написать на него донос с обвинениями в призывах к свержению императора Тиверия. Другая страсть – похоть – гонит Иуду на нож убийцы, подосланного Пилатом в отместку за его предательство. Тень Иуды появляется в повести В.В. Быкова «Сотников» (1970), когда старшина Рыбак, попав в плен, сначала соглашается сотрудничать с врагом, а затем – собственноручно привести в исполнение смертный приговор Сотникову. Муки совести толкают Рыбака к самоубийству. В романе А. и Б. Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» (1988) Иуда – это безвольный, несчастный человек. «Жалкий сопляк, мальчишка... Какое предательство?! Перестаньте повторять сплетни. Он просто делал то, что ему велели, вот и все. Он вообще был слабоумный, если хотите знать…» [9].

В рассказе Ю.М. Нагибина «Любимый ученик. Ночь на 14 нисана» (1991) предложена трактовка этого образа как человека жертвенного и великодушного. Христос призывает Иуду обречь себя на страшный подвиг и сострадает ему. «…Мой рассудок мутится от страха, – говорит Христос, – каково же будет тебе, обреченному на муки вечные и вечный позор в памяти людей?» [10].

Появляется Иуда и в современном кино, моментально распространяющемся по всему миру, например, в «ужастиках» типа «Дракулы–2000». Вампирский боевик эксплуатирует тему вечного проклятия, павшего на предателя. В конце фильма Иуда–вампир (актер Джерард Батлер) получает возможность покаяния и прощения.

Интересен образ Иуды в рок–опере «Иисус Христос – Суперзвезда», которая для многих поколений американцев и россиян стала главным источником информации о событиях Нового Завета. Здесь Иуда жизнерадостен и находчив – у него больше всего арий и действия в спектакле. Он пытается отговорить Христа от самопожертвования ради людей. Практичный Иуда предвидит будущие события, он понимает, что Иисус не изменит человеческого мышления своим поступком. Однако предательство должно свершиться неотвратимо – и финальная ария Иуды становится одной из самых ярких и пронзительных композиций в рок–музыке середины века.

Тема Иуды стала, таким образом, одной из нравственно–психологических доминант, притягивающих к себе внимание творческих личностей. Эта тема существует поверх границ культур. Сюжет воплотился в различных видах искусства и перерос в нечто особо значимое для людей – в точку пересечения противоречащих друг другу жизненных позиций, мировоззрений и разноплановых философских идей. Писатели и художники XX века пытались вжиться в духовный мир подлеца и – не осудить его, что легче всего, а объяснить, понять и даже оправдать человеческую слабость, не выдерживающую вызова, который бросает ей пресловутая свобода выбора. Своеобразие и уникальность связанной с ним философской проблематики состоит в том, что на основе этого библейского фрагмента можно с разных позиций думать и спорить о важнейших для человечества противоречиях: о добре и зле, подлости и благородстве, мелочности и величии, эгоизме и жертвенности, обреченности и свободе выбора. В эпоху страшных войн и глобальной переоценки ценностей этот отрицательный образ виделся как человек ошибающийся, неприкаянный, гибнущий – либо безнадежно падший, либо, наоборот, способный на чудовищную жертву.

---

[9] http://strugacki.ru/book_28/1213.html

[10] Нагибин Ю.М. Любимый ученик. Ночь на 14 нисана. Екатеринбург, 1991. С. 506.

Живописные полотна виднейших европейских мастеров – прежде всего, итальянских, – запечатлели поцелуй Иуды в щеку Христа. Согласно испанским источникам, дело было не совсем так. Иуда должен был поцеловать Христу руку, потому что существовал обычай: ученики целовали учителю руку. Именно поэтому паства целует руку священнику; никто не целует его в щеку. Испанская религиозная герменевтика смягчает вину Иуды. На помощь здесь приходит не так давно обнаруженное «Евангелие от Иуды», где говорится, что Иисус сам попросил Иуду совершить предательство, аргументируя это неумолимым требованием звезд: «Tú los superarás a todos ellos. Porque tú sacrificarás el hombre que me cubre (...). La estrella que indica el camino es tu estrella» (n. 56–57) [11]. Перевод: «Ты превзойдешь их всех. Потому что ты принесешь в жертву человека, который покрывает меня (…). Звезда, которая указывает путь, – твоя звезда».

Зачем же нужно было обязательно целовать? Поцелуй был знáком для врагов Христа к тому, чтобы схватить его. Иуда облегчил их задачу: «Aquel a quien yo dé un beso, ése es; prendedle» (Тот, кого я поцелую (букв. кому я дам поцелуй), это он. Берите его (перевод с испанского – мой). Y al instante se acercó a Jesús y le dijo: «¡Salve, Rabbí!», y le dio un beso. San Marcos, Capt. 14 (И тут же он подошел к Иисусу и сказал ему: «Здравствуй, Учитель!», и поцеловал его (дал ему поцелуй) (Евангелие от Марка, глава 14). Канонический перевод несколько иной. Нам же хотелось показать, как именно эту сцену воспринимают испанцы, поэтому мы привели наш, очень близкий к испанскому Евангелию, перевод.

Понять, как именно испанцы воспринимают оборот el beso de Judas (поцелуй Иуды) сегодня, нам помогают интернет–диалоги. Вот один из них: «¿para ti que significa el beso de Judas? Hay personas que besan a otra persona en la mejilla y alguien dice no me des el beso de judas, para ti esta bien decir eso?» Допустим, ты целуешь кого–то в щеку, а он говорит тебе: Не нужен мне твой поцелуй – поцелуй Иуды! Что это значит? Это значит, что человек не верит в твою искренность и считает тебя лицемерным, лживым. Лицемерный, а не предательский, поцелуй – вот относительно новый семантический компонент, логически развившийся из старого, его семантическое приращение. Читатели поясняют: «Lo que ocurre es que la hipocresía está a la orden del día. El beso es una expresión de aprecio sincero, pero la gente de hoy lo «trivializa» al repartir besos a diestra y siniestra sin sentir ningún aprecio real y, menos, sincero por las personas a quienes saludan en esa forma» [12]. Перевод: Дело в том, что лицемерие сегодня – в порядке вещей. Поцелуй – это выражение искренней признательности, но сегодня люди упрощают его и раздают поцелуи направо и налево, не чувствуя никакой настоящей признательности, тем более искренней, к тем, кого они приветствуют таким образом.

«Поцелуй Иуды» также означает для испанцев двойственность, которая характерна для всего человечества (La doble cara que tiene la mayoría de la humanidad). Отметим, что лицемерие в Испании не слишком порицается. Оно считается почти нормой. Повсеместно распространено убеждение, что без лицемерия в жизни не обойтись.

В современной испанской песне (автор Joaquín Sabina) [13] юноша, который сомневается в чувствах своей невесты, задает сам себе вопрос и находит на него ответ:

Cuanto más le doy ella menos me da	Чем я с ней нежней, тем она холодней,
Por eso a veces tengo dudas,	Поэтому я сомневаюсь:
¿no será un tal Judas	не Иуда ли
el que le enseñó a besar?	Научил ее поцелуям?
<...>	

[11] http://eruizf.com/biblioteca/apocrifos/apocrifos_evangelio_judas.pdf

[12] http://espanol.answers.yahoo.com/question/index?qid=20090912092343AAIHAsH

[13] http://www.musictory.es/musica/Joaquin+Sabina

Cuanto más le doy ella menos me da,	Чем я с ней нежней, тем она холодней,
por eso necesito ayuda,	поэтому мне нужна помощь,
aunque sea de Judas...	пусть даже Иуды…
bésame un poco más [14].	Поцелуй меня еще раз…

Отрицательность коннотации фразеологизма значительно нивелируется в этих строфах. В российских же СМИ к «иудину поцелую» добавляют не согласованное определение «смерти» [15].

В Испании принято оправдывать Иуду рядом аргументов. Во–первых, предательство входило в планы Бога, было частью провидения господнего. Во–вторых, Иисус ценил Иуду выше других своих учеников, выделил его, приблизил к себе. В Евангелии от Луки говорится: «Jesús escogió a Judas y oró por él» [16] (Luc. 6:12–13) (Иисус избрал Иуду и молился за него). В–третьих, накануне трагедии в Иуду вселился дьявол. В–четвертых, он, возможно, думал, что Христос – лжемессия, а путь к настоящему мессии укажут первосвященники. В–пятых, Иуда впоследствии раскаивался. Он пытался вернуть тридцать сребреников, полученных за предательство, в конце концов бросил их в храме, потому что служители культа не брали их назад. В испанской культуре обращается большое внимание на личную драму Иуды. Его история не кончается предательством. Испанский словарь Ларус, посвящая этому персонажу всего лишь десяток слов, упоминает, что Иуда Искариот удавился: «...apóstol que vendió a Cristo por treinta monedas. Se ahorcó» [17]. (перевод: «…апостол, который продал Христа за тридцать монет. Повесился»). Об этом говорится и в Евангелии от Матфея: «se suicidó ahorcándose (Mateo 27:5) en un árbol (abril de 29–33)» (он покончил с собой, повесившись на дереве). Только Иуда из всей Библии повесился, больше никто. Заметим, что в писании сказано: «проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве» (Втор. 21:23). Именно в такой последовательности событий: предал – повесился – Иуда живет в сознании испанцев. К этому сюжету обращается Бенито Перес Гальдос, описывая войну с Наполеоном в романе «Episodios nacionales». Его священник Антон Трихуэкэ пытается продать французам героя испанского сопротивления Хуана, который полностью доверял священнику и высоко ценил его. Из-за угрызений совести служитель культа повесился. «El cura mosén Antón Trijueque, a quien Juan nombró Coronel, intenta venderlo a los franceses y se ahorca, como Judas» (Священник Антон Трихуэкэ, которого Хуан назначил полковником, пытается продать его французам и вешается, как Иуда) [18].

Каким бы мы ни видели Иуду Искариота – бесповоротно отвратительным и однозначно отрицательным типом или персонажем, достойным понимания и прощения, предателем или жертвой обстоятельств, этот образ будет будоражить сознание языковой личности, возможно, еще не один век.

Все сказанное о нравственной драме этого апостола и о том, как она отозвалась в сердцах людей, разбросанных во времени и пространстве, не мешает интенсивному функционированию в испанском языке устойчивого сравнения más falso que Judas / ‘лживее (фальшивее) Иуды’. Вообще фальши и ее оттенкам в испанской языковой картине мира уделяется существенное внимание в связи с широким распространением этой категории в повседневном поведении людей. Имеется в виду следующее: неискренние улыбки, «дежурные» поцелуи, комплименты входят в состав понятия «воспитанность» и являются обязательными для всех. Неискреннее, показное, театрализованное общение становится все более распространенным жанром коммуникации. Оборот ser más falso que Judas применяется не только по отношению к людям, но и для обозначения неодушевленных предметов, являющихся поддельными, ненастоящими, некачественными. В романе Бенито Пере-

---

[14] http://www.letrasmania.com/letras/letras_de_canciones_joaquin_sabina_4677_letras_hotel_dulce_hotel_15275_letras_besos_de_judas_177358.html

[15] Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта: Наука, 2010. С. 264.

[16] http://biblia.catholic.net/

[17] Pequeño Larousse ilustrado. La Habana: Instituto del libro, 1968. P. 1386.

[18] http://www.spanisharts.com›books/literature/galdos.htm

са Гальдоса «Mariucha» одна из героинь сетует на то, что «los tenderos de aquí traían un género anticuado, carísimo, y más falso que Judas» (лавочники привозили ткани устаревшие, очень дорогие и более фальшивые, чем Иуда) [19].

В автореферате докторской диссертации на тему «Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи)» [20] Н.Г. Мед отмечает: «В испанской оценочной картине мира широко представлена такая общечеловеческая отрицательная этическая характеристика, как лживость, включающая четыре разновидности отношения к намеренной не–истине: лгун, обманщик: mitómano (букв. ‘мифоман’), cuentero (букв. ‘любитель россказней, баек’); хвастун: farolero (букв. ‘фонарщик’), matamoros (букв. ‘тот, кто убивает мавров’); лицемер: más falso que Judas / de plástico (букв. ‘лживее, чем Иуда / из пластмассы’, ser un mátalascallando/ matarlas callando (букв. ‘тот, кто убивает молча’), ser un callacuece (букв. ‘тот, кто молчит и кипятит’); льстец: lameplatos (букв. ‘лизоблюд’), tiralevitas (букв. ‘тот, кто тянет, дергает за сюртук’), hacer pelota (букв. ‘делать шар’), то есть льстить».

Упомянутый в этой цитате оборот «ser más falso que un Judas de plástico» / быть фальшивее пластикового Иуды – быть поддельным, ненастоящим до безобразия – весьма курьезная модификация исходного фразеологизма, выявляющая умение испанского народа повернуть жизненные явления в смеховую плоскость, посмотреть на все с юмором. Мы видим, как идиоматика трансформирует как свою внешнюю оболочку, так и внутреннее содержание, как она расширяет палитру своих значений и перечень своих лексических вариантов.

Оборот ser más falso que un judas de plástico зафиксирован в словаре «Diccionario de dichos y refranes» [21], где область его применения описана следующим образом: «Se aplica a la persona de comportamiento muy engañoso o al objeto que no es original, que es una burda imitación. Si Judas <...> es de plástico, doble, o mejor, triple falsedad». Перевод: «Применяется к человеку, поведение которого обманчиво, или к предмету, который не является подлинным, а представляет собой грубую подделку. Если Иуда еще и из пластмассы, то это означает двойную, тройную фальшивость». Подвергая сомнению подлинность американского фоторепортажа о покорении Луны, испанские комментаторы блога заявляют, что изображения космонавтов на ее поверхности являются более фальшивыми, чем пластиковый Иуда: «La foto de la luna <…> es más falsa que un judas de plástico» [22].

Во время традиционных весенних карнавалов на пасхальной неделе в Испании делают куклу Иуды. Ее сжигают, закидывают камнями, линчуют. В последние годы эта традиция несколько видоизменилась, чтобы не питать антисемитские настроения. Так, 24 мая 2008 года в Малаге соломенного Иуду заменили чучелом Уго Чавеса, воспринимаемым европейцами как средоточие зла. Повлиял на этот выбор и инцидент, произошедший между ним и испанским королем, когда последний, на иберо–американской встрече в верхах, довольно–таки резко оборвал венесуэльского президента и потребовал замолчать, сказав: «¿Por qué no te callas?» Газета «Diario Panorama» сообщает: «Un muñeco de seis metros de altura que representaba al presidente de Venezuela, Hugo Chávez, fue quemado hoy en la tradicional fiesta de la «Quema de Judas» en la localidad de El Burgo (provincia de Málaga, sur de España)». Перевод: Шестиметровое чучело, представлявшее президента Венесуэлы Уго Чавеса, было сожжено сегодня на празднике «Сожжение Иуды» в местечке Эль Бурго (Провинция Малага, на юге Испании) [23].

Широко распространены связанные с именем Иуды фразеологические выражения:

– ser más negro que el alma de Judas – быть чернее души Иуды;

---

[19] www.online–literature.com/.../benito–perez–galdos/.../26/

[20] http://www.ceninauku.ru/page_18252.htm

[21] http://www.esacademic.com/dic.nsf/sp_sp_dichos_refranes/1361/ser#sel=3:130,3:134

[22] http://www.ojocientifico.com/2011/04/12/las–mejores–fotos–de–astronautas

[23] http://www.diariopanorama.com/diario/impresa.php?ID=17484

– ser la piel de Judas – ser un demonio, ser un pequeño diablo, tener el diablo en el cuerpo (быть демоном, дьяволенком, скрывать в себе дьявола);

– ser más feo que Judas (быть уродливей Иуды), ser de fachada de Judas (иметь внешность (фасад) Иуды);

– tener más enredos que Judas [24]*. (быть более запутанным, чем Иуда).*

Испанцы считают, что Иуда был рыжеволосым. Этот «факт» известен всем носителям языка и обсуждению для них не подлежит. Поэтому сочетание el pelo de Judas/волосы Иуды указывает на рыжие волосы или – метонимически – на рыжеволосого человека. Кроме того, общепринятым является стереотипное представление о том, что Иуда был грязным, растрепанным, неаккуратным. Отсюда фразема parecer un Judas / букв. «казаться Иудой» должна трактоваться только в плане внешности, то есть ‘быть неряшливым, неопрятным’. Синонимичен ей оборот estar hecho un Judas / быть неряхой. В Латинской Америке шлейф Иуды разворачивается в своем, специфическом направлении, порождая автохтонные фразеологизмы типа ser el mismo pie de Judas / букв.: быть ступней Иуды и ser uno la pierna de Judas / быть ногой Иуды. В Гватемале, Перу и Чили эти фразеологизмы означают ‘быть озорным (проказливым); быть сущим дьяволенком (о ребенке)’.

Помимо души, кожи, волос, ступней и ног Иуды, фразеологическому переосмыслению в испанской языковой картине мира подверглись и его руки. В свое время широкое хождение в быту имело устройство для того, чтобы гасить свечи. Оно названо в словаре Королевской академии Испании «cierta especie de matacandelas, en forma de mano, que en la palma tiene una esponja empapada en agua, con la cual se apagaban las velas». Оно называется mano de Judas / рука (кисть) Иуды – уничтожающая свет (пламя свечи) металлическая рука, внутри которой – губка, намоченная водой. Вот какая мощная метафора может встретиться там, где меньше всего его ожидаешь: Иуда, отнявший у людей Сына Бога, аллегорией которого всегда был и будет свет, и вещь, функция которой состоит в том, чтобы гасить огонь → пламя → свет. В прессе руки Иуды нам встретились не в вещественном, а идейном, смысле. 11 января 2011 года в интернет–газете была напечатана статья под заголовком «En manos de Judas: Los lastres de nuestro futuro» (В руках Иуды. Преграда на пути к будущему). Далее идея заголовка расшифровывается: «El desarrollo económico de España en manos de una política corrupta y hedonista» [25] (Экономическое развитие Испании в руках коррумпированной и гедонистической политики). Образ Иуды снова несколько видоизменился: его наделили любовью ко всем удовольствиям жизни – гедонизмом и вполне объяснимой коррумпированностью, выступающей почти абсолютным синонимом продажности.

И в русском, и в испанском языке существует «иудино дерево». Только в русском, по словарю Даля, – это осина, а в испанском – это сикомор, фикус из семейства тутовых, который имеет еще одно наименование, парадоксальное: árbol de amor (дерево любви). Деревом любви его называют потому, что розовые цветы его в форме сердечек появляются на его ветвях раньше листьев. С Иудой его связывает легенда о том, что он повесился именно на этом дереве. Возможно, произошла чисто фонетическая трансформация словосочетания «дерево (из) Иудеи», где оно растет [26]. Пришел этот оборот в испанский язык скорее всего из французского – «arbre de Judée».

Если говорить о комплексе значений слова *Иуда*, то русские словари отмечают только одно устойчивое общепринятое значение – предатель. В испанских словарях их список таков (по diccionario.ru [27]):

1) иуда, предатель (так же, как в русском);

2) соломенное чучело, сжигаемое в конце Великого поста;

3) в Чили: *презр.* инспектор, ревизор.

---

[24] Отмечает в »Proverbial comparisons and related expressions in Spanish». Shirley L. Arora. (Shirley Lease Arora. 1977. 521 c.). London University of California Press, 1977. p. 242.

[25] http://christianhuergosanjose.blogspot.com/2011/01/en–manos–de–judas–los–lastres–de.html

[26] http://es.wikipedia.org/wiki/Cercis_siliquastrum

[27] http://www.diccionario.ru/

Н.В. Титаренко добавляет в этот перечень еще один пункт из словаря жаргонной лексики: ‘mirilla de la celda o circuito de control por televisión manejado por los funcionarios para vigilar a los presos’ (букв. глазок в камере или телевизионная система контроля, управляемая служителями с целью наблюдения за заключенными). Н.В. Титаренко указывает, что, хотя данное значение лексикографически зафиксировано, однако в узусе это «метафорическое название может носить любое средство, инструмент, с помощью которого можно донести на преступника, что отражает переосмысление фигуры Апостола Иуды как предателя» [28]. Жаргон сильно влияет на всеобщий узус, а семантика любого слова для его пользователя включает, помимо кодового содержания, еще и личностные, и групповые компоненты, развившиеся в определенной среде и в определенных условиях. Поэтому нередок сбой в восприятии, понимании и интерпретации одного и того же высказывания даже внутри одной лингвокультуры, при одноязычном общении. При межкультурном общении проблема динамической эквивалентности еще более усугубляется.

В целом в испанских переосмыслениях образа Иуды и соответственно слова *Иуда* чувствуется его более подробная концептуальная и образная разработка в вербальном мышлении испанцев по сравнению с русским узусом, то есть большая семантическая *ин*тенсивность. Что касается фразеологического ассортимента, то слово *Judas* в испанском языке образует около десятка идиом против практически одного русского: *поцелуй Иуды* (устаревший вариант – *лобзание Иуды*), и мы имеем дело также и с бульшей фразеологической *экс*тенсивностью по сравнению с русским языком.

Список использованной литературы

1. Benito Pérez Galdós. Los Episodios Nacionales. www.librosgratis.org/los–episodios–nacionales–de–benito–perez–galdos.html

2. Pequeño Larousse ilustrado. – La Habana : Instituto del libro, 1968.

3. Дубровина, К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.

4. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 808 с.

5. Левинтова, Э.И. Испанско–русский фразеологический словарь. – М. : Русский язык, 1985. – 1076 с.

6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М. : Гос. изд–во ин. и нац. словарей, 1961. – 900 с.

7. Титаренко, Н.В. Фразеологизм с компонентом–библеизмом: национально–культурное своеобразие (на материале русского и испанского языков) // Испания и Россия. Диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы : материалы междунар. науч.–практ. интернет–конф. – Красноярск : СФУ, 2011. – С. 44–49.

[28] Титаренко Н.В. Фразеологизм с компонентом–библеизмом: национально–культурное своеобразие (на материале русского и испанского языков): статья (Волгоград). www.conf.sfu–kras.ru/conf/spru/report?memb_id/

Раздел IV

Формирование коммуникативной и переводческой компетенции у студентов языкового вуза

УДК 81’255
ББК 81.07
К 687

С.А. Королькова, канд. пед. наук
(ВолГУ, Волгоград)

Переводческие ошибки: классификация и критерии оценивания в дидактике письменного перевода

Статья посвящена анализу существующих классификаций переводческих ошибок, критериям оценивания переводов в российской и зарубежной школах (ESIT, Сорбонна 3, Париж и Институт Мари Апс, Брюссель) и их применимости в обучении письменному переводу. В работе предлагается система оценивания, разработанная кафедрой теории и практики перевода ВолГУ.

классификация ошибок, критерии оценивания, смысловая ошибка, технологическая ошибка, языковая ошибка, формальная ошибка, вес ошибки

Основной целью обучения письменному переводу является формирование и развитие профессиональной компетенции переводчика. Этап оценки качества выполненного перевода является чрезвычайно значимым, поскольку профессионализм предполагает анализ, рефлексию, выводы. Самооценка достигнутого результата, как и объективная оценка переводов коллег, – одна из важных составляющих компетенции переводчика.

Наличие четких критериев оценивания перевода позволяет, во-первых, избежать «максимализма» и субъективности оценки со стороны преподавателя, оценивать смысловое соответствие перевода оригиналу – «полное отсутствие искажений денотативного содержания» [1] и его конвенциональность в ПЯ, во-вторых, это позволяет оптимизировать процесс рефлексии и самооценки студента, поскольку обеспечивает его непротиворечивой системой оценки переведенных текстов.

В дидактике письменного перевода вопрос о критериях оценки качества перевода не случайно остается недостаточно освещенным. Выработка классификации ошибок, как и предложение общей шкалы оценки перевода, является непростой задачей, детерминируемой субъективностью оценки, объективной многогранностью самого объекта оценивания и значительным разночтением в толковании самой природы ошибки среди специалистов в области преподавания письменного перевода.

Одной из первых наиболее подробно изложенных и обоснованных, в том числе с позиции роли оценивания качества перевода в процессе подготовки переводчиков, была классификация ошибок Л.К. Латышева и А.Л. Семенова. Прежде всего, авторы указывают, что все переводческие ошибки могут быть разделены на две группы: 1) ошибки в передаче исходного содержания и 2) ошибки, связанные с адаптацией содержания и формы текста на ПЯ к коммуникативной компетенции реципиентов [2].

Ошибки первой группы авторы делят на три категории: искажения, неточности и неясности. При этом искажение понимается как ошибка, искажающая смысл ИТ, при которой «ПТ вводит в за-

---

[1] Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М. : Всероссийский центр перевода, 2009. С. 109.

[2] Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2003. С. 164–171.

блуждение своего получателя относительно предмета сообщения»; неясность рассматривается как «функционально–содержательный изъян ПТ, в результате которого затемняется смысл переводного высказывания, достаточно четко выраженный в ИТ». Толкования неточности в рассматриваемой работе не приводится, но есть указание относительно того, что чаще всего «невозможно с точностью указать, искажение это или неточность».

Относительно ошибок второй группы исследователи указывают, что к этой группе относятся те ошибки, которые традиционно называются «буквализм» и «вольность». При этом авторы подчеркивают, что они подразделяются на ошибки функционально–содержательного и ошибки функционально–нормативного плана. Самыми частотными, с точки зрения авторов, являются буквализмы разнообразной природы. Типичными ошибками этой подгруппы являются нормативно–языковые, то есть «не зависящие от ситуации и темы общения нарушения правил функционирования языка», и узуальные, «несоответствие тому, как принято говорить в данной ситуации общения, или тому, как обычно говорят о данном предмете общения», к которым отнесены и функционально–стилистические, и нормативно–стилистические неадекватности. К этой группе относятся ошибки на сочетаемость лексических единиц, на употребление лексических единиц несоответствующей стилистической окраски или нарушения нормы соответствующего функционального стиля в ПЯ и «погрешности» стилистического характера – повторы, тяжелые конструкции и т.д. Что касается классификации ошибок, связанных с вольностью, авторы ограничиваются замечанием, что эти ошибки могут быть «конкретизированы через другие, более определенные градации переводческих ошибок» [3].

В предложенной шкале самой весомой ошибкой является *искажение*, которое может просто уничтожить весь перевод, оно классифицируется как «полная» ошибка и тянет на 0,5–1 балл при максимальной оценке в 5 баллов. При оценивании остальных ошибок авторы рекомендуют дифференцированный подход в зависимости от их негативного влияния на качество всего ПТ, но не более 0,5 балла.

Важным с методической точки зрения является замечание Л.К. Латышева и А.Л. Семенова о том, что при оценивании перевода преподаватель прежде всего должен отметить удачные и оригинальные переводческие решения, за которые ему следует прибавить к оценке до 1 балла. Другой ценной рекомендацией является необходимость ознакомления студентов с той классификацией ошибок и шкалой оценивания, которыми руководствуется преподаватель при оценивании выполненных переводов. Прежде всего их наличие обеспечивает заранее известные и согласованные критерии оценки, что позволяет преподавателю и студенту достигать взаимопонимания в процессе обсуждения.

Таким образом, классификация ошибок и шкала оценивания, предложенные Л.К. Латышевым и А.Л. Семеновым, являются существенным вкладом в методику обучения письменному переводу, однако недостаточная ясность в характеристиках ошибок, с одной стороны, и преувеличенная роль «интуиции и опыта» преподавателей перевода, с другой стороны, обусловливают определенные ограничения на их использование в практике преподавания перевода.

Н.К. Гарбовский в своей работе «Теория перевода» (2004) также рассматривает вопрос типологии переводческих ошибок, релевантных как для оценивания качества профессионального перевода, так и для процесса обучения, поскольку такая типология позволяет вскрыть причину каждой ошибки переводчика/ студента и, следовательно, развивать и совершенствовать профессиональную переводческую компетенцию. В систематизированном виде причинами переводческих ошибок могут быть:

– недостаточное владение языком оригинала;

– недостаточный запас экзистенциональных знаний и знаний в предметной области ИТ;

– невнимательное отношение к системе смыслов ИТ и авторской позиции;

– неумение различать особенности индивидуального стиля автора ИТ.

Причиной переводческой ошибки, по мнению автора, может быть как неверная расшифровка смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильный выбор знаков в пере-

[3] Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод ... С. 164–171.

водящем языке для оформления единицы перевода, что позволяет автору выдвинуть следующую классификацию ошибок:

– ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста;

– ошибки понимания на уровне «знак–понятие»;

– ошибки понимания на уровне «знак–сложное понятие»;

– ошибки понимания на уровне «знак–суждение»;

– ошибки понимания предметной ситуации;

– ошибки на этапе перевыражения системы смыслов;

– стилистические ошибки [4].

Следует отметить, что при всей своей стройности данная классификация переводческих ошибок не вполне функциональна в оценке качества ПТ в процессе обучения письменному переводу, поскольку не содержит указания на «вес» ошибок отдельного типа в общей оценке перевода и не учитывает еще недостаточной готовности студентов к критическому анализу результатов перевода, их потребности в более четких ориентирах.

И.С. Алексеева в приложении к пособию по письменному переводу также дает свою классификацию переводческих ошибок. Всего автор выделяет 7 типов ошибок, связанных с неумением «применять переводческие приемы для воплощения стратегии перевода текста»:

– ошибка в выборе однозначного соответствия (термины и пр.);

– ошибка в порядке слов русского языка;

– ошибка в грамматике русского языка (в выборе грамматической трансформации);

– отсутствие необходимой трансформации;

– ошибка в выборе вариантного соответствия (нарушение стилевого регистра; семантики; сочетаемости);

– ошибка в соблюдении стилистической нормы русского языка;

– оформление текста; полнота текста [5].

Однако автор воздерживается от более подробного комментария выделенных типов ошибок, ограничиваясь их иллюстрацией на примере разбора конкретного студенческого перевода. К сожалению, И.С. Алексеева не дает также и шкалы оценивания перевода, то есть «веса» переводческой ошибки. С нашей точки зрения, данная классификация страдает отсутствием четких критериев и некоторой сумбурностью: например, 7–й тип ошибки объединяет ошибку формального уровня и ошибку смыслового уровня.

Одной из актуальных работ данной проблематики стал коллективный труд «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок» (Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев), посвященный комплексному рассмотрению проблемы оценки качества перевода и квалификации ошибок. Центральным понятием данного исследования выступает понятие переводческой ошибки, на основе которого рассматриваются виды, группы и категории ошибок и их удельный вес в оценивании качества перевода специального текста. Авторы рассматривают проблему оценки качества специального профессионального перевода, однако выдвигаемые положения могут быть экстраполированы и на другие виды дискурса, а также на процесс обучения письменному переводу в целом.

Под переводческой ошибкой в рассматриваемой работе понимаются все недостатки перевода: смысловые искажения, стилистические погрешности и иные недочеты, «имеющие малосущественный характер» [6]. Авторы выделяют следующие группы ошибок:

1) ошибки, связанные с денотативным содержанием текста;

2) ошибки, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала;

3) ошибки, связанные с передачей коннотации;

4) нормативные и узуальные ошибки в ПТ.

---

[4] Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. : Изд–во Моск. ун–та, 2004. С. 514–536.

[5] Алексеева И.С. Письменный перевод. Немецкий язык : учеб. СПб. : Союз, 2006. С. 353.

[6] Бузаджи Д.М. и др. Новый взгляд на классификацию … С. 32.

Понятие ошибки соотносится, по мнению авторов, с концепцией эквивалентности и адекватности, что позволяет дифференцировать ошибки по степени серьезности, то есть их «веса» в качестве оцениваемого перевода, поскольку переводческие ошибки отражают «признанные универсальные логические, структурные, семантические категории текста».

Самыми «тяжелыми» с точки зрения их «веса» являются *ошибки первой группы 1–й категории* – немотивированные опущения, добавления, замены на лексическом и лексико–грамматическом уровне, поскольку «при большом числе подобных денотативно–смыслоискажающих ошибок весь текст перевода … можно считать неадекватным оригиналу». При этом отмечается, что следует отличать от ошибок мотивированные опущения, добавления, замены, предпринятые переводчиком для достижения необходимой прагматической эквивалентности (и, следовательно, адекватности перевода) и оцениваемые авторами положительно.

Ошибки первой группы 2–й категории (денотативно–несмыслоискажающие) – неоправданное изменение прагмастилевых доминант, отклонения от нормативного или узуального порядка слов в ПЯ, неверный выбор логико–синтаксической связи – приводят к сбоям в понимании текста перевода, который не может быть адекватным тексту оригинала. В этом случае страдает прагматика текста перевода. Данные ошибки по своей значимости стоят, по мнению авторов, на второй позиции, но большое количество подобных ошибок свидетельствует о недостаточной квалификации переводчика.

Ошибки второй группы включают в себя нарушения в передаче функционально–стилевых или жанровых особенностей текста, калькирование оригинала и нарушение узуса ПЯ и свидетельствуют прежде всего о слабом уровне межстилевой языковой компетенции в контактирующих языках и затем о неверных переводческих установках. Данная группа ошибок стоит на третьей позиции по степени значимости и либо затрудняет, либо искажает восприятие функционально–стилистической формы текста, что может привести к нарушению адекватности перевода ИТ. Подобные ошибки свидетельствуют о недостаточной переводческой квалификации и слабой стилевой компетенции в родном языке [7].

Ошибки третьей группы, связанные с передачей коннотаций, подразделяются на ошибки, связанные с передачей экспрессивного фона оригинала, и ошибки, связанные с передачей авторской оценки как таковой. И хотя «вес» этих ошибок на порядок меньше предыдущих, они могут приводить к серьезным сбоям в коммуникации, так как средства коннотации и авторской оценки образуют в тексте систему, которая выходит на уровень текста, и большое количество данных ошибок ставят под вопрос адекватность переводного текста. По мнению авторов, они указывают на недостаточное внимание к нюансам оценочно–текстовой информации и неумении осмыслить проблему оценки на системном уровне.

Четвертая группа объединяет ошибки, связанные с нарушениями нормы и узуса: ошибки, связанные с нарушением орфографических и пунктуационных норм ПЯ; ошибки в переводе имен собственных; неверная передача транскрибируемых иностранных слов; ошибки стилистические, связанные с использованием слов, словоформ, словосочетаний и конструкций, не соответствующих норме ПЯ; ошибки в передаче специфических видов цифровых данных (графический буквализм); несоблюдение правил оформления данного типа текста в ПЯ. Данная группа ошибок достаточно неоднородна, но объединяет их тот факт, что точкой отсчета является текст перевода, а не ИТ. Значимость таких ошибок, по мнению авторов, минимальная в общей шкале оценивания, однако их большое количество снижает рецептивные качества текста перевода и указывает на незнание нормы и узуса ПЯ и правил оформления данного типа текста, то есть свидетельствует о недостаточной профессиональной квалификации переводчика.

Система оценки качества перевода в профессиональной деятельности включает, помимо вышеперечисленных критериев, учет условий заказа (например, срочность, что неизбежно сказывается на качестве). Следовательно, допустимое количество переводческих ошибок является величиной относительной и имеет рекомендательный характер. Тем не менее, «предложенная классификация

[7] Бузаджи Д.М. и др. Новый взгляд на классификацию … С. 34, 51–53, 59–60.

переводческих нарушений может стать универсальной терминологической базой для построения стандартов качества перевода» [8]. Данная классификация переводческих ошибок заслуживает самой высокой оценки, однако в ней присутствуют некоторые противоречия применительно к процессу обучения, требующие дополнений и уточнений.

Интересной и адекватной задачам обучения переводу представляется система оценивания качества перевода, разработанная преподавателями Института перевода имени Мари Апс при Лувенском университете (Бельгия). При оценивании перевода выдвигаются три группы ошибок, связанных со следующими параметрами:

– точность смысла высказывания – полная адекватность ИТ и ПТ;

– качество перевыражения – соответствие ПТ конвенциям ПЯ;

– адекватность коммуникативной ситуации – учет особенностей реципиента ПТ.

В каждой группе авторы выделяют собственные категории, которые позволяют подробно квалифицировать каждую студенческую ошибку.

Первую группу составляют ошибки, следующие в порядке убывания их «веса»:

– грубая смысловая ошибка (полное искажение смысла, логическая ошибка, обратный смысл);

– макротекстуальная смысловая ошибка (влияет на весь смысл ПТ); микротекстуальная (влияет на смысл ближайшего контекста в ПТ); незначительная смысловая ошибка (неточность, неправильная коннотация, утрата нюансов);

– добавления;

– опущения;

– двусмысленность.

Вторая группа включает следующие ошибки:

– грамматические (согласования, число, род, артикли, предлоги, спряжение, наклонения, союзы, согласование времен, когезия текста);

– лексические/терминологические (калькирование, «ложные друзья», словарное или терминологическое несоответствие, языковая интерференция);

– фразеологические (злоупотребление или недостаточное владение фразеологией, калькирование или неправильное употребление фразеологизма, злоупотребление/недостаточное использование транформаций, буквализмы);

– орфография/пунктуация;

– стилистические (регистр, авторский стиль).

Третья группа – это прагматические ошибки, связанные с игнорированием пожеланий клиента, культурных особенностей и текстовых конвенций.

В шкалу оценивания качества перевода также внесена позиция – дополнительные баллы за качество перевода, параметры «отличного» перевода – обоснованный и/или творческий перевод, абсолютная когерентность текста, креативность в поиске переводческих решений, исчерпывающая информационно–поисковая деятельность, – что позволяет преподавателю стимулировать студентов, добросовестно относящихся к процессу обучения.

Особый интерес представляют размышления Женевьевы Блонди–Мошан, руководителя отделения письменного перевода ESIT, о системе оценивания качества перевода [9]. По мнению Ж. Блонди–Мошан, наличие четкой системы оценивания студенческих переводов позволяет, во–первых, определить уровень компетенции обучающихся, что важно для понимания соответствия структуры и методов обучения требованиям рынка труда; во–вторых, четкость системы оценивания качества перевода помогает студенту выявить свои типичные ошибки и понять пути их преодоления, то

[8] Бузаджи Д.М. и др. Новый взгляд на классификацию … С. 60–69, 112.

[9] Blondy–Mauchand G. L'évaluation, une composante dynamique de l'enseignement de la traduction // la Théorie Interprétative de la Traduction III. De la Formation à la pratique professionnelle. Paris–Caen : Lettres modernes minard, 2005. P. 103–115.

есть овладеть самодиагностикой через сопоставление собственного перевода с переводами коллег и со средней нормой, устанавливаемой предложенной системой оценивания.

Важным представляется тот факт, что на каждом году обучения применяются различные критерии оценивания перевода. Если на первом году обучения главным критерием является усвоение/неусвоение метода перевода, то есть интерпретативной модели в приложении к письменному переводу, на втором году обучения на первый план выходят «навыки перевыражения», то есть владение текстотипологической компетенцией, то на третьем году обучения главный критерий – это профессионализм перевода [10]. Однако мы полагаем, что данная система также страдает расплывчатостью формулировок и отсутствием прозрачности, хотя замечание о необходимости «соучастия» оценивающего и оцениваемого в процессе обучения абсолютно справедливо. Такое «соучастие» позволяет создать атмосферу взаимопонимания и сотрудничества и лучше подготовить студента к будущей профессиональной деятельности.

Анализ работ отечественных и зарубежных переводоведов, обмен опытом с бельгийскими и немецкими коллегами, а также многолетний собственный опыт кафедры теории и практики перевода Волгоградского госуниверситета позволяют обобщить существующие положения и предложить следующие критерии оценки качества письменного перевода, которыми преподаватели кафедры руководствуются в преподавании письменного перевода более 10 лет:

1. Соблюдение/несоблюдение правил оформления текста перевода (указание направления перевода, исполнителя перевода, обозначение источника и страниц оригинала).

2. Передача/непередача графических особенностей текста оригинала при оформлении текста перевода (графическое выделение значимой информации, выделенной в тексте оригинала; выделение абзацев и заголовков; оформление сносок, сокращений).

3. Полное/неполное выполнение перевода (наличие/отсутствие пропусков в тексте перевода).

4. Соблюдение/несоблюдение конвенций и стиля определенного типа текста.

5. Правильная/неправильная передача тема–рематической структуры оригинала.

6. Использование адекватной/неадекватной технологии перевода.

7. Правильная/неправильная передача смысла текста оригинала.

8. Наличие/отсутствие нарушений нормативно–языкового плана.

Данные критерии оценки качества выполненного обучающимся перевода требовали конкретизации, и преподавателями кафедры теории и практики перевода ВолГУ было предложено толкование ошибок с учетом их «веса» в системе оценивания качества перевода (Табл. 1).

Таблица 1.

Толкование ошибок по письменному переводу

Вид ошибки	**Классификация ошибок**	**Толкование ошибки**	**Объем ошибки**
1	2	3	4
Смысловая ошибка (нарушение инварианта)	*Грубая смысловая ошибка (полное искажение смысла оригинала)*	Неправильная передача ключевой информации вследствие неправильного толкования смысла оригинала	1,0 балл
	Смысловая неточность	Неоправданное опущение или добавление уточняющей и дополнительной информации	0,5 балла
		Нарушение в передаче грамматического значения, модальности, тема-рематического членения предложения, приводящее к смысловой неточности	0,3 балла

[10] Blondy–Mauchand G. L'évaluation ... P. 110–111.

Технологическая ошибка (нарушение технологии перевода)	*Грубая технологическая ошибка*	Неиспользование необходимых переводческих трансформаций/приемов	0,3 балла
		Немотивированное использование переводческих трансформаций/приемов	0,3 балла
	Незначительная технологическая ошибка	Неадекватное использование переводческого приема	0,25 балла
		Неадекватное использование лексической трансформации	0,25 балла
		Неадекватное использование морфологической трансформации	0,25 балла
		Неадекватное использование синтаксической трансформации	0,25 балла
Языковая ошибка (нарушение норм ПЯ)	*Грубая лексическая ошибка*	Ошибка в передаче основного или контекстуального значения слова	0,3 балла
	Незначительная лексическая ошибка	Нарушение норм сочетаемости слов	0,25 балла
	Грамматическая ошибка	Нарушение грамматических норм ПЯ, не приводящее к искажению смысла оригинала	0,25 балла
	Грубая стилистическая ошибка	Грубое нарушение стиля или конвенций определенного типа текста	0,3 балла
	Незначительная стилистическая ошибка	Неудачный выбор слова, не влияющий на точность передаваемой информации	0,25 балла
	Синтаксическая ошибка	Нарушение синтаксической структуры предложения ПЯ, не влияющее на точность передаваемой информации	0,25 балла
	Орфографическая ошибка	Неправильное написание слова ПЯ	0,1 балла
	Пунктуационная ошибка	Несоблюдение правил пунктуации ПЯ	0.1 балла
1	2	3	4
Формальная ошибка (нарушение правил оформления текста перевода)	*Грубая формальная ошибка*	Наличие в тексте перевода более двух пропусков	0,3 балла
		Неправильная передача графических особенностей текста оригинала (выделение абзацев не соответствует оригиналу, не оформлены сноски, сокращения, заголовки или др. графические выделения, имеющиеся в оригинале)	0,25 балла
	Незначительная формальная ошибка	Указание в тексте перевода нескольких вариантов передачи оригинала	0,1 балла
		Несоблюдение правил оформления текста перевода (отсутствие данных об исполнителе перевода, обозначения направления перевода, источника и страниц оригинала)	0,1 балла

При оценивании качества перевода в процессе обучения письменному переводу обучающий и обучаемый должны также иметь четкие критерии, которые, с одной стороны, позволяют преподавателю избежать максимализма и субъективности, а с другой стороны, помогают студенту понять сущность самой технологии перевода и выработать критерии качества перевода. Опираясь на собственный опыт, разработанную классификацию ошибок и существующие критерии, мы предлагаем следующую таблицу оценивания студенческих переводов.

Справочная таблица оценок по письменному переводу

Оценка	**Возможные ошибки**				**Сумма допущенных ошибок**
	смысловые	**технологические**	**языковые**	**формальные**	
«Отлично»	отсутствуют	имеются	имеются	имеются	до 2 полных
«Хорошо»	1	имеются	имеются	имеются	до 4 полных
«Удовлетворительно»	2	имеются	имеются	имеются	до 6 полных
«Неудовлетворительно»	более 2	имеются	имеются	имеются	более 6 полных

Важным моментом при обучении, как уже отмечалось, является прозрачная и понятная как обучающим, так и обучающимся классификация ошибок и система оценивания, которая с одной стороны позволяет избегать субъективности оценки со стороны преподавателя, с другой – помогает обучающимся выходить на уровень рефлексии при анализе сначала чужих, а затем собственных переводов.

Список использованной литературы

1. Алексеева, И.С. Письменный перевод. Немецкий язык : учеб. – СПб. : Союз, 2006. – 368 с.

2. Бузаджи Д.М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок [Текст] / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев. – М. : Всероссийский центр перевода, 2009. – 119 с.

3. Гарбовский, Н.К. Теория перевода. – М. : Изд–во Моск. ун–та, 2004. – 544 с.

4. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие [Текст] / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 192 с.

5. Blondy–Mauchand, G. L'évaluation, une composante dynamique de l'enseignement de la traduction // la Théorie Interprétative de la Traduction III. De la Formation à la pratique professionnelle. – Paris–Caen: Lettres modernes minard, 2005. – P. 103–115.

УДК 81’243
ББК 81.432.1
У 804

Е.С. Устинова, канд. пед. наук
(Рязань)

Роль и место парафраза в формировании коммуникативной компетенции у студентов языкового вуза

В статье сопоставляется объем понятий «парафраз» и «перифраз(а)», обобщаются функции парафраза как средства повышения эффективности общения и как познавательного инструмента, а также предлагается типология заданий по развитию умений, связанных с парафразом.

парафраз, перифраз(а), универсальное умение, риторический прием, стилистический регистр, коммуникативная функция, типология заданий

Статья посвящена уточнению функций парафраза и специфике работы над формированием этого универсального, «сквозного» умения, в равной мере важного во всех видах речевой деятельности, на всех ступенях обучения как для студентов–филологов педагогического профиля, так и для будущих лингвистов–переводчиков.

Прежде всего уточним объект исследования, для чего необходимо сопоставить понятия «парафраз» и «перифраз» (он же – «перифраза»). Последний обычно трактуется как троп, «состоящий в замене названия предмета описательным оборотом с указанием его существенных характеристик, признаков») [1]. И.Р. Гальперин дает определение, в большей степени соответствующее тропеической сущности перифразы: «Прием, состоящий в использовании витиеватой фразы («… a long phrasing») вместо более простого и компактного выражения. Он также именуется как «многоречивость», поскольку использует иносказание для обозначения знакомого предмета или явления» [2] (*перевод мой – Е.У.*). При такой трактовке в перифразе обязательно предполагается наличие ассоциативного компонента. В трактовке же И.В. Арнольд перифраза может выполнять и чисто логические функции. Определение И.В. Арнольд включает оба сопоставляемых явления (парафраз и перифразу), в то время как определение И.Р. Гальперина позволяет развести их. Итак, перифразом(–ой) мы будем называть стилистический прием, основанный на том или ином виде ассоциации и использующийся для повышения эффективности высказывания, а парафразом – переложение исходного высказывания на иной вербальный код того же языка, то есть логическое риторическое средство, позволяющее *выразить мысль иным способом, более соответствующим задачам коммуникации*.

В этом смысле структурно аналогичные замены прямой номинации описательной фразой могут быть отнесены к разным явлениям. Так, в исследовании Л.В. Лагуновой [3] приводятся примеры, безусловно, относящиеся к перифразе: «салют гвоздик» (букет) или «распорядитель света» (светофор). Однако рядом находим сугубо логические замены: «ночное светило» (луна) или «стражи правопорядка» (полицейские). Два последних примера не являются перифрастическими в трактовке И.Р. Гальперина. Итак, перифраза дает образ, а парафраз – логическое объяснение. Соответственно, основная функция перифразы – эстетическая (повышение экспрессивности высказывания), а первоочередная функция парафраза – прагматическая.

---

[1] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта. Наука, 2002. С. 130.

[2] Galperin I.R. Stylistics. M., 1977. P. 169.

[3] Лагунова Л.В. Использование перифразы при подготовке студентов филологических специальностей к педагогической практике // Российский научный журнал. 2009. № 5. С. 164–168.

В этом смысле, *парафраз и перифраза и близки, и противоположны друг другу*. Оба основаны на переформулировании исходного понятия или суждения; оба могут использоваться во избежание монотонности речи, чтобы не потерять интерес слушающего (читающего). Оба могут быть близки структурно (например, существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже).

Однако в перифразе, как отмечает И.Р. Гальперин, ссылаясь на Р. Элтика, многоречивость затемняет истинный смысл («circumlocution obscuring truth») [4]. Тем самым перифраза затрудняет уяснение смысла и заставляет читателя замедлить чтение, дабы вникнуть в смысл сказанного и оценить его экспрессивность. В той или иной степени перифраза – своеобразная «загадка» для реципиента, особенно если это не клишированное выражение, как «*my better half*», а оригинальное. Так, Ч. Диккенс говорит о новорожденном ребенке: He *lay gasping on a little mattress***,** *rather unequally poised between this world and the next, the balance being decidedly in favour of the latter* (*…находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего*) (перевод А.В. Кривцовой [5]), то есть младенец мог и не выжить. Задача парафраза, напротив, состоит, как правило, в *высветлении* смысла высказывания, то есть он призван снять недомолвку, недопонимание. Например: *He has few verbal inhibitions. I mean, he is not above using profanity. That is, he sometimes resorts to vulgarisms of the worst kind / taboo words/ obscene language.* Таким образом, *для парафраза* изначальное требование – *точность* оформления мысли, а *экспрессивность* для него – *характеристика факультативная*, обусловленная спецификой коммуникативной ситуации.

Нередко в художественной перифразе *развернутая характеристика предмета или действия эквивалентна единственному слову*, причем высокопарность изложения служит созданию юмористического эффекта. В рассказе «The Voice of the Turtle» [6] С. Моэм говорит о талантливой, но меркантильной и вульгарной оперной диве: «*She then called me a name which a lady does not habitually apply to a gentleman who, whatever his faults***,** *has never had his legitimacy called in question». =* «*Тут она отпустила по моему адресу эпитет, неприемлемый по отношению к джентльмену, который, при всем своем несовершенстве, никогда не давал оснований усомниться в законности своего происхождения*» ... (перевод мой – Е.У.)» Здесь обыгрывается имплицированное слово «*bastard*» как вульгаризм «*ублюдок, подонок*» и как «*незаконнорожденный ребенок»*. Студенты не сразу догадываются, какой эпитет употребила героиня, настолько напыщенно звучит перифрастический оборот. Этот прием понадобился автору для достижения эффекта отчужденной самоиронии, ибо повествователь находится *внутри* фабульного пространства и одновременно *вне* его – он наблюдает за противоречиями человеческой сущности подобно естествоиспытателю, поэтому бранное слово скорее забавляет его, нежели оскорбляет.

Парафраз же, в отличие от художественной перифразы, чаще всего *примерно соответствует по длине исходному сообщению*, хотя отнюдь не обязательно. Он может развертывать сообщение для его большей эксплицитности или, напротив, компрессировать его, если требуется сжатое резюме сказанного. Таким образом, парафраз может функционировать как часть сложных речевых умений краткого изложения сообщения или объяснения его подразумеваемого смысла.

Еще одно отличие двух приемов состоит в том, что перифраза *заменяет* исходное слово или выражение, а парафраз чаще *соседствует* с оригиналом, *дополняя* его. Именно это всегда происходит в устном дискурсе, когда говорящий обнаруживает, что его не понимают или интерпретируют не так, как следует. Однако парафраз, как и перифраза, может заменять исходное высказывание в случаях, обусловленных требованиями функционального стиля. Например, юрист, формулирующий завещательное распоряжение, перелагает устное волеизъявление клиента на язык юридичес-

---

[4] Galperin I.R.. Stylistics ... P. 171.

[5] Диккенс Ч. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1958. С. 12.

[6] Maugham S. Sixty–Five Short Stories. L. : Octopus Books Limited, 1988.

кой терминологии, а преподаватель, препарирующий исходный текст для школьников, прибегает к парафразу–адаптации.

Кроме того, перифраза практически всегда *стилистически маркирована*, парафраз же может (хотя и не обязан) быть *нейтральным*. Нейтрализуя исходное сообщение, парафраз функционирует в единстве с умениями соотносить различные стилистические регистры лексики и синтаксиса, а также адаптировать сообщение с учетом языкового уровня реципиента.

Парафраз и перифраза по–разному используют аллюзии. Парафраз может опираться на интертекстуальность как на нечто хорошо знакомое или же, адаптируя текст–источник, компенсировать имплицитность аллюзии, чтобы опять–таки сделать смысл *понятнее.* Так, в романе С. Моэма «Cakes and Ale» повествователь с иронией отмечает, что встреченный им знакомый спешил неизвестно куда и зачем, не замечая ничего вокруг: «*He sped like Hector flying, the noblest of the Greeks*». Парафраз–адаптация этой повествовательной детали, вероятно, потребует *экспликации* из–за многозначности глагола «fly» и неоднозначности ситуации, на которую делается намек, например: «*He ran at full speed, like Hector escaping from Achilles under the walls of Troy*». В перифразе же аллюзия – это *способ стилистического выдвижения*, нередко участвующий в конвергенции, когда на одном участке текста в один пучок сходятся несколько приемов для совместного достижения эффекта. Например, персонаж повести Дж.Даррелла, имевший неосторожность упасть в оросительную канаву, отвечает на вопрос о своем самочувствии:

«*Are you all right? – I'm fine. Simply fine. Never enjoyed myself more. Apart from a slight touch of pneumonia, a ricked back, and the fact that one of my shoes lies full fathoms five, I'm having a wonderful time*.» [7]

Язвительная ирония потерпевшего усилена гиперболой («*Never enjoyed myself more.»*), перечислением и аллюзивной поэтической перифразой, заимствованной из «Бури» Шекспира: «*Full fathom five thy father lies*», причем перифраза также гиперболична, ибо утраченный башмак представлен как погребенный не в мелкой илистой канаве, а на глубине пяти морских саженей, то есть более 9 метров.

Однако *иногда и парафраз может служить приемом стилистического выдвижения*. В сказке Р. Киплинга «Откуда у леопарда пятна» [8] два друга, Леопард и Эфиоп, отчаявшись найти добычу, обращаются к мудрому Павиану:

«Said the Leopard to Baviaan (…), *'Where has all the game gone*?' (…) Said Ethiopian to Baviaan, *'Can you tell me the present habitat of the aboriginal Fauna*?» В данном случае нейтральный вопрос «*Куда исчезла вся дичь?»* парафразируется как «*Укажите, пожалуйста, новую среду обитания местной фауны*». Благодаря иронической авторской оценке «занаученности» высказывания («*That meant just the same thing, but the Ethiopian always used long words. He was a grown–up.»)* парафраз функционально смыкается с перифразом. Лингвистическим механизмом стилистического выдвижения в данном случае становится подчеркнуто литературный регистр.

Парафраз – это одно из тех речевых умений, которые цементируют разнообразные компетенции, входящие в общую коммуникативную компетенцию.

Парафраз как часть *лингвистической компетенции* связан с установлением смыслового тождества высказываний, выраженных разными языковыми единицами: «*Сотрудничество будет осуществляться в следующих формах…» = «В рамках партнерства планируются следующие виды деятельности…»*. Кроме того, именно в лингвистическом аспекте парафраз используется в целях языковой экономии, когда практически тот же семный набор «упаковывается» в более компактную форму.

Парафраз как часть *социолингвистической компетенции* учитывает возможность использования тех или иных формул общения в данной ситуации. Например, в какой ситуации

---

[7] Durrell Gerald. My Family and Other Animals. M. : Высшая школа, 1987. 91.

[8] Kipling R. Just So Stories. Л. : Просвещение, 1978. P. 49.

допустимо сказать: «*Вношу предложение сделать десятиминутный перерыв, если нет возражений*», а в какой – «*Может быть, чуть–чуть отдохнем, хоть минут десять, ладно?».*

Парафраз как часть *социокультурной компетенции* учитывает реалии культуры страны на конкретном этапе ее развития. Ср.: «*Он был приговорен к смерти*» и «*Он был приговорен к высшей мере наказания*». Высказывания могут быть тождественны или нетождественны с учетом законодательства страны на данном этапе. Кроме того, парафраз обеспечивает адаптацию культурного опыта: «*около десяти футов в ширину» – «приблизительно метра три в ширину*».

Парафраз как часть *стратегической (дискурсивной)* компетенции выполняет целый ряд функций:

– уточнение собственной мысли, если вас не понимают: *Я хочу сказать, что ...;*

– уточнение мысли говорящего: *Иными словами, имеете ли вы в виду, что ...?* (Здесь, в свою очередь, могут преследоваться разные коммуникативные цели – от облегчения задачи собеседника, который сам не в силах дать точную формулировку [9], до делегирования автору ответственности за сказанное, во избежание конфликтов, вызванных намеренным или случайным искажением позиции собеседника [10]);

– стремление избежать монотонных повторов: *воздать должное – отдать дань уважения – признать выдающиеся заслуги;*

– достижение нужного тона, – например, торжественного или непринужденно–разговорного;

– подхват реплик собеседника: *Я понимаю вас. Вы чувствуете, что …* . Об этой функции парафраза психологи говорят как о средстве поддержания общения с собеседником, плохо вступающим в контакт, и о завоевании его доверия [11];

– переложение мысли автора первоисточника во избежание обвинений в плагиате; эта функция парафраза заслуживает отдельного исследования, прежде всего в лингводидактическом аспекте, поскольку плагиат в студенческих работах (в частности, в иноязычных эссе) объясняется не только недобросовестностью, но и некоторой размытостью границ между приемлемыми и неприемлемыми способами изложения чужих мыслей.

Можно указать и на менее типичные, но не менее эффективные парафрастические употребления. Например, одно из них служит целям иронии за счет деметафоризации исходного высказывания, восстановления его буквального смысла. Так, в художественном эссе «Frenzied Fiction» [12] С. Ликок, высмеивая литературные клише, комментирует расхожий штамп «*Everything sank within her*» следующим образом: «That last means, I think, that *something had come unhooked*.»

Другой пример употребления парафраза – это семантический повтор с целью эмфазы: «*These aren't your sons, old man … I don't know what you see here… But these are nothing … less than nothing … has–beens, wash–outs, semblances… a pathetic vision of a better life»* [13]. Заметим, что в подобных случаях становится весьма зыбкой грань между парафразом (или окказиальной синонимией, если замена осуществляется на уровне слова), с одной стороны, и перечислением, с другой стороны, поскольку в подобных контекстах нередко сочетаются и повторяющиеся, и варьирующиеся смысловые компоненты: «Already in this first half–hour of bombardment hundreds upon hundreds of men would have been violently *slain, smashed, torn, gouged, crushed, mutilated*.» [14]. Сема «*destruction*» присутствует во всех единицах, а несовпадающие семы подчеркивают, сколь изобретателен Homo militaris в уничтожении своих ближних.

---

[9] Evans A. D., Roberts K.P., Price H.L. and Stefek C. The Use of Paraphrasing in Investigative Interviews. http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/2/9/4/7/p229477_index.html

[10] Анонимный источник. http://project.megarulez.ru/forums/showpost.php?p=37&postcount=3

[11] Аракелян С. Способы управления беседой. http://cosmoacs.ru/Default.aspx?t13=13&t1=4

[12] Leacock Stephen. Perfect Lover's Guide and Other Stories. M. : Foreign languages Publishing House, 1958. P. 274–275.

[13] Storey David. In Celebration. L. : Penguin Books, 1977. P. 86–87.

[14] Aldington R. Death of a Hero // В кн. : И.В. Арнольд, Н.Я. Дьяконова. Three Centuries of English Prose. Л., 1967. С. 298.

Подчеркнем, что в языковом вузе, работая над эффективностью высказывания, следует подключать оба типа переложения исходного высказывания, – и парафраз, и перифразу. Однако парафраз – более *универсальное умение, лежащее в основе восприятия и формулирования высказываний во всех видах речевой деятельности.* Парафраз, как и перевод, связан с механизмом эквивалентных замен во внутренней речи, ибо предполагает разрушение исходной формы и воссоздание существенного набора сем и прагматики сообщения в новом коде. В этом смысле *парафраз – это внутриязыковой перевод* [15], и учить ему надо с самого начала обучения в языковом вузе.

Целый ряд коммуникативных риторических умений, в том числе и умение парафраза, можно начинать формировать на родном языке, параллельно с развитием базисных иноязычных навыков – произносительных, интонационных и лексико–грамматических. Это, в частности, может быть парафраз возвышенных или сниженных высказываний нейтральными языковыми средствами. А прежде чем студенты сделают это сами, желательно предложить рецептивную задачу на опознание тона (регистра) высказываний, передающих одну и ту же мысль. Например: *Она ослепительно хороша* (лит.). – *У нее потрясающая внешность* (разг.).

Другой тип рецептивного задания на родном языке – оценить полноту представленности исходной информации в парафразе и показать, как тот или иной компонент смысла воссоздается в ином коде. Например: *Графиня не имела ни малейшего притязания на красоту, давно увядшую* (А. Пушкин). – *Графиня более не претендовала на то, чтобы ее внешностью восхищались* (утрачен смысловой компонент «давно», в то время как компонент «увядшую» компенсируется лексемой «более»). Параллельно идет работа над воссозданием синонимов лексических единиц, отличающихся стилистическим регистром (*почивать – спать – дрыхнуть* и т.п.), над семным анализом пар слов, не полностью синонимичных (*равнодушный – безучастный, сияние – мерцание* и пр.). В результате парафраз как продуктивное умение формируется в условиях рефлексии, самооценки по заданным параметрам, что позже обеспечивает его перенос на иноязычную речевую деятельность.

Парафраз на иностранном языке вначале практикуется на нейтральном базовом лексико–грамматическом материале, но принцип тот же – от рецептивных заданий к рецептивно–репродуктивным. Собственно продуктивные, творческие задания (парафраз без опоры) вначале вообще не даются, пока студенты не овладели всеми иноязычными звуками и базовым лексико–синтаксическим материалом.

Примеры рецептивных заданий:

● Do these people agree with each other? E.g.: *I take little pleasure in playing hide–and–seek. – Playing hide–and–seek is not fun any more*. Or*: I can't feel sorry for such people. – I can't help pitying people of this kind.*

● Which of the three speakers agree with each other? The first and the second? The first and the last? The last two? All the three? None?

– I can live comfortably without watching TV.

– I could happily get on without a TV–set.

– I could hardly do without television.

Рецептивно–репродуктивное задание, вытекающее из рецептивного (follow–up): ответьте на общие вопросы, выражая собственное отношение к ситуации и при этом парафразируя вопрос: *Do you enjoy paddling a canoe? – Oh yes, paddling a canoe is real fun! Or: Oh no, I take no pleasure in it*.) Или: *Would you feel unhappy or helpless without a computer? – Oh, yes, I could hardly get on without a computer*. Or: *Oh no, I could comfortably do without one*.

● How many points of view are expressed in the following five utterances?

– What's the use of studying a language if you have no inborn talent?

– There's no point in working hard if you have no gift for languages.

– It's no use complaining about lack of abilities if you are not prepared to do your best.

---

[15] См. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода. // В кн. : Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

– What's the good of learning English if you have no chance of ever using it?

– How can you expect to succeed if you give in before you have tried hard enough?

Follow–up: воспроизведите точку зрения, которую вы полностью разделяете, и ту, с которой вы не согласны. Преобразуйте высказывание, которое вы считаете (не)правомерным, используя лексические единицы данного задания. Образец: *I don't agree with the speaker who thinks that it is useless to study a language if one is not gifted enough*.

● Reduce the text to a minimum, leaving out all the ideas that have already been expressed in a different way. Это задание связано с компрессией текста за счет поиска повторяющихся по смыслу высказываний. Из оригинальных английских текстов можно использовать Моэма с присущими ему семантическими повторами. При этом суммирующее воспроизведение текста не будет повторяться студентами дословно, ибо можно по–разному компрессировать один и тот же текст с избыточной информацией.

Приведем примеры *продуктивных заданий в парафразе,* для того чтобы продемонстрировать вариативность коммуникативных ситуаций, а также речевых умений, «сотрудничающих» с парафразом для достижения искомой цели. Нижеследующие задания могут предлагаться со второго по пятый курс.

1. Парафраз–языковая игра, когда надо одну и ту же мысль выразить максимальным количеством способов. Теряет очко тот, кто либо не находит иного способа, либо повторяет уже использованный вариант. Соответственно, в ходе такого парафраза развивается объем оперативной памяти и гибкость перебора возможных вариантов.

2. Парафраз–выяснение. Уточните, о чем спрашивает преподаватель (*Do you mean ..?).* Задание становится реально коммуникативным, если вовлекает догадку о значении незнакомой лексической единицы или знакомой единицы в новом значении: *– I'm much older than you are, but I bet I can beat you downstairs! – Does that imply corporal punishment? (Do you hint we deserve a good thrashing?) Or do you mean you could run down the stairs faster than any of us? – I mean the latter.*

3. Перевод–парафраз, то есть перевод в нескольких вариантах. При подготовке переводчиков тренировка в парафразе на языке перевода обеспечивает гибкость припоминания эквивалента, устраняет неоправданные лексические повторы, а также способствует компрессии, особенно необходимой при устном последовательном и тем более синхронном переводе [16]. «Как еще можно перевести ту же мысль? (*Осажденный город упорно не сдавался = The besieged city did not surrender / would not give in / refused to yield/ went on fighting/ kept resisting the enemy/ would not parley with the invaders* и т.п.) Меняются ли какие–либо оттенки смысла при выборе того или иного способа перевода?».

Примечание: В подобных заданиях перевод–парафраз нередко пересекается с переводом – трактовкой коммуникативного намерения: «Можно ли вообще перевести ту или иную фразу, не располагая развернутым контекстом? В чем состоит неоднозначность высказывания–источника, которую окружающий контекст мог бы раскрыть? (Например: *Он поплыл обратно* – он плыл сам (*swam*) или повернул назад свою лодку, яхту (*sailed*)?». Разумеется, парафразом эти варианты не являются.

4. Компрессирующий перевод–парафраз. При этом вначале анализируются смысловые компоненты, либо несущественные для прагматики высказывания, либо повторяющиеся, и группа сопоставляет свои варианты компрессии на языке перевода. Например: **–** *Алкоголизм сегодня является одной из серьезнейших угроз национальной безопасности государства.* При переводе можно опустить существительное «*государства*», поскольку оно дублируется прилагательным «национальной», а фраза «*одной из серьезнейших угроз*» может быть сжата*: The current // pres-*

---

[16] См.: Виссон Линн. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский. М. : Р. Валент, 2001. В книге дается т.н. «опытный» перевод каждого текста, предназначенный для черновой работы и изобилующий примерами англоязычного парафраза.

ent–day scope of alcohol addiction threatens // undermines national security = Drinking has become a serious danger to national security.

5. Парафраз со сменой регистра. «Парафразируйте высказывания, сменив тон с помпезно–возвышенного до стандартно–разговорного». Это задание уместно на занятиях по чтению – и как проверка понимания оригинала, и как формирование профессионального педагогического умения адаптации текста*: I did not envisage a world–shaking catastrophe when I saw Edward hurrying toward me, but it immediately occurred to me that something untoward was afoot. There was something wild in his mien and distraught in his bearing* [17]*. = When I saw Edward I immediately realized that something was wrong. He had a wild look and he had lost his usual self–composure.*

6. Парафраз–экспликация. «Парафразируйте высказывания с целью объяснить образную импликацию. Поясните, какими стилистическими приемами воспользовался автор». (Молодой человек, позирующий для художника, жалуется на затекшие мышцы. Художник приводит в пример девушку, позировавшую ему три часа без отдыха, стоя на одной ноге. Молодой человек возражает.): *The female of the species is more indiarubbery than the male* [18]. (Автор использовал метафорический окказионализм – букв.: «резинообразная, каучукоподобная» плюс нарочитую научность стиля: «женская особь данного биологического вида».) Образец парафраза–экспликации: *A woman's body is more flexible than that of a man»*.

7. Парафраз – суммирующее сопоставление. «Прочитайте три развернутых тезиса по одной и той же проблеме, которые могли бы служить зачином полемического эссе, и своими словами суммируйте точку зрения, представленную в каждом из эссе, или сразу в двух, если позиция авторов совпадает.» Такой парафраз может выполнять и функцию экспликации. Например, вариант «b» скорее всего иронизирует по поводу легковерности читателей, падких на сенсации.

a) *Whether or not extraterrestrial life exists is of course open to speculation, for until we actually find it the answer has to be that we do not know, for not finding it does not preclude the possibility of its existence*. (http://www.thekeyboard.org.uk/Extraterrestrial%20life.htm)

b) [*UFOs] tell us absolutely nothing about intelligence elsewhere in the universe, but they do prove how rare it is on earth* (Arthur C. Clarke. http://www.humantruth.info/aliens.html).

c) *The universe is bigger than we can possibly imagine and Earth is smaller than a pinpoint when compared to the rest of the universe. With all this space out there, with billions of galaxies resembling our own, it seems a bit conceited to think that earth and the human race are the only life or even the only intelligent life in the universe* (http://hubpages.com/hub/Extraterrestrial–Life–on–Other–Planets).

Образец парафраза*: All the three viewpoints are different. The first speaker means that the possibility of extraterrestrial life is doubtful, and yet our failure to discover it so far does not prove that it cannot exist. The second author is more skeptical and thinks that our belief in intelligent aliens visiting the earth in UFOs does little credit to our own intelligence. In the opinion of the third author, the unimaginably great size of the universe suggests that our planet can hardly be unique in supporting intelligent life*.

8. Парафраз–аккумуляция в целях эмфазы. «Придайте убедительность и выразительность тем из высказываний, приведенных ниже, с которыми вы полностью согласны. Воспользуйтесь семантическим повтором ключевой фразы». Например: *You can be happy if you have an exciting job.* Продолжение–парафраз: …a job that *absorbs* you and *never leaves you indifferent*, a job you *are committed to*, a job that *thrills you* … и т.п.

9. Парафраз с целью смягчить, завуалировать прагматический смысл высказывания (своеобразная «политкорректность»). «Прочтите обмен репликами между джентльменом и его слугой:

– Why is it that at a bachelor's establishment the servants invariably drink the champagne? I ask merely for information.

– That's because it is the best kind of wine.

---

[17] Maugham S. Cakes and Ale. M., 1980. P. 160.

[18] Wodehouse P.G. The Strange Experiences of an Artist's Model. // In: Laugh. L–d, 1972.

Ответ звучит недопустимо дерзко. Чтобы смягчить его прагматический эффект, парафразируйте его в более возвышенном регистре и тем самым придайте ему юмористический оттенок». Образец: – *I attribute it to the superior quality of the wine, sir* [19].

Приведенные примеры ни в коем случае не исчерпывают коммуникативную потребность в парафразе, однако убеждают в том, что парафраз необходим на всех ступенях профессиональной подготовки лингвистов и тесно связан со многими другими умениями, в равной мере необходимыми для повышения эффективности высказывания.

Список использованной литературы

1. Аракелян, С. Способы управления беседой. http://cosmoacs.ru/Default.aspx?t13=13&t1=4

2. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М. : Флинта. Наука, 2002. – 384 с.

3. Виссон, Линн. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский. – М. : Р. Валент, 2001.

4. Лагунова, Л.В.. Использование перифразы при подготовке студентов филологических специальностей к педагогической практике // Российский научный журнал. – 2009, – № 5, – С. 164–168.

5. Мозаичный форум http://project.megarulez.ru/forums/showpost.php?p=37&postcount=3

6. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода. // В кн. : Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.

7. Galperin, I.R.. Stylistics. – M., 1977. – 331 с.

8. Evans, A.D. The Use of Paraphrasing in Investigative Interviews [Текст] / A.D. Evans, K.P. Roberts, H.L. Price, C. Stefek. http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/2/9/4/7/p229477_index.html

Источники примеров

1. Диккенс, Ч. Собрание сочинений. – Т. 4. – М., 1958.

2. Aldington, R. Death of a Hero. // В кн. : И.В. Арнольд, Н.Я. Дьяконова. – Three Centuries of English Prose. – Л., 1967.

3. Durrell, Gerald. My Family and Other Animals. – М. : Высшая школа, 1987.

4. Kipling, R. Just So Stories. – Л. : Просвещение, 1978.

5. Leacock, S. Perfect Lover’s Guide and Other Stories. – M. : Foreign Languages Publishing House, 1958.

6. Maugham, S. Cakes and Ale. – M., 1980.

7. Maugham, S. Sixty–Five Short Stories. – L. : Octopus Books Limited, 1988.

8. Storey D. In Celebration. – L. : Penguin Books, 1977.

9. Wilde, O. The Importance of Being Earnest, Act 1. // In: O. Wilde. Selections. – Vol. 2. – M. : Progress Publishers, 1979.

10. Wodehouse, P.G. The Strange Experiences of an Artist’s Model. In: Laugh. L–d, 1972.

[19] Wilde O. The Importance of Being Earnest, Act 1. // In: O. Wilde. Selections. Vol. 2. M. : Progress Publishers, 1979.

Раздел V

Институт Конфуция – лингвокультурологии и лингводидактике

УДК 81:27 + 811.581
ББК 71
В 176

Ван Синьтон, магистр
(Чанчуньский ун-т, Китай)

Символика цвета в российской и китайской культуре

В статье трактуется роль наименований цвета в языковой и культурной картине мира на материале сопоставления двух культур: русской и китайской. Автор выявляет различия в восприятии культурно обусловленных коннотаций цветовых номинаций и призывает уделять больше внимания коннотативным значениям этой лексической группы при ее презентации студентам.

цветовые номинации, значение символов, язык, культура

В нашей жизни большую роль играют цвет и его символика. Цвет присутствует везде: голубое небо, белые облака, ярко–зеленые деревья, огненно–красные цветы.

Что касается естественного цвета в природе, то точка зрения всех народов в основном едина. Но после того, когда цвет входит в жизнь общества, он приобретает особое значение в коллективной и индивидуальной картинах мира. Поэтому и понимание значения символов цвета у разных народов разное.

В китайском и русском языках имеется значительное количество слов, которые выражают цвет и оттенок цвета.

Культура, история, традиции, обычаи разных народов формировались в течение длительного исторического периода, поэтому все эти аспекты имеют свои особенности [1]. И в русском, и в китайском языке в понимании значений таких слов существуют определенные различия. Все это говорит о том, что мы должны обращать внимание не только на основное значение таких слов, но и на то, что таится в оттенках значений символов таких слов, дабы избежать ошибок и непонимания в ходе межкультурной коммуникации.

В разных языках количество слов, несущих значение цвета, неодинаково, но основные цвета и значения их символов присутствуют в любом языке и имеют почти одинаковое значение: например, такие цвета, как красный, желтый, зеленый, синий. В связи с национальной спецификой традиций, обычаев, вероисповедания и других особенной культуры значения символов имеют громадное различие, в том числе и символов цвета. Даже объективная цветовая гамма, воспринимаемая зрением, по–разному членится каждой языковой картиной мира. И выражение чувства посредством какого–либо цвета тем более будет неодинаково. Итак, разные национальные культуры и литература в выражении значений символов цвета имеют большое различие.

Цель данной статьи заключается в попытке исследовать и сравнить значения символов цвета в языке и культуре китайского и российского общества, а также пригласить коллег и читателей к дальнейшему обсуждению этой проблемы.

---

[1] Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. М. : Рус. яз., 1981. 176 с.

Китай прошел тысячелетний путь в своем развитии – феодальный строй, отсталость страны, отсталость в образовании, науке и технике, культуре. Все это явилось причиной того, что естественные в природе цвета приобрели мистическую силу в культуре Китая и оказали большое влияние на развитие культуры Китая [2]. Значение и символика цвета в китайской культуре заключают в себе чрезвычайно богатое содержание. И если сравнивать цветовые номинации в китайском и русском языках, то обеим культурам свойственно употреблять названия цветов и в прямом, и в переносном смысле, причем, как правило, их символические значения не совпадают.

Конкретное описание некоторых значений символов цвета в китайской и российской культуре

Красный цвет

Красный цвет – основной цвет, почитаемый в Китае. «Красный» означает в Китае символ «празднества, торжеств, успеха, счастья, удачи, верности и преданности, процветания», например: на свадьбе в Китае должен присутствовать красный цвет. У новобрачных должны быть красные цветы, невеста должна быть одета в красное платье, туфли тоже должны быть красного цвета. В прошлые времена на голове невесты также должна была быть фата красного цвета. В эти торжественные дни повсюду развешивались красные фонари, расклеивались красные «dui lian» (парные надписи с пожеланиями счастья), иероглифы красного цвета с пожеланиями счастья и благополучия. На свадьбах, как бы стимулируя присутствующих к последующим бракосочетаниям, все кричат: «красная девушка», «красный огонь».

Любовь китайцев к красному отражается в гриме традиционной пекинской драмы, где красное лицо символизирует твердость, непреклонность, искренность и преданность.

В современном китайском языке красный цвет несет символ революционных преобразований и прогресса и является цветом, который используется почти повсюду. В политике значение «красный» встречается также довольно часто, например: «красная власть», «красная армия» «красное знамя» «красное сердце» и т.п.

До XVI века в культуре России слово «красный» означало «красивый»: словосочетание «красна девушка» подразумевало, что девушка не только красива, но и бела лицом [3].

В период правления Петра 1 значение слова «красный» стало пониматься и в его прямом значении, то есть и «красный», и «красивый». Так, Красная площадь перед Кремлем в Москве получила свое название в начале XVIII века за свою красоту. Значение слова «красный», ассоциирующееся с революционными преобразованиями, оживилось после Октябрьской социалистической революции, например: «красная армия», «красное знание», «красная зона» и т.п. Поэтому и название главной площади страны часто ассоциировалось с революционным смыслом. В России в особо торжественных случаях возлагают цветы, особенно красные тюльпаны, красные розы, красные гвоздики.

Кроме того, красный цвет в русскоязычной культуре может употребляться для привлечения внимания, например: «красная книга», – в которую заносятся представители животного и растительного мира, находящиеся на грани истребления.

Белый цвет

В Китае белый цвет противопоставляется красному: белый цвет – обозначение какого–либо запрета, выражение несчастливой судьбы, символизирует смерть, гибель, дурное предзнаменование, соболезнование, скорбь. Например: с давних времен родственники после похорон близких должны были носить особую одежду белого цвета, на голову повязывали белый платок, что означало траур по умершим близким. Такие традиции сохраняются во многих деревнях до сих пор. В феодальном Китае «белый цвет» назывался «цветом простого народа». В те времена про-

---

[2] 汤询. 《汉俄语中颜色词的内涵意义对比》. 中国科技信息, 2005年11期

[3] 谭林. 《俄语语言国情学》, 吉林大学出版社, 1996年，第238页

стые люди не могли носить одежду других цветов, кроме одежды белого цвета, и их называли простолюдинами, или «baiiding» – букв. «белая душа населения (белое население)».

В китайском языке в словах, где встречается иероглиф «белый», обычно содержится значение «напрасно», «бесполезно», «зря», «ничего не стоит», а также порицание, например: «напрасно», «белая пагода» (напрасно строить), «зря посылать», «зря», «есть пустую еду», «бедный и невежественный» и т.д.

В традиционной пекинской опере «белое лицо» противопоставляется «красному лицу» и символизирует лицемерие, коварство, вероломство и предательство.

В политической концепции того времени цвет «белый» противопоставлялся цвету «красному». Белый цвет нес значение реакционности, отсталости, невежества, косности, например, «белый район», «белая армия», «власть белых» и т.д. Кроме того, «белый» символизирует поражение, невежество и глупость. Во время войны сторона, которая потерпела поражение, поднимала белый флаг в знак капитуляции, признавая свое поражение. Все эти значения слова «белый» исторически вызывают у китайского народа негативное отношение ко всему белому цвету. В белом цвете воплотился символ отверженности, отвращения в материальной и духовной сферах.

Хотя в китайской культуре белый цвет и имеет значение «неуважения», однако встречаются слова, в которых иероглиф «белый» может нести значение «чистота, целомудренность», «невиновность». Например: значение «чистый, непорочный» означает отсутствие вины, преступления. Значение «белый» также может означать «добро, славу», «истину», «справедливость». Таким образом, под влиянием культуры Запада в настоящее время символ «белого цвета» в Китае имеет два противоположных значения.

В культуре России выражение «белый» также несет двойное значение. Слово «белый» означает «светлый», «чистый», «красивый, «безгрешный»: «белое солнце», «белый день», «белый свет», «белая лилия». В Древней Руси такие характеристики, как «белое лицо», «белые руки», «белое тело», соотносились с эталоном красоты. Употребляется это слово и как метафорический эпитет: «белая зарплата» – та зарплата, с которой работодатель уплатил все налоги. «Обелить себя» означает доказать свою невиновность. Выражение «белая кость» использовалось в прошлые времена для обозначения высшего общества, аристократии, сейчас это выражение нередко употребляется с ироническим оттенком. Явно отрицательна коннотация корня «белый» в слове «белоручка», то есть человек, не привыкший и не любящий работать. После Октябрьской революции в России появились в обиходе слова «белые», «белая армия», «белый террор», «белобандиты» и т.п. Белый цвет, как в свое время и в Китае, стал ассоциироваться с реакционностью, гибельностью, несчастьями.

И все же данный цвет гораздо чаще соотносится с положительной оценкой. Белая одежда невесты традиционно символизирует ее чистоту и невинность. В русском классическом балете «Лебединое озеро» белый лебедь символизирует добро, целомудрие и красоту. В прошлом полководцы, одержавшие победу в войне, выезжали на белых лошадях для проведения военных парадов и иных торжеств. Все это подтверждает то, что белый цвет в России является почитаемым цветом.

Черный цвет

В культуре Китае черный цвет несет двоякое значение: положительное и отрицательное. Так как черный цвет весьма похож на цвет железа, с давних пор он символизирует открытость, прямодушие, твердость и решительность, бескорыстие и т.п. Например: маска черного цвета в драме – это всегда символ прямоты, открытости исторического персонажа, твердость, решительность как качества характера. Кроме этого черный цвет был некогда цветом императора в эпоху Хань. Черный цвет имел еще значение скорби, соболезнования. Если в семье кто–то умирал, то домашние надевали повязку черного цвета на руку. Черный цвет также нес оттенок коварства, вероломства, подлости, страха, ужаса, смерти, а также бесчестия и незаконности. Например, «черная дума», жестокий и коварный [4]. «Черное учреждение» означало, что в нем занимаются темными делами;

[4] 赵敏善. 俄汉语言文化对比研究成果[M]. 北京:军事译文出版社, 1996.

«черный человек» – нелегально проживающий человек, «черная машина» – машины без номерного знака или за нее не уплачена налоговая пошлина. Таким образом, в китайской культуре символика черного цвета в основном положительна, однако включает и отрицательные смыслы.

В России же черный цвет – символ мракобесия, реакционности, несчастья, коварства, смерти, а также обозначает низшие слои общества. Такое представление в России сформировалось в древние времена, когда значения «черный цвет» и «темная ночь» несли человеку ощущение холода, страха, вероломства. Люди боялись «темной ночи». «Черная година» несет неприятность, боль людям; «черное сердце», «черные дела» «темные силы» означают коварство, неблагодарность, жестокость. «Темный» также означает «невежественный, «черная работа» – «тяжелый неквалифицированный труд». В балете «Лебединое озеро» черный лебедь символизирует пороки, обман, ненависть. В России считается нехорошей приметой встретить черную кошку, выходя из дома – не будет удачи. В простонародном изречении «между кем–то пробежала черная кошка» означает, что произошла ссора, появились разногласия, отношения разладились.

Ныне в России во время обряда погребения также носят траурную одежду черного цвета, траурные нарукавные повязки.

Желтый цвет

Желтый цвет в Китае имеет значение благородства и возвышенности. В китайской традиционной культуре желтый цвет – это цвет императора, он символизирует власть императора, блеск, благородство и т.п. Дворцы, парадные одежды, повозки императоров должны были быть только желтого цвета. Простой народ не мог пользоваться всем тем, что было желтого цвета.

В феодальном Китае эти традиции наследовались веками, с эпохи Сун до эпохи Цин – желтый цвет всегда являлся основным и самым благородным цветом в обстановке, одеждах и украшениях императоров. Например, в древние времена жилище, повозки императора называли «желтой комнатой»; книги, которыми пользовался Сын неба (император), назывались «желтыми досками почета» и т.д. В буддизме также присутствовал благородный желтый цвет, он символизировал свет, блеск, славу. Подвергаясь влиянию западной культуры, в современном китайском языке выражение «желтый цвет» стал нести оттенок негативного значения, символизируя низменные интересы, эротику, пошлость и вульгарность, например: «желтое кино», «желтая пресса», «желтый диск» и т.п.

В России желтый цвет означает запрет, разочарование, подавленность, болезненное состояние, цвет нездоровья. В русском языке выражение «желтый дом» означает «психиатрическая больница». Если говорить о желтом цвете применительно для России, то он также ассоциируется с изменой, ревностью, разводом. Любопытное совпадение наблюдаем в мусульманской культуре. По преданию, основатель Ислама, Мухаммед – первый мусульманин теократического государства, однажды выступил в поход со своим войском, а его жена стала встречаться с молодым человеком. Слуги Мухаммеда донесли, что его жена неверна ему, но Мухаммед не поверил им. Тогда слуги предложили ему послать розы своей жене, и если розы пожелтеют, то все их слова – правда. Мухаммед последовал их совету. Жена, получив розы, разволновалась и захотела, чтобы розы сохранились как можно дольше. Поэтому в тот же день вечером она поставила розы в горячую воду. В результате на второй день розы пожелтели. Мухаммед поверил своим слугам и более никогда не доверял жене. С этих пор желтые розы приобрели значение измены и расставания. Этим как–то можно объяснить, что в России не принято дарить желтые цветы.

Зеленый цвет

В Китае зеленый цвет имеет два значения. С одной стороны, зеленый цвет является цветом весны, как естественный цвет в природе, и символизирует жизнь, мир, дружбу, гармонию, жизнестойкость, молодость и здоровье. Например: выражение «зеленая пища» и т.п. С другой стороны, зеленый цвет имеет особое значение в китайском языке: если жена неверна мужу, то для того, чтобы высмеять его, ему дарили шляпу зеленого цвета.

В русском языке зеленый цвет несет значение молодости, неопытности, как бы сравнивая человека с незрелыми зелеными плодами: «молодо–зелено». Зеленый цвет может означать, что

жизненный опыт у человека небольшой, то есть символизировать незрелость, неискушенность. В России выражение «зеленый свет» означает беспрепятственное движение к чему–либо, беспрепятственное достижение цели, а также безопасность. Зеленый цвет символизирует бодрость, молодой задор, силу, жизнелюбие.

Другие цвета

Голубой цвет в Китае почти ничего не символизирует. В России голубой цвет несет значение благородства, символа неба, аристократии, например, сочетание слов «голубая кровь» означает благородное происхождение; «синяя птица» – далекую мечту; выражение «синяя птица счастья» означает удачу в достижении цели. Бытовало также клише «голубая мечта моего детства», то есть заветная, сокровенная мечта.

Фиолетовый цвет в Китае – символ счастливого предзнаменования чего–либо, благородства. Выражение «фиолетовый» употреблялось в феодальном Китае и в даосизме, например: «запретный город» (иероглиф «фиолетовый» входит в состав слова «запретный»). «Запретный город» – дворец императоров Гугун. В русской культуре фиолетовый цвет символизирует глубокие чувства.

Розовый цвет в Китае обычно символизирует «цвет персика», при этом слово «персиковый» относится к описанию девушки – «персиковые дела», «судьба персика» и т.п. В России розовый цвет означает радость, веселье, красоту, беспечность и беззаботность. «Смотреть на жизнь сквозь розовые очки», все «видеть в розовом свете» означает видеть во всем только хорошее. Кроме того, нередко встречается сочетание «розовые мечты».

Все вышеизложенное дает нам представление о том, что символизирует тот или иной цвет в разных культурах – России и Китая. В итоге мы приходим к выводу, что язык и культура неразделимы. Язык – основа культуры: нет языка – нет и культуры, культура должна опираться на язык. Мы знакомимся с культурой той или иной страны и ее народа посредством языка. Язык же подвергается влиянию культуры и является отражением культуры. Пусть даже значения символов цвета в культуре России и Китая имеют большие различия, но эти символы цвета в каждой культуре – необходимые элементы. Эти символы делают язык более жизненным, интересным, близким, иногда и привносят юмор в речь. Изучая значения символов цвета в каждой стране, мы лучше познаем культуру данного народа. Говоря на том или ином языке, мы должны правильно употреблять значения символов цвета. Общаясь с представителями российской культуры, мы должны уметь правильно употреблять в своей речи значения символов цвета.

Список использованной литературы

1. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны. – М. : Рус. яз., 1981. – 176 с.

2. 汤询. 《汉俄语中颜色词的内涵意义对比》. 《中国科技信息》. 2005年11期

3. 谭林. 《俄语语言国情学》. 吉林大学出版社, 1996年，第238页

4. 赵敏善. 俄汉语言文化对比研究成果[M]. 北京:军事译文出版社, 1996.

УДК 811.581
ББК 81.711
Л 93

Лю Цзюань, д–р филол. наук
(Чанчуньский ун-т, Китай)

Китайский иероглиф как языковой знак

В статье представлена типология формальных черт китайских иероглифов и обобщены основные правила их написания. Современные китайские иероглифы состоят из нескольких групп штрихов и включают семантически значимые компоненты, большинство из которых могут использоваться и как самостоятельно функционирующие знаки. Значимые элементы китайских иероглифов способствуют выявлению семантики иероглифа как сложного смыслового целого. В статье также подчеркивается роль иероглифики в общем контексте формирования китайской культуры.

китайские иероглифы, структура, штрихи, начертание, смысловые компоненты

1. Структура иероглифа

Любой иероглифический знак является графическим построением, состоящим из некоторого числа минимальных стандартных графических элементов (или штрихов) – черт иероглифа. Графическим признаком черты является то, что она состоит из одной линии и при ее написании орудие письма не отрывается от поверхности, на которой делается запись. Основных графических элементов восемь. Это точка (丶), горизонтальная черта (一), вертикальная черта (丨), откидная черта влево (丿), откидная черта вправо (丶), восходящая черта (/), ломаная черта (乛), крюк (亅). Раньше люди, вырабатывая каллиграфию, обычно брали иероглиф 永 (знач. «вечно») в качестве образца. Считалось, что данный иероглиф охватывает все восемь графем.

Некоторые графические элементы имеют варианты. Так в конечном итоге получилось около двадцати вариантов основных графических элементов. В словаре «Канси цзыдянь» имеются иероглифы, состоящие из 50 с лишним черт и штрихов. В современных словарях нередко встречаются иероглифы, состоящие из 20, а иногда и большего числа элементов. Из наиболее употребительных двух тысяч иероглифов, по данным Г.П. Сердюченко [1], на каждый в среднем приходится 11 черт и штрихов.

Основные черты, входящие в состав китайских иероглифов, сравнительно просты, их сочетание в иероглифе – дело уже сложное. Здесь последовательность написания упорядочивает графические элементы по определенным правилам. Основными правилами написания являются следующие:

1) иероглиф пишется сверху вниз: 方，云；

2) иероглиф пишется слева направо: 旅，游；

3) сначала пишутся горизонтальные черты, затем – вертикальные: 十、千；

4) сначала пишутся горизонтальные черты, затем – откидные влево: 厂，大；

5) сначала пишется откидная влево, затем откидная вправо: 八，人；

6) сначала пишется откидная влево, затем – горизонтальная: 生 (это правило, в отличие от правила 4, действует, если левая откидная черта выше горизонтальной);

7) сначала пишутся черты, составляющие внешний контур знака, а затем – черты внутри его: 向，月； черта, замыкающая контур снизу, пишется в последнюю очередь: 日，国；

8) вертикальная черта, находящаяся в центре и пронзающая знак до конца, пишется последней: 中，串； если же вертикальная черта не пронзает его до конца, то она пишется сначала, а уже затем – боковые черты: 小，水；

[1] Сердюченко Г.П. Китайская письменность и ее реформа. М. : Изд–во вост. лит., 1959. С. 13–14.

9) сначала пишутся боковые черты, потом – центральные: 火，坐；

10) точка справа или внутри контура пишется последней: 心，玉，丹；точка вверху или слева пишется сначала: 亦，义.

Следует заметить, что здесь упомянуты только основные правила написания иероглифа. Некоторые знаки составляют исключение. Овладение правилами написания необходимо для того, чтобы было удобнее писать иероглифы .

Графический знак иероглифа делится на два типа: простой знак и сложный знак. Простой знак обычно состоит из определенного сочетания простейших черт и штрихов. Например: 下，人，口. А сложный знак включает помимо этого и более сложные компоненты, каждый из которых, в отличие от графических элементов, имеет определенное значение. Такие значимые компоненты иероглифов называются графемами. Большинство графем могут употребляться и как самостоятельный иероглиф (например: 日，月), и как составная часть сложного иероглифа (например: 氵，亻，辶). В китайской письменности насчитывается около 300 графем.

Как известно, знаки изобразительной и указательной категорий являются простыми знаками. Знаки идеографические и фоноидеографические являются производными от семантики входящих в них графем, а чтение составляющих графем не связано с чтением знака в целом. К таковым относятся *lin* (лес) 林，два знака (дерево) 木; *kan* 看 (смотреть) состоит из (рука) 手 и (глаза) 目.

Фоноидеографические знаки составляют многочисленную группу знаков в китайской иероглифике. Иероглиф этой категории всегда состоит из двух частей. Одна часть, называемая семантическим множителем или ключом, указывает на принадлежность иероглифа к группе семантически родственных знаков, обозначающих классы предметов, свойств или явлений, например, ключ «сердце» соответственно обозначает чувства и переживания людей. Это следующие иероглифы: *si* 思 (думать), *xiang* 想 (скучать), *fen* 忿 (гнев), *nu* 怒 (сердиться), *kong* 恐 (испугаться), *hen* 恨 (ненавидеть), *hui* 悔 (жалеть), *yue* 悦 (радоваться), *bei* 悲 (печальный), *qing* 情 (чувство), *chou* 愁 (грустный), *zhong* 忠 (верность), *shen* 慎 (осторожность) и т.д.

Вторая часть именуется фонетическим показателем или фонетиком. Она передает точное или приблизительное чтение данной фоноидеограммы.

Следует иметь в виду, что существует определенная разница между графемами и ключами. Графема в китайском языке звучит как *pian pang* (букв. Косой + боковой), ключ – *bu shou* (букв. Часть + голова). Графема определяется составляющими частями данного иероглифа. Она представляет собой знакообразующие основы иероглифики. А ключи зависят от точки зрения лексикографов. Ключи способны выступать в качестве тематических классификаторов. Они служат одновременно основой для изучения и анализа иероглифики и универсальным каталогом знаков иероглифической поисковой системы китайских словарей и справочников.

Происхождение ключей связано с появлением словарей иероглифов. Самый первый словарь китайских иероглифов «Шовэнь цзецзы», составленный в эпоху Восточной Хань Сюй Шэнем, содержал 9353 иероглифа, 540 ключей. В период Мин ученый Мэй Ин составил «Цзыхуэй», в котором содержится 214 ключей. В течение двух тысяч лет после появления «Шовэнь цзецзы» классификация иероглифов проводится в словарях иероглифов только по ключу. В 1958 году был официально утвержден алфавит на латинской основе. Итак, ключи и алфавит параллельно существуют в китайских словарях и справочниках в качестве каталога иероглифической поисковой системы. Отсюда видна важность и популярность ключей. Комитет по реформе китайской письменности принял в 1983 году единый нормативный список иероглифических ключей, состоящих из 201 знака. В китайских словарях последовательность ключей устанавливается в зависимости от количества черт в ключах (ключ первый состоит из одной черты, последний – из семнадцати) [2].

---

[2] Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике. Ч. I. М. : Муравей, 1999. 152 с. С. 12–13.

Следует иметь в виду, что иероглиф любой сложности вне зависимости от количества входящих в него черт должен вписываться в квадрат заданного размера. Обратите внимание на пропорцию составляющих его компонентов.

1. Верхняя – нижняя композиция

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
光	guāng	вид; пейзаж		верхняя и нижняя части одинаковы
学	xué	учеба		верхняя часть меньше нижней
盘	pán	обвивать		верхняя часть больше нижней
雪	xue	снег		верхняя часть шире нижней
思	si	думать скучать		верхняя часть у́же нижней
恣	zi	произвольно		верхняя часть раздельная, нижняя – единая
荡	dàng	бродить		верхняя часть единая, нижняя – раздельная

2. Верхне–средне–нижняя композиция

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
莫	mo	не, не надо		верхняя, средняя и нижняя части одинаковы
宴	yan	пир		верхняя, средняя и нижняя части неодинаковы

3. Лево–правая композиция

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
旅	lü	путешествие		левая и правая части равны
侠	xia	рыцарь		левая часть у́же правой части
郊	jiao	пригород		левая часть шире правой
咏	yǒng	напевать		левая часть коротка, правая – длинна
和	he	и		левая часть длинна, правая – коротка

4. Лево–средне–правая композиция

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
衍	yan	обилие, множество		левая, средняя и правая части одинаковы
游	you	путешествовать		левая, средняя и правая части неодинаковы

5. Полное окружение

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
回	hui	возвращаться		композиция гармонична

6. Полуокружение

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
刀	dao	нож		окружение от право–верхней стороны
历	li	пройти		окружение от лево–верхней стороны
逛	guang	бродить		окружение от лево–нижней стороны
山	shan	гора		окружение от лево–нижне–правой стороны
区	qu	район		окружение от верхне–лево–нижней стороны
周	zhou	круг		окружение от лево–верхне–правой стороны

7. Смешанная композиция

Знак	Чтение	Значение	Пропорция	Комментарий
森	sen	лес		–

Иероглифы писать рекомендуется на бумаге в клетку, отводя по четыре клетки на каждый знак. Всякий иероглиф должен выписываться в квадрат заданного размера. Кроме того, необходимо соблюдать основные правила написания иероглифов. Штрихи и ключи каждого иероглифа следует всесторонне планировать, так как они обусловливаются законом стройности и баланса.

Таким образом, китайские иероглифы в современном виде представляют собой комбинацию большего или меньшего числа строго определенных графических элементов. Кроме того, графический знак иероглифа включает еще более сложные и значимые компоненты, которые называются графемами. Большинство графем могут употребляться как самостоятельный иероглиф и как составная часть сложного иероглифа. Иероглифический ключ указывает на принадлежность иероглифа к группе семантически родственных знаков, обозначающих классы предметов, свойств или явлений.

2. Технология написания иероглифов

Известно, что в XVI–XI веках до нашей эры, то есть в эпоху Шан–Инь, зародилось *jia gu wen* (букв. Панцирь + кости + надпись). В то время письменные знаки вырезались острым предметом на панцирях черепах и костях животных. Позднее в эпоху Чжоу (II – конец III века до н.э.) значительные изменения претерпевали материалы и орудия письма. Использование бамбуковых пластинок (бурок) означало появление того, что сейчас называется документом или книгой. Тогда одна книга составляла целый воз дощечек. Особенно важные документы, например, приказы императоров, записывались на дорогом шелке. В конце I тысячелетия до нашей эры китайцы первые в мире научились делать бумагу из тряпок, коры деревьев и из бамбука. Она стоила дешево и была гораздо удобнее бамбуковых пластинок. В качестве общепринятого орудия письма постепенно утверждается мягкая конусообразная кисточка.

В прежние времена в Китае неизменным атрибутом образованного человека были так называемые *wen fang si bao* (букв. Кабинет + четыре + сокровище): кисточка для письма, твердая тушь, бумага и тушечница для растирания туши. Из шерсти животных (чаще всего овцы, зайца, волка) и перьев птиц делался пучок, который крепко перевязывался ниткой; основание пучка обмазывали канифолью и вставляли в прорезь бамбуковой ручки, а на пучок надевали наконечник – футляр. Кисточка имела конусообразную форму, на ее ручке иногда делалась инкрустация из золота, серебра, нефрита, хрусталя, глазури или слоновой кости. Чтобы написать иероглиф, кисточку обмакивали в тушь. Китайская тушь приготавливалась из сажи и клея. Происхождение тушечницы относится к очень давним временам. Самой обычной считалась каменная тушечница, которая делалась из особого камня и имела форму прямоугольной плитки с углублением для воды и туши Китайская бумага для письма должна быть мягкой, хорошо впитывать воду [3]. (Ян Годун, 2001:92–95)

[3] Ян Годун. Обзор китайской культуры. Тяньцзинь : Изд–во Нанкайского ун–та, 2001. С. 92–95.

В Китае наилучшими считают кисти «*hu bi*» (букв. Ху + кисть), сделанные из материалов из Хучжоу; тушь «*hui mo*» (букв. Хуй + тушь), произведенную в Хучжоу; бумагу «*xuan zhi*» (букв. Сюань + бумага) из города Сюаньчэн и каменные тушечницы «*duan yan*» (букв. Дуань + тушечница) из Дуаньчжоу.

Выработка каллиграфического почерка зависела от гибкости пальцев, поэтому каллиграф и писец постоянно держали в правой руке два шарика, которые перебирали, не давая пальцам «застыть». А создание произведений каллиграфического искусства требовало вдохновения, внутреннего творческого подъема и даже особой одежды.

1.3. Влияние иероглифической письменности

Несомненно, китайская иероглифическая письменность сыграла большую историческую роль во всемирной цивилизации. Она содействовала развитию не только китайской культуры, но и культуры народов других стран Азии – Вьетнама, Кореи, Японии. Она внесла значительный вклад в сокровищницу мировой культуры.

За длительный период существования китайской письменности на китайском языке созданы многие выдающиеся произведения литературы, вошедшие в число лучших творений мировой культуры. К ним относятся, например, такие произведения, как *shi jing* «Книга песен», *shi ji* «Исторические записки», *shui hu zhua*n «Речные заводи», *xi you ji* «Путешествие на Запад», *san guo yan yi* «Троецарствие», *hong long meng* «Сон в красном тереме» и др.

Китайская иероглифика оказывает влияние не только на китайскую литературу, но и на китайское искусство, в том числе каллиграфию и живопись.

Искусство каллиграфии представляет собой воплощение высшей гармонии и уже в древности считалось одним «из шести искусств», в число которых входили также этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми и искусство счета.

Китайская национальная живопись представляет собой триединство живописи, каллиграфии и поэзии. Почти всегда на свитке мы видим каллиграфически выполненную надпись – обычно стихотворение автора картины или другого поэта, лирические мотивы и настроения которого связаны с тем, что изображено на свитке. Китайские живописцы очень часто были одновременно каллиграфами и учеными, эрудированными в литературе, поэзии и философии. Например, Суши династии Сун, Чжэн Баньцзяо династии Цина.

В Восточной Азии – в Корее, Японии и Вьетнаме – стали заимствовать китайские иероглифы, которые были китайской официальной письменностью. Вместе с распространением иероглифики китайская культура (например: конфуцианство, китайский буддизм, китайская наука и техника и т.д.) стала распространяться в странах Восточной Азии, в результате чего образовался «китайский культурный круг». В странах Восточной Азии в настоящее время используются свои письменности, однако следует заметить, что, во–первых, они созданы при помощи иероглифики; во–вторых, китайская иероглифика являлась очень авторитетной письменностью в Восточной Азии до того, как западная цивилизация в середине XIX века пришла на восток; в–третьих, в некоторых странах Восточной Азии до сих пор заимствуют китайские иероглифы (в японском языке употребляется 1945 китайских иероглифов); в–четвертых, китайская каллиграфия является популярным искусством. В Японии особенно высоко ценят произведения китайской каллиграфии.

Список использованной литературы

1. Кондрашевский, А.Ф. Практический курс китайского языка : пособие по иероглифике. – Ч. I. – М. : Муравей, 1999. – 152 с.

2.Сердюченко, Г.П. Китайская письменность и ее реформа. – М. : Изд–во вост. лит., 1959. – 55 с.

3. Ян, Годун. Обзор китайской культуры. – Тяньцзинь : Изд–во Нанкайского ун–та, 2001. – 303 с.

УДК 811.581+378
ББК 81.711
Л 973

Лян Миньянь, д–р юрид. наук, преп. кит. яз.
(Чанчуньский политехн.ун-т, Китай)

Методика обучения коммерческому и юридическому китайскому языку

Статья посвящена современным методикам преподавания коммерческого и юридического китайского языка. Представленные методы, подходы и приемы помогут обучающимся эффективно овладеть сложной лексикой и усвоить специальный материал в данных языковых аспектах.

коммерческий китайский язык, юридический китайский язык, методика преподавания

В последние годы наряду с активным изучением разговорного китайского языка в глобальных условиях быстро развивалось изучение коммерческого китайского языка и началось преподавание юридического китайского языка. Цели и методика обучения коммерческому и юридическому китайскому языку все еще находятся в исследовательской стадии. С учетом специфики коммерческого и юридического китайского языка применение методики, используемой при обучении языку повседневного общения, недостаточно эффективно. Традиционная методика обучения китайскому языку не обеспечивает запоминание, освоение и уместное использование лексики коммерции и юрисдикции. Поэтому возникает задача разработки специальной методики преподавания коммерческого и юридического китайского языка.

С возникновения преподавания иностранных языков в мире цели обучения иностранному языку на разных этапах истории трактовались по–разному в связи с целым рядом социальных, политических, экономических и культурных факторов. Кроме того, появление новых методов было связано и с развитием смежных дисциплин (языкознания, психологии и пр.), что обусловило постепенность развития и совершенствования методики как науки.

Теория преподавания иностранных языков возникла в XIX веке. Ее развитие состоит из двух этапов: до 60–х годов XX века господствовали так называемые «традиционные» методики, такие как грамматико–переводной и текстуально–переводной методы, ставящие во главу угла образовательные задачи, а также прямой метод, впервые сделавший упор на практическое освоение языка. В 60–е годы активно развиваются такие методы, как аудиолингвальный и аудиовизуальный. Следующим шагом в развитии лингводидактики стал коммуникативно–ориентированный подход в обучении языкам. А в 80–е годы XX века на базе коммуникативно–ориентированного подхода вырос новый, так называемый «целевой подход» (Task–based Language Teaching). Кроме того, в настоящее время активно используется подход на основе прецедента (Case–Based teaching) и ролевой подход. Эти методики отличаются от традиционных прежде всего тем, что в них подчеркивается роль автономности обучаемых, сотрудничества и рефлексии (то есть осмысления студентами процесса научения). Много внимания уделяется развитию языковых способностей учащихся.

Полагаем, что в процессе обучения коммерческому и юридическому языку надо *комплексно* пользоваться тремя вышеперечисленными современными подходами (целевым, ролевым и подходом на основе прецедента) для повышения мотивации учащихся и для большей эффективности профессионально–направленного обучения китайскому языку.

В связи с этим позволим себе кратко осветить суть каждого из данных подходов.

1. ***Целевой, или «задачно–ориентированный» подход (Task–based Language Teaching)***

Американский педагог Джон Дьюи, взяв прагматизм за основу педагогической теории, выдвинул постулат о том, что центральная фигура в процессе обучения – учащийся, а не учитель или учебник (student–centred education). Он также настаивал на «обучении в практике». Учащиеся должны

принимать участие в подлинном общении, в аутентичных мероприятиях. Обучение на уроке должно сосредоточиваться вокруг основной реальной задачи, так чтобы каждый урок имел конкретную цель, был насыщен значимым содержанием и обеспечивал чувство удовлетворения достигнутым. Кроме того, истинное общение, преследующее экстралингвистические цели, придает обучению и социальную значимость.

Его основная цель заключается в предоставлении студентам возможности использовать иностранный язык для завершения различных сценариев в реальной жизни, в развитии способности комплексного применения языка для решения разнообразных жизненных задач. «Целевой подход» в полной мере отражает «субъектность» процесса обучения, по сравнению с традиционными методиками, где учащимся отводилась пассивная роль по сравнению с педагогом как центральной фигурой» [1].

Процесс реализации целевого подхода.

Модели реализации подхода зависят от конкретных задач обучения, но в целом в каждой из них можно выделить три этапа:

● Первая задача – учитель должен ввести задачу, перечислить требования к ее решению, указать, какие языковые средства потребуются для ее выполнения, оговорить последовательность действий.

● Выполнение задачи – в парах, группах, командах. При этом преподаватель отслеживает выполнение задания, дает комментарии, советы, подбадривает учащихся. По завершению работы группа готовится отчитаться о ходе ее выполнения.

● Последний шаг – анализ и практика. В ходе анализа студенты дают оценку собственной работе в группе, а также оценивают результаты, достигнутые другой группой. В процессе практики студенты упражняются в преодолении языковых трудностей.

Ключ к целевому подходу состоит в проекте задачи. Задача должна быть рассчитана на осмысленность, работоспособность, подлинность мотивации и расширение языкового репертуара и творческих умений учащихся.

2. Подход на основе прецедента.

Этот метод обучения возник в 1920–х годах. В Гарвардской школе бизнеса (Harvard Business School) начали практиковать подготовку управляющего персонала на основе реальных случаев из сферы управления бизнесом, из делового общения и т.п. Этот метод способствует вовлечению учащихся в дискуссию, что повышает производительность и эффективность их труда после прохождения обучения. В 1980–х годах этот метод стал применяться при подготовке учителей. Он привлек к себе особенное внимание после 1986 года, когда группа Карнеги (Carnegie Task Force) в докладе «Страна готова: учителя двадцать первого века» особо рекомендовала его как очень эффективный режим обучения. А в Китае этот метод начали исследовать только после 1990–х годов [2].

Особенности данного подхода.

Четкость. Анализируя одну или несколько уникальных, конкретных ситуаций (прецедентов) путем чтения, размышления, обсуждения, студенты совершенствуют логическое мышление, способность решать смысловые задачи, обобщать и сопоставлять ситуации, а параллельно с совершенствованием логических умений отрабатывать и использование языковых единиц.

Подлинность. Прецедентные события в основном подлинные, чем и определяется аутентичность учебного процесса. Студенты используют свои знания и опыт, чтобы высказывать свои собственные взгляды и делать собственные выводы.

Комплексность. Комплексность метода обусловлена двумя причинами. Во–первых, прецедент по сравнению с обычным примером насыщен содержанием; во–вторых, процесс анализа ситуации и ее решения является более сложным. Студенты должны не только иметь базовые теоретические знания, но и проанализировать ситуацию, взвесить все за и против и принять взвешенное решение. Для этого им необходимо применить весь арсенал приобретенных знаний, навыков и умений.

---

[1] Юэ Шоуго: целевой подход обучения иностранных языков : обоснование, теория и использование // Язык и исследование. 2002(9). С. 364.

[2] Вэнь Сяофан. С точки зрения подхода на основе прецетенда на учение коммерческого китайского языка // Китайский язык и литература. 2008 (12). С. 131.

В обучении на основе прецедента нет «абсолютно правильных» ответов. Цель обучения в том, чтобы привить студентам привычку самостоятельно мыслить, исследовать. Соответственно, усилия педагога сосредоточены на развитии критического, творческого мышления, на обучении анализу задач и поиску их решения.

Практичность. Студенты еще в годы обучения получают возможность участвовать в решении реальных проблем, что обеспечивает тесную связь между теорией и практикой.

Динамичность процесса обучения. В процессе обучения присутствует взаимодействие между преподавателем и отдельными учащимися, преподавателем и всей студенческой группой (или малыми группами), отдельных учащихся с отдельными студентами, студенческих групп со студенческими группами, то есть взаимодействие присутствует на всех уровнях и пронизывает весь учебный процесс.

3. *Ролевой подход* имеет значительные отличия от вышеописанного, хотя в определенной степени может рассматриваться как его продолжение. Студенты «примеряют» на себя различные социальные роли и разыгрывают их в соответствии с коммуникативной ситуацией, что позволяет глубже вникнуть в суть ситуации.

Учащимся предлагается гипотетический сценарий в самых общих чертах. Студентов просят разработать реалистичные сцены. В сценарии определенные персонажи, сюжет, конфликт и есть проблемы. Каждый студент может разыгрывать иную роль в каждой сцене, моделируя сценарий. Они должны продумать программу своего вербального поведения, вести себя в соответствии с требованиями роли и представить свои идеи [3].

Необходимость трех методов в обучении коммерческому и юридическому китайскому языку

Особенности обучения коммерческому и юридическому языку определили необходимость использования особых методов обучения.

Во–первых, обучение коммерческому и юридическому языку имеет профессионально обусловленные особенности. Обучение коммерческому языку интегрирует приобретение языковых навыков с применением (совершенствованием) знаний в области торговли. Таким образом, возникает новый тип практического занятия, которому присущи основные характеристики практического занятия по иностранному языку, востребован язык повседневного общения наряду с деловой лексикой и оборотами речи. Юридический китайский язык имеет обширный слой сугубо профессиональной лексики, включающей специализированную терминологию. Структура языка юридического общения также имеет свои особенности. Соответственно обучение данным подъязыкам должно быть ориентированным на достижение четко описанных целей, а также должно быть интерактивным.

Во–вторых коммерческий и юридический язык коммуникативно значим для широких слоев населения. Предпринимательская деятельность является частью человеческой социальной и экономической деятельности; наряду с такими видами деятельности, как научные исследования, политический дискурс, литературное и художественное творчество, эта сфера человеческого опыта близка к повседневной жизни людей. И коммерческий, и юридический язык – это специальный подъязык, неотъемлемый от экономической деятельности, в тесной связи терминологии и коммуникативности. Цель обучения коммерческому и юридическому языку – подготовка студентов к правильному использованию китайского языка в предпринимательской деятельности и юридических делах, к успешному профессиональному общению. Следовательно, методика обучения этим функциональным стилям речи призвана совершенствовать умения и навыки межличностного общения. А ролевой подход как раз является хорошим способом достижения этой цели.

В-третьих, коммерческий и юридический языки имеют явную практическую направленность.

Предпринимательская деятельность и юридические специальности имеют практический, прикладной характер. Обучение соответствующему функциональному подъязыку требует интеграции и

[3] Ли Вэй. Значение ролевого подхода для подготовки менеджеров // Исследования в сфере образования. 2008 (7). С. 67.

объединения теории с практикой, что вряд ли достижимо, если полагаться на традиционные методы обучения. Поэтому желательно применять ролевой подход и подход на основе прецедента, чтобы повысить эффективность обучения [4].

Применение трех методик в обучении коммерческому и юридическому китайскому языку

1. **Целевой («задачно–ориентированный») подход** в обучении коммерческому и юридическому языку

С февраля 2010 года по январь 2012 года я работала в Институте Конфуция Бурятского государственного университета. Здесь и ниже приводятся примеры проведенных за этот период занятий.

Название учебного курса: коммерческий китайский язык.

Количество студентов: 15.

Ступень обучения и объем курса: 6-й семестр, 6 часов в неделю.

● *Постановка задачи* – «Внедрение продукции»: Демонстрация цели занятия: обеспечение предпосылок для успешного продвижения конкретной продукции за счет последовательности определенных шагов. Иными словами, студенты должны научиться успешно рекламировать соответствующий товар на китайском языке. Для этого им предстоит ознакомиться с необходимой терминологией, получить и применить на практике знания о рекламе, а также закон о защите прав потребителей.

● *Выполнение задачи.* Задача выполняется в виде участия в конкурсе. Студенты сами выбирают рекламируемый товар; они могут участвовать в конкурсе либо в парах, либо индивидуально.

Шаги выполнения задачи:

Первый шаг: выбор продвигаемого продукта.

Второй шаг: подготовка к конкурсу (одна неделя).

Третий шаг: проведение конкурса.

● *Деятельность учащихся после выполнения задачи*

Студенты совместно оценивают проделанную ими работу, как собственную, так и работу товарищей по группе. Судьи высказывают свое мнение и присуждают приз победителю.

Эта методика, примененная при обучении третьекурсников Института Конфуция БГУ, показала, что применение данного метода значительно мобилизует студентов, повышает их внутреннюю мотивацию и интерес к изучению китайского языка, совершенствует коммуникативные умения учащихся, а также способствует совершенствованию знаний в области бизнеса и права.

2. ***Подход на основе прецедента*** в обучении коммерческому и юридическому языку

Подход на основе прецедента – самый прямой и экономичный путь для практики студентов. Используя конкретные примеры, преподаватель наглядно иллюстрирует различные аспекты теории права, чтобы студенты могли углубить свои знания и приобрести практические умения. Применение этого метода в преподавании китайского языка позволит студентам не только усовершенствовать практическое владение китайским языком в данной сфере общения и приобрести знания в области бизнеса, но и развить у студентов умения менеджмента, а также дух новаторства.

3. ***Ролевой метод*** в обучении коммерческому и юридическому языку

Ролевой метод позволяет поставить обучаемых в условную, но достоверную ситуацию общения и создать виртуальный бизнес–сценарий. При этом каждый обучающийся может поочередно выступать в разных ролях. Этот метод весьма популярен у студентов, так как овладение китайским языком (коммерческим или юридическим) происходит в условиях комплексного овладения языковыми навыками и речевыми умениями, с одной стороны, и профессиональными умениями в сфере бизнеса или права, с другой стороны. Необходимо комплексное использование всех знаний о бизнесе и правовых знаний. Так, если требуется выйти с неким товаром на международный рынок, надо искать за рубежом агента по продаже.

---

[4] Ян Шенлин. Методика обучения юристов. //Вестник сельскохозяйственного университета. 2005 (4). С. 201.

Соответственно, студенты делятся на две группы в качестве «представителей двух компаний». Ведутся «переговоры», подписывается «договор», осуществляется деловое общение, связанное с поставкой товара, с импортом и экспортом продукции, с обслуживанием клиентов, с решением споров.

Подобная тема основана преимущественно на знании торговли, но также включает в себя знание законов. Данная модель позволяет студентам применить свои профессиональные и языковые умения для решения проблем, приобрести дополнительный опыт, помочь глубже освоить язык, улучшить навыки межличностного общения, улучшить понимание требований к международному деловому и правовому взаимодействию и, в конечном счете, повысить способность к межкультурной коммуникации.

В условиях глобализации, при возрастающей роли Китая на политической и экономической международной сцене многим людям, изучающим китайский язык, недостаточно овладеть языком повседневного общения. Надо приобщать учащихся к китайской культуре, знакомить с китайским законодательством, способствовать развитию делового партнерства. Поэтому так важно применять вышеописанные методики, позволяющие при изучении языка коммерции и юрисдикции успешно интегрировать языковой, лингвокультурный и профессиональный аспекты учебного процесса.

Список использованной литературы

4. Вэнь, Сяофан. Подход на основе прецедента к обучению коммерческому китайскому языку // Китайский язык и литература. – Вып. 12. – 2008. – С. 131–132.

5. Ли, Вэй. Значение ролевого подхода для подготовки менеджеров // Исследования в сфере образования. – 2008 (7). – С. 67–68.

6. Юэ, Шоуго: целевой подход обучения иностранным языкам: обоснование, теория и использование // Язык и исследование. – 2002(9). – С. 364–366.

7. Ян, Шенлин. Методика обучения юристов // Вестник сельскохозяйственного университета. – 2005 (4). – С. 200–202.

УДК 81’362
ББК 81.411.2 + 81.711
Ч 578

Чжу Лицюнь, магистр филол. наук, проф.
(Чанчуньский университет, Китай)

Сопоставительное изучение утверждения и отрицания в русском и китайском языках

В статье дается сопоставительный анализ способов выражения утверждения и отрицания в китайском и русском языках, причем упор делается на использование утвердительных конструкций для выражения отрицания и, наоборот, использование отрицательных конструкций для выражения утверждения.

китайский язык, русский, утверждение, утвердительное значение, отрицание, отрицательное значение

Утверждение и отрицание – исходные смысловые категории, присущие всем языкам мира, – проявляются на всех уровнях языковой структуры.

Утверждение и отрицание – это взаимно противопоставленные логические подходы. Отрицание может быть выражено специализированными языковыми средствами: отрицательными частицами, местоимениями и наречиями. Если отрицательное слово в предложении относится

к сказуемому, то семантика предложения отрицательная, то есть форма отрицания совпадает с выражаемой семантикой. Однако в реальной речи нередко встречаются высказывания, форма и значение которых не соответствуют друг другу. Как в китайском, так и в русском языке есть случаи, когда отрицательная форма имеет утвердительное значение или, наоборот, утвердительная форма выражает отрицательное значение. Например, часто говорят по–китайски: «这不很好吗？» в значении «这很好»(Это очень хорошо) – отрицание по форме, а утверждение по семантике. Возьмем другой пример: «管他呢» = «不要管他» –утверждение по форме, а по значению – отрицание. В русском языке существуют подобные языковые явления, например: (1) *Какие только кризисы они не переживали!* = Они переживали всякие кризисы. (2) *Станет он с вами сотрудничать*! = Он не станет с вами сотрудничать.

Грамматический строй в китайском и русском языках различен, соответственно, формы и способы выражения отрицания и утверждения неодинаковы, но все–таки существует общее в выражении отрицания и утверждения. Понимание этого поможет нам постигнуть структурную сущность двух языков, сопоставить и проанализировать языковые явления, будет способствовать лучшему овладению этими двумя языками.

Отрицательная форма выражает утвердительное значение в следующих случаях:

1. В китайском языке часто употребляется риторический вопрос с отрицательным словом для выражения утверждения. При этом обычна вопросительная или восклицательная интонация высказывания. Такие предложения являются фразеологизированными. Например: (1) 天气不是很好吗？(2) 你们每次见面不是这样吗？

В русском языке такое значение выражает частица *разве... не...* Перевод вышесказанных предложений: (1) Разве погода не хороша? (2) Разве не так всегда, когда вы встречаетесь с ним?

Иногда риторический вопрос с вопросительным местоимением (наречием) тоже выражает утверждение как в китайском, так и в русском языке. Например: (1) 她什么不知道？!(Чего она только не знает?!). (2) 哪儿他没去过?! (Где он только не бывал?!) (3) 什么问题没再三想过？！(Чего он только не передумал?!).

2. В китайском языке модальные глаголы 能，会，敢 в риторическом вопросе с отрицанием тоже имеют утвердительное значение. Например: (1) 我的亲生儿子，能不心痛他吗？（2）有什么根，就有什么苗，你会不知道？（3）这是我的书，他敢不还？

В русском языке такое значение передается конструкцией *как, разве, неужели + модальные глаголы (мочь, хотеть, успеть, и т.д.) + не* в риторическом вопросе. Перевод вышесказанных предложений: (1) Он мой родной сын, как я могу не заботиться о нем? (2) Каков отец, таков и сын, разве ты можешь этого не знать? (3) Это моя книга, неужели он посмеет не вернуть ее?

3. Если первая часть сложных предложений в китайском языке имеет отрицательную форму, а их вторая часть относится к специальным вопросительным предложениям, то сложные предложения являются утвердительными: (1) 他不去，谁去？（2）不在这，在哪休息？（3）不回家，回哪儿？

В русском языке такое же утвердительное значение выражается конструкцией *вопросительное слово + сказуемое, + как не.* Перевод вышесказанных предложений: (1) Кто пойдет, как не он? (Он не пойдет, тогда кто должен будет пойти?). (2) Где отдохнуть, как не здесь? (3) Куда поехать, как не домой?

Три вышесказанных типа предложений имеют общее: утверждение выражается в вопросительных предложениях с отрицанием.

4. Двойное отрицание. Как в китайском, так и в русском языке если в сказуемом двойное отрицание, то предложение имеет утвердительное значение. Например:

(1）不.....不.....	не... не
在农村他不能不寂寞。	Он не мог не скучать в деревне.
不能不爱这样的人。	Нельзя не любить такого человека.
(2) 没有……不行	Без (нет) ... не...

他的名字没有人不知道。	Нет никого, кто не знал бы его имени.
领导没有理论不行。	Без теории руководителю не обойтись.

5. В китайском языке риторическое вопросительное предложение с «还不», «可不», имеет утвердительное значение «*надо*». Например: 看你们的表现，还不该受批评？(Вас надо критиковать за такие плохие поступки).

Риторическое вопросительное предложение в отрицательной форме в начале предложения с «谁说» имеет сравнительно сильное утвердительное значение с оттенком возражения. Например: 谁说学生不能来！(Кто сказал, что ученики не придут!); 谁说三年级学生不会算这题!（Кто сказал, что третьекурсники не умеют решать такие задачи!).

不（没）……才怪……имеет значение «*обязательно, непременно*». Например: (1) 他不给你弄乱才怪呢！（Если он не поскандалит, это будет удивительно!). (2) 他们通不过考试才怪呢! (Если они не сдадут экзамен, это будет удивительно!).

Утвердительная форма выражает отрицательное значение в следующих случаях:

1. В обоих языках риторическое вопросительное предложение без отрицательного слова, но с вопросительным (восклицательным) словом, иногда выражает отрицание по значению. Например:

(1) Глагол (прилаг.) + 什么 с недовольством, нетерпением） 我们有理,怕什么？ 为小事生什么气？	Восклицательное предложение *с что* (ИК–7, экспресивное отрицание) *Чего мы боимся! Мы справедливы.* *На что сердиться! Все это мелочи.*
(2) 有什么相干... 弟弟和我有什么相干？ 他和过路人有什么相干？	*Что (кому) до (кого)!* *Что брату до меня!* Что ему до встречных прохожих!
(3) 叫 （算） 什么？ 什么叫不行？ 这叫什么音乐？	*Что за ...* *– Не могу. – Что за не могу?* *– Что это за музыка?*
(4) 干嘛... 天气这么好，穿这么多衣服干嘛？ 我干嘛嫉妒他？	*Чего (зачем, почему) бы ...* *– Погода такая хорошая, почему так тепло оделся?* *– Чего бы я завидовал ей?*
(5) Перед сказуемым в начале предложения с «怎么» «哪里» 我怎么是你的对手？ 我一个妇女哪里能挑起这副重担？	Риторическое вопросительное предложение с вопросительным словом *Куда мне с вами тягаться?* *Я ведь женщина, откуда я могу взять силы для такой тяжести?*

2. Вопросительное предложение без отрицательных слов:

(1) 还少吗 = немало 闲扯的还少吗？ 他要求的还少吗？	*Мало ли* + вопросительное слово + ! *Мало ли о чем болтать!* *Мало ли что он просит!*
(2)至于... 吗 = Не надо, не должно 写封短信至于用那么长时间吗？ 为这句话至于生气吗？	*Стоит ли...* *Стоит ли тратить так много времени на такое короткое письмо?* *Стоит ли сердиться на эти слова?*
(3) глагол (прилаг.) + 的 +吗 这么贵的东西我买得起吗？ 来这么多人我受的了吗？	*Мочь + ли* *Могу ли я купить такую дорогую вещь?* *Могу ли я принять столько людей?*
(4) «何必» «何苦» + вопросительное или восклицательное предложение 自己能做的事何必麻烦人呢？ 要知道他来，我何苦白跑一趟？	*С какой стати...?* *С какой стати вы обращаетесь к другим, если вы сами можете сделать это?* *С какой стати мне даром тратить время на поездку, если я знаю, что он придет?*

(5) 也算是 （без вопросительного слова）	*Тоже* N1 + глагол + !
也算是先进工作者？	*Тоже передовик называется!*
也算是老实人？	*Тоже честный нашелся!*

3. В русском языке иногда утвердительная форма выражает отрицательное значение при помощи восклицательной интонации и порядка слов:

(1) Фразеологизированные конструкции

Есть (кому) *время* + инф. + !	才不 （才没）
Есть мне время болтать!	我才没时间闲聊呢！
Есть им время это делать!	他们才没时间做呢！
(2) *нужен* (надо) (кому) + !	才不...
Нужны мне твои деньги!	我才不要你的钱！
Надо же ему опоздать!	他才不该迟到呢！
(3) *Стать* ... инф. + !	才不
Стану я идти вместе с вами!	我才不和你们一起去呢！
Станет он тебя слушать!	他才不会听你的呢！

В китайском языке существуют утвердительные конструкции, которые выражают тенденцию к отрицанию:

很难设想... (Предложение утвердительной формы).

很难设想他们队能取胜。（*Трудно представить, что они смогут победить*).

很难设想他们能帮助我们。*(Трудно представить, что они помогут нам*).

Выше проанализированы ситуации, отличающиеся от обыкновенного отрицания: утвердительная форма имеет отрицательное значение или, наоборот, отрицательная форма выражает утвердительное значение. Кроме того, в китайском языке есть предложения, которые и со специализированными отрицательными средствами, и без них выражают одну и ту же мысль:

(1) 她哭得好伤心 = 她哭得好不伤心 (*Она печально плачет*).

(2) 差一点上当 = 差一点没上当 (*Чуть не был обманут*).

В русском языке существуют аналогичные конструкции:

(1) *Осторожно, не простудитесь! = Осторожно, можете простудиться!*

(2) *Внимание, не упади! = Внимание, можно упасть!*

Отсюда приходим к выводу, что и русский, и китайский языки богаты средствами для выражения утверждения и отрицания. Сопоставительное изучение этих двух языков идет на пользу повышению точности во взаимном переводе. И овладение другим языком как иностранным предполагает понимание разницы и тождества способов выражения мысли на изучаемом и родном языке.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

Part I
Influencing the Recipient of the Message: Discourse Analysis

***Alexander G. Golodov**, Professor, Ph.D.(Ryazan, Russia)*

Borrowing from Other Spheres of Experience as a Means of Creating Positive Evaluation

The paper proves that cross–thematic lexical borrowing can be an effective means of creating positive evaluative connotation. The author examines the German language of football in its colloquial variety, which is rich in borrowings from other semantic fields. The study shows that the majority of borrowings are represented by military terms and professional military jargon. The author analyses the causes of this phenomenon and the functions performed in the language of football by the verbs borrowed from military vocabulary.

Cross–thematic lexical borrowing, spoken language of football, different stylistic registers, positive evaluation, military terms, verbs

***Valentin N.Stepanov** Professor, Ph.D.(Yaroslavl, Russia)*

On Emotiogenic Communication

The author suggests a new linguistic and socio–cultural concept, that of emotiogenic communication. To explore its essence, the author employs a comprehensive set of terms and refers to such traditionally recognized concepts as verbal behavior, speech genre, provoking, and provocative discourse.

emotiogenic communication, provoking, provocative genre, provocative discourse

***Hranush Tovmasyan,** Associate Professor, Ph.D. (Yerevan, Armenia)*

Deixis as Text/Discourse Anaphora and Presupposition Trigger (a functional approach)

The present paper studies text/ discourse cohesion via deixis and deictic expressions. The central issue of study is how they operate for text/ discourse cohesion and which function is activated to achieve the given task, namely, referential, anaphoric, substitutive, indexical, indexical–inclusive, poetic and attractive functions. Second, we offer a framework of how by virtue of their referential nature deictic expressions trigger existential presuppositions. The study is carried out in the scope of English and Russian languages.

deixis, deictic expressions, anaphora, indexical, indexical expressions, existential presupposition, cohesion, text/ discourse, demonstratives, demonstrative expressions, antecedent, function

Part II

Belles–Lettres Discourse Analysis from Cognitive and Philological Perspectives

Galina I.Boiko, *Associate Professor, Ph.D. (Ryazan, Russia)*

Literary Discourse: Cognitive and Conceptual Aspects (from the perspective of German Studies)

The article discusses some cognitive and conceptual aspects of the German speaking literary discourse. The research is focused on the highlighting of the conceptual sphere which is relevant to some period of time.

Discourse, concept, cognitive approach, interpretation

***Natalia A. Matveeva**, Ph.D., Senior Lecturer, Ph.D. (Ryazan, Russia)*

Reconstructing the Logical Background of an Associatively Created Poetic Image

The article studies poetic discourse and the ways of subjective interpretation of poetic images, it makes an attempt to explain how important it is to recreate the logical background of poetic imagery to understand the true idea of a poet, in particular in the course of pre–translation analysis, the article also analyzes the logical background of imagery in the poem «At The Cenotaph» by Siegfried Sassoon.

poetic discourse, poetic image, subjective interpretation, personal experience, logical background of an image

***Maria V. Smolentseva,** Associate Professor, Ph.D. (Yoshkar–Ola, Russia)*

Synonyms Denoting the Concept of «Love» in the Lyrics of German Songs

The paper analyses the similarities and differences of the vocabulary items representing the concept of «love» in lexicographic sources of the German language and their reflection in song lyrics.

synonymic row, concept, love, songs, discourse

Part III

Systemic Analysis of Language Units and Linguocultural Phenomena

***Rimma Kh.Karimova,** Associate Professor, Ph.D., (Sterlitamak, Russia)*

On the Conceptual Meaning of the German Word «*Faul*»

The article is devoted to the research of the concept «labour» in German. The study is based on the data available in German–German dictionaries, an etymological dictionary of German, dictionaries of modern German phraseology and dialectal words. The author investigates words and phraseological units which suggest a negative attitude to labour, with some of the vocabulary units under analysis belonging to the low colloquial register. Russian proverbs are offered for comparison.

concept, conceptual sign, derivates, composite, phraseological unit, proverb, zoonym, objectivation, verbalization

***Tatyana P.Karpakova**, Associate professor, Ph.D.(Ryazan, Russia)*

Local Dialects as a Source of Replenishing Low Colloquial Vocabulary of the French Language

The paper offers a study of dialectal words and expressions that give rise to lexical items of low colloquial French. The results yielded by the study show that lexical units acquire pronounced expressive value, emotive force and the power of evaluation by means of metaphorization, suffixation and changes in their phonetic form.

dialectal words, cant, anthropocentrism, secondary nomination, pejorative suffixes, apocope, negative connotations

***Marina V. Kutyeva**, Associate Professor, Ph.D.(Moscow, Russia)*

Phraseologisms Alluding to Biblical Personages in the Spanish and Russian Linguistic Pictures of the World

The paper traces the imprint of Biblical subjects and personages (chiefly, Herod and Judas) on the formation and functioning of phraseologisms that have become part of Russian and Spanish mentality, culture and language worldview. The author examines the cross–cultural commonalities and divergences in the perception and usage of these characters' personal names and the idioms alluding to them.

phraseologism, language world picture, Spanish, Russian, culture, biblical personage, Herod, Judas

Part IV

Teaching Translation and Intercultural Communication to Students of Linguistics

***Svetlana A. Korol'kova**, Associate Professor, Ph.D.(Volgograd, Russia)*

Translation Errors: Their Classification and Criteria of Assessing and Evaluating Written Translation

The article focuses on analyzing existing classifications of translation errors and criteria for assessing translations in Russian and foreign schools (ESIT, Sorbonne (Paris III), the Institut Libre Marie Haps in Brussels) and their applicability to teaching translation. The author explains the translation assessment system elaborated by Translation Studies Department of the Volgograd State University.

classification of errors, assessment criteria, semantic error, process error, linguistic error, technical error, error weight

***Elena S. Ustinova,** Associate Professor, Ph.D.(Ryazan, Russia)*

The Skill of Paraphrasing as a Communicative and Cognitive Tool in Foreign Language Acquisition at Tertiary Level

The paper compares the overlapping but different notions of «paraphrasing» and «periphrasis» and highlights the use of paraphrasing as a universal skill, equally essential for effective speaking, writing, listening and reading. It discusses the role of paraphrasing in various communicative situations, specifying its significance in pre–service education of teachers and translators, and offers a list of strategies aimed at teaching the skill of paraphrasing.

paraphrase, periphrasis, universal functional skill, rhetorical device, stylistic register, communicative function, sequence of exercises

Part V
Confucius Institute: Studies in Cultural Linguistics and Language Teaching Methodology

Van Xinton – Master of Linguistics (Changchun, China)

Colour Symbolism in Russian and Chinese Cultures

The paper examines the functions of color in the language picture and cultural worldview of two cultures: Russian and Chinese. The author compares the way colors are perceived by the two cultures and emphasizes the cross–cultural differences in connotations conveyed by specific colors. It is suggested that maximum attention should be given to culture–specific meanings when introducing this vocabulary group to Russian students of Chinese or Chinese students of Russian.

color nominations, meaning of symbols, language, culture

Liu Juan, *Professor, Ph.D. (Changchun, China)*

The Structure of Chinese Characters as Language Signs

The present–day Chinese characters are composed of several groups of strokes. In addition, Chinese characters include the meaningful and structurally complicated components. Most of the components can be independently used as a character or as a part of the character. The meaningful symbols of Chinese characters reveal the relative semantic autonomy of some components and interrelationship of characters possessing common components.

Chinese characters, *structure*, *meaningful symbols*

Liang Minyan, *Associate Professor, Dr.of Law (Changchun, China)*

Teaching Commercial and Legal Chinese

The article is devoted to the methods of teaching the Chinese Language of commerce and law. The author shows how three contemporary methods can be applied to teaching university students. The author maintains that the approaches examined in the paper can help to develop language skills in legal and commercial spheres alongside with perfecting knowledge of business and law. Integration of language and professional skills can also promote intercultural communication

commercial Chinese language, jurisprudence Chinese language, teaching technique

Zhu Liqun, *Professor, Master of Linguistics (Changchun, China)*

Affirmation and Negation in Russian and Chinese: a Comparative Study

Positive and negative meaning are opposites in languages. Negation is usually expressed through some structures, such as negative pronouns and negative adverbs. In this paper, the author analyzes specific structures of negative meaning and positive meaning –negative meaning being expressed through positive structure and positive meaning being expressed through negative structure. The author also examines their lexical features and their translation from a comparative approach.

Chinese, Russian, positive meaning, negative meaning

Сведения об авторах

Бойко Галина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес (раб.): 390000, Рязань, ул. Свободы, 46, ауд. 19в. Тел. (раб.): 8 (4912) 21 57 25. Электронный адрес: g.boyko@rsu.edu.ru

Ван Синьтон – преподаватель русского языка, магистр института международного образования. Чанчунь, Китай. Тел.: 81086–18943160720. Электронный адрес: emily050350810@163.com

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21 57 25, 8(4912) 21 57 23. Электронный адрес: a.golodoff@mail.ru

Каримова Римма Хатиповна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакской педагогической академии имени Зайнаб Биишевой. Почтовый адрес: 453130, Башкортостан, Стерлитамак, ул. Суханова, 28а, кв. 22. Дом. тел. (3473)41–26–29, моб. 89273380996. Электронный адрес: kar–rima@rambler.ru

Карпакова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, 46, комн. 31. Тел. (раб.): 8(4912) 28 04 40.

Королькова Светлана Азадовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета. Почтовый адрес: 400131, Волгоград, пр. Ленина, 20, кв. 79. Тел.: 8 917 334 01 24. Электронный адрес: svetlanakrlkva@rambler.ru

Кутьева Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Института Иностранных Языков Российского Университета Дружбы народов. РУДН. Почтовый адрес: 105118, Москва, Измайловское шоссе, 6–20. Тел.: 84993691989, 89067252022. Электронный адрес: marku2006@yandex.ru

Лю Цзюань – доктор филологических наук, профессор Чанчуньского университета. Чанчунь, Китай. Тел.: 81086–13009130810. Электронный адрес: lj0424@163.com

Лян Миньянь – доктор юридических наук, доцент юридического института Чанчуньского политехнического университета (Китай), преподаватель китайского языка института Конфуция Бурятского государственного университета. Почтовый адрес: 670034, Улан–Удэ, ул. Пушкина, 25. Тел: 81086–13944885786; 007–89148407475. Электронный адрес: 779440241@qq.com

Матвеева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, заместитель директора ИИЯ по науке и развитию. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: 8–910–645–59–22. Электронный адрес: n.matveeva@rsu.edu.ru

Смоленцева Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Марийского государственного технического университета. Почтовый адрес: 424001, Йошкар–Ола, пл. Ленина, 3. Тел.: 8836686041. Электронный адрес: lovelygirl771@mail.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой массовых коммуникаций и социально–культурного сервиса Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Почтовый адрес: 150003, Ярославль, ул. Советская, 80. Тел. +7–4852–25–66–76. Факс +7–4852–32–09–62. Электронный адрес: stepanov@mubint.ru

Товмасян Грануш Жораевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики английского языка Ереванского государственного лингвистического университета имени В. Брюсова. Почтовый адрес: ул. Н. Тиграняна, 7, кв. 49. 0014, Ереван, Армения. Тел.: (0037491) 483398. Электронный адрес: anushtovmasyan@yahoo.com, hranushtovm@brusov.am

Устинова Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, зав. Центром глобального образования ИИЯ РГУ. Почтовый адрес: 390000, Рязань, ул. Свободы, 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21 57 23. Электронный адрес: e.ustinova@rsu.edu.ru

Чжу Лицюнь – магистр филологических наук, профессор Гуанхуаского института Чанчуньского университета, Чанчунь, Китай. Тел.: 81086–13504482648. Электронный адрес: zhuliqun1952@163.com

List of Authors

Boiko Galina I. **–** Ph. D., Associate Professor, Dpt. of Second Foreign Language and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8(4912) 21 57 25, 8 (4912) 21 57 25. E–mail: g.boyko@rsu.edu.ru

Golodov Alexander G. – Ph. D., Professor, Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel. (work): 8(4912) 21 57 25, 8(4912) 21 57 23. E–mail: a.golodoff@mail.ru

Karimova Rimma Kh. – Ph. D., Associate Professor, Dpt. of Germanic Languages, Sterlitamak Pedagogical Academy named for Zainab Biisheva. Postal Address: 28–a Sukhanov St. fl. 22, Sterlitamak, Bashkortostan, 453130, Russia. Tel. (3473) 41–26–29. E–mail: kar–rima@rambler.ru

Karpakova Tatiana P. – Ph. D**.,** Associate Professor, Dpt. of Romanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8(4912) 28 04 40.

Korol'kova Svetlana A. **–** Ph. D**.,** Associate Professor, Dpt. of Theory and Practice of Translation, Volgograd State University. Postal address: 20 Lenin Avenue (Prospect Lenina), flat 79. Volgograd, 400131, Russia. Tel.: 8 917 334 01 24. E–mail: svetlanakrlkva@rambler.ru

Kutyeva Marina V. – Ph. D., Associate Professor, Foreign Languages Dpt.#3, Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia. Postal address: 6 Izmailovskoye Shosse, fl. 20, Moscow, 105118, Russia. Tel.: 84993691989. E–mail: marku2006@yandex.ru

Liang Minyan – Dr. of Law, Associate Professor, Institute of Law, Changchun Polytechnic University, China; Teacher of Chinese at Confucius Institute, Buryat State University. Postal address: 25 Pushkin St., Ulan–Ude, 670034. Tel.: 81086–13944885786; 007–89148407475. E–mail: 779440241@qq.com

Liu Juan **–** Doctor of Philology, Professor, Changchun University, Changchun, China**.** Tel.: 81086–13009130810. E–mail: lj0424@163.com

Matveeva Natalia A. **–** Ph. D., Senior Lecturer, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8–910–645–59–22. E–mail: n.matveeva@rsu.edu.ru

Smolentseva Maria V. – Ph. D., Associate Professor, Dpt. of Foreign Languages, Mari State Technical University. Postal address: 3, Lenin Sq., Yoshkar–Ola, 424001. Tel.: 8836686041. E–mail: lovelygirl771@mail.ru

Stepanov Valentin N. – Ph. D., Professor, Deputy Rector for Research, Head of Dpt. of Mass Communication and Sociocultural Service, International Academy of Business and New Technologies. Postal address: 80 Sovetskaya St., Office 116, 150003, Yaroslavl, Russia. Tel.: + +7–4852–25–66–76. Fax: +7–4852–32–09–62. E–mail: stepanov@mubint.ru

Tovmasyan Hranush Zh. – Ph. D., Associate Professor, Head of Dpt. of English Phonetics and Grammar, Yerevan State Linguistic University named for V. Bryusov. Postal address: 7, N. Tigranyan St., apt. 49, Yerevan, 0014, Armenia. Tel.: (0037491) 483398. E–mail: anushtovmasyan@yahoo.com, hranushtovm@brusov.am

Ustinova Elena S. – Ph. D., Associate Professor, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Head of Global Education Centre, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal Address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: (4912) 21 57 23. E–mail: e.ustinova@rsu.edu.ru

Van Xinton **–** Master of Linguistics, Teacher of Russian, Institute of International Education, Changchun University, China. Tel.: 81086–18943160720. E–mail: emily050350810@163.com

Zhu Liqun **–** Professor, Master of Linguistics, Guanghua College of Changchun University, Changchun, China. Tel.: 81086–13504482648. E–mail: zhuliqun1952@163.com

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года. С 2009 года его периодичность – один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия 29 декабря 2006 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77–26636.**

Подписной индекс журнала – № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный индекс ISSN 2072–7607.

В журнале «Иностранные языки в высшей школе» представлены рубрики, посвященные филологии и лингвистике, теории и практике перевода, методике преподавания иностранных языков и теоретических дисциплин в вузе (в том числе теории и практике глобального образования).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках: немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. Редакционный совет журнала принимает статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые–исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
3. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. В 2012 году публикации остаются бесплатными для всех категорий авторов. Гонорар авторам не выплачивается.
6. Основанием для включения статьи в состав журнала «Иностранные языки в высшей школе» является получение положительной рецензии на статью от признанных ученых в данной области научных знаний.
7. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционной коллегией журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

№	Индекс	Название специальностей	Науки
1	13.00.02	Теория и методика обучения и воспитания	Педагогические
2	10.02.20	Сравнительно–историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	Филологические
3	10.02.19	Теория языка	Филологические
4	10.02.04	Германские языки	Филологические
5	10.02.05	Романские языки	Филологические

6	10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	Филологические
7	10.01.08	Теория литературы. Текстология	Филологические
8	10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	Филологические
9	10.02.01	Русский язык *	Филологические
10	10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	Филологические

***** Русский язык рассматривается как иностранный. Имеется в виду филологический анализ как предпосылка для сопоставительного исследования или для целей методики преподавания русского языка как иностранного.

Требования к оформлению статей

Статьи присылаются по электронной почте на адрес: e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам: ya.kolker@rsu.edu.ru; e.ustinova@gmail.com). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Средний рекомендуемый объем статьи – 0,5 п.л., но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается аннотацией (6–10 строк) и списком ключевых слов на русском языке, а также **заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи)**.

Ссылки в тексте оформляются в виде сносок под страницей, со сплошной, то есть продолжающейся нумерацией (маркер сноски – арабская цифра). Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ.

Шрифт – Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал (кегль подстрочной сноски 10, Times New Roman). Опция переноса должна быть включена. Не допускаются ручные переносы.

Указывается развернутый шифр **УДК** статьи.

Сведения об авторах

– фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «е» не должна заменяться на «е»);
– ученая степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
– информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
– отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
– наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, «Заслуженный работник высшей школы РФ»);
– количество научных публикаций (отдельно указать количество книг, монографий, учебно–методических пособий, статей);
– адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e–mail);
– название и шифр специальности предполагаемой защиты;
– основные направления научных исследований.

Контактный телефон и электронные адреса

e.ustinova@rsu.edu.ru; ya.kolker@rsu.edu.ru

Тел.: (4912) 21 57 23.

ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ МОЖНО В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ИЗДАНИЯ № 36852 В КАТАЛОГЕ «РОСПЕЧАТЬ»

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал

Выпуск 1 (20)

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е.С. Устинова (английский язык)
Е.В. Игнатова (немецкий язык)
Т.П. Карпакова (французский язык)
Нина Шань (китайский язык)
А.В. Николаенко (испанский язык)

Редактор В.Л. Рубайлова
Технический редактор Р.В. Камзелев
Ответственный за выпуск И.В. Пресняков

Подписано в печать 31.03.2012. Поз. № 064
Бумага офсетная. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14. Тираж 400 экз. Заказ № 112

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано ЗАО «ПРИЗ»
390010, г. Рязань, пр–д Шабулина, 4